

Виктория Лернер

ЗИГЗАГИ ОДНОЙ СУДЬБЫ

Израиль – Ашдод – 2019

Виктория Лернер. Зигзаги одной судьбы. Повести, рассказы. – Ашдод. Изд-во журнала «Начало», 2019. – 182 с.

От автора

Вторая книжка... На неё решиться было труднее, чем на первую. Первую хвалят – добавилось ответственности. Выдумывать я не умею. В этой книге тоже жизнь реальных людей, пусть и не буквальная запись их рассказов. Придётся сослаться на право авторского вымысла. Спасибо моим друзьям из ЛИТО «Паруса» за поддержку, за учёбу, за доброжелательное отношение. Без них я бы не рискнула заниматься писательством. Да и «прорвало» меня на этот нелёгкий труд совсем недавно – пять лет назад. Надеюсь, что и эта книжка доставит читателям удовольствие.

ЗИГЗАГИ ОДНОЙ СУДЬБЫ (повесть)

*Хорошо, что есть что вспомнить.
Плохо, что внукам об этом не расскажешь.*

*Жизнь как генеральский погон:
одни зигзаги и ни одного провета.*

1

Ещё не старый портной Кац был не только хорошим мастером – он ещё пел в синагоге. У него был бархатный баритон, от которого млели все женщины местечка. Вообще-то, «местечко» было одним из районов Днепропетровска, на низменном левом берегу Днепра, со странным названием Амур-пески. Ну, песка-то было достаточно – иных домишек за высокими дюнами и не видно было.

Пятилетнего внука Нюмку дед любил даже больше других внуков, потому что у мальчишки оказался абсолютный слух и прекрасная музыкальная память. Не прерывая шитья, дед наставлял мальчика:

– Нюмке, гёрст ду мир? Аидише лид ис гитэ лид, аидише лид ис шёне лид, аидише лид ис дибэсте лид, ам ганцем вэлт (Нюмка, ты слышишь меня? Идишская песня – красивая песня, идише песня – хорошая песня, идише песня – лучшая песня во всём мире).

Кроме Нюмки, был ещё Сашка (младше на три года) и дети старшего брата отца: Лазарь (на 5 лет старше) и Сифа (на 10 лет старше). Жили все вместе. Наум пел с удовольствием и дома, и в синагоге. Ему доверяли даже подпевать кантору при необходимости, хотя он был ещё мал и до бар-мицвы было далеко. Но дед Самойла гордился им и даже жмурился, слушая звонкий прозрачный дискант внука.

Бабушка Хана, такая же большая, как дед, тёплая и уютная, на ночь укачивала внука на руках. Она вообще от рождения и до пяти лет старалась его с рук не спускать, хотя остальные в семье возмущались этим:

– До самой свадьбы будешь на ручках носить?!

Её руки натруженные, но мягкие и добрые, пахли необыкновенно и тоже уютно – сдобой. И вдруг в какой-то момент её не оказалось рядом. Как-то сразу постаревший дед Самойла сказал хмуро и непонятно:

– Бог почему-то решил, что Хана ему нужней, чем нам...

Бабушка была из семьи Абрамовичей. Её братья, тоже крупные и громкие, были в местечке заметными людьми: держали пекарню и даже имели долю на мельнице где-то на Самаре, притоке Днестра.

Нюмкин отец, Иосиф, ещё во времена Осовиахима по комсомольской путёвке ушёл в авиацию. В 1937 году, когда Нюмке было три года, он приехал из Юзовки, где находилось их авиаучилище, на побывку. Как раз закончилась их переподготовка на военных лётчиков.

– Собирайся, – сказал он жене. – Едем в Чернигов.

– Что, так сразу?

– Нет, у тебя ещё часов шесть на сборы.

– А там есть, где жить?

– Мне квартиру при части дают. Не забудь захватить все детские вещи. А я, скорее всего, уеду в командировку. Ненадолго...

Они переехали в Чернигов, а через несколько дней отец улетел.

– Обо мне не беспокойтесь, – уверил он. – Скоро напишу.

И исчез на долгих полгода, поцеловав жену, сына и посмотрев в колыбельку, где пускал пузыри только на-днях родившийся Сашка. Оказывается, из Чернигова лётчиков перевезли в Борисполь, и оттуда они уже на своих новеньких «ишачках» И-16 через Жуковский улетели в Испанию. Вернулся он уже в 1938 году, потемневший, ещё более молчаливый, чем обычно. Сашка познакомился с отцом только накануне своего первого дня рождения.

До самого 1941 года они жили в Чернигове, отец учил летать новое пополнение, а 25 июня, когда уже бомбили Киев, семьи лётчиков увезли в Борисполь на военный аэродром. Но фронт подходил очень быстро, налёты звеньев с ненавистными крестами выматывали последние силы. Мать вспомнила о родственниках в Ворошиловграде. Приехавший накануне дед, во главе с семьёй старшего сына, сказал:

– Мы попробуем добраться до Башкирии. Мужики на станции говорили, всех туда везут...

В Учалинский район, в село Поляковка они добрались только поздней осенью. Пришлось Наумке этот учебный год пропустить, его взяли подпаском, пастух местного колхоза добился для него рабочей карточки. Пас коров до следующей осени, так что в первый класс попал только в 1942 году.

О судьбе деда Самойлы и семье старшего брата Иосифа, Бориса, они долго ничего не знали.

Мать с сыновьями в Поляковке вела жизнь голодную и неопределённую. Мальчишкам было совсем плохо: местные относились настороженно, мальчишки обижали, и только спустя немалое время наладились нормальные отношения. Деньги по отцовскому аттестату поступали нерегулярно и не полностью – иногда по 2-3 месяца ничего не было. На почте отвечали:

– Раз нет, значит, сам потратил. Не горюйте, значит – живой.

А мать на заводе, как чернорабочая, зарабатывала мало. Что уж говорить о детских пайках – они мизерны, а мальчишки растут! В школе после уроков учительница Серафима Абрамовна вешала на шею каждого ученика консервную банку или холщовую сумочку. Они шли в поле, собирали колоски, вылущивали зёрна. Возвращались в школу, и учительница в чугушке варила из этих зёрен кашу. Это был школьный обед. Запивали кипятком из большого чайника, в котором запаривали мелко нарезанную брюкву. Вроде бы, сладковато...

Младшеклассники с завистью смотрели, как старшие мальчишки с деревянными винтовками отрабатывали «штыковой бой». Для этого на заднем дворе школы устроили мишени, а штыком служила привязанная к «дулу» проволока.

Детская неугомонность и непослушание всё равно проявлялись. Считалось у 8-9-летних мальчишек геройством играть прямо возле старых шурфов. Ну и провалился Нюмка в один такой шурф, а там глубина 15 метров, это с пятиэтажный дом. Перепуганные мальчишки разбежались, а родителям никто из них и не заикнулся. Несколько часов прошло, пока

невредимого, но до смерти напуганного мальчика вытащили, спустив в шурф верёвку с бадьёй.

А в другой раз отличился Сашка. Он просто потянулся понюхать добытый матерью с большим трудом стограммовый стаканчик подсолнечного масла. И перевернул, конечно...

Певческая карьера Наума началась в сентябре 1942 года, сразу после поступления в школу. Это были детские концерты в госпиталях. Принимали их очень хорошо – хлопали изо всех сил, совали в руки яблоки и пирожки. Но брать подарки было нельзя. Серафима Абрамовна предупредила:

– У раненых вообще ничего нельзя брать. Им эти лакомства приносят за их героизм, чтобы быстрее выздоравливали.

Отец уже стал командиром эскадрильи – об этом он сообщил в одном из нечастых писем. Наверное, не до писем ему было, хотя другие семьи получали почту намного чаще.

Нюмка вместе с другими ребятами копался в помойках в поисках хоть чего-нибудь съедобного. Из лесу носили хворост, и подворовывали уголь на прибрежной отмели, где разгружались баржи с топливом. Впрочем, тогда так жили все вокруг.

Чуть позже они переехали в Дербент. Мать сутками пропадала на работе в порту, но зато тут было не так голодно. Всё хозяйство и забота о младшем брате полностью легла на десятилетнего Наума.

С юга наплывали предгорья Большого Кавказа, чуть ли не у крыльца их хибарки плескалось Каспийское море. Всё та же бедность, что и раньше, только хозяйка хибары – старая, сморщенная, как сухофрукт, азербайджанка. Сдав эвакуированным свою хибару, она перебралась к своей сестре, в

аккуратный домик кварталом выше, но навевывалась, чтобы следить за поведением детей, от которых только и ждала каких-нибудь пакостей. По-русски говорила всего несколько слов, но с таким акцентом, что понять её было трудно.

Нюмка тащил от колодца огромный чайник – ведра для воды у них не было. Старуха, сторожившая свой «сад» – 3-4 тутовых дерева и пара абрикосовых, тут же возникла:

– Тути?

Наум не понимал. Тутовник на Украине называли шелковицей, и он не мог привыкнуть к новому названию. А старуха думала, что он набрал в чайник ягод. Разобравшись, он буркнул:

– Вода.

– Води? – подхватила старуха, но всё же подошла ближе, подняла крышку чайника. – Води... – разочарованно пробормотала она.

Конечно, они с Сашей рвали спелые ягоды, но только тогда, когда хозяйки не было рядом – вечером, когда она шла ужинать к своей сестре. Было развлечение и получше. Во время нереста, когда рыба из моря поднималась тугими сверкающими стадами – тесно бок к боку – по многочисленным узким речушкам, солдаты из соседней части появлялись с сетями. Речку шириной шагов в пять перегораживали камнями, рыб хватали прямо руками, подталкивали сапогами, выбрасывали в сети на берегу. Полные сети выворачивали прямо навалом в стоящую рядом трёхтонку, туда помещалось почти четыре тонны рыбы. Рессоры крякали и приседали.

Нагрузив машину, солдаты разбирали плотинку: плыви, уцелевшая рыбка, размножайся. На территории части устраивали аврал: рыбу солили отдельно в

больших бочках, икру отдельно. Часто вялили. Готовили тузлук – густую смесь (бочка воды, мешок соли). Обмазанную этой смесью потрошённую рыбу подвешивали сотнями на телефонный кабель. В «замазке» рыба вялилась на здешнем неистовом солнце – ни одна муха не сядет на тузлук! – и становилась не сухой, а нежной, истекающей ароматным жиром. Готовую рыбу снимали с кабеля и укладывали в бочки. Когда сбивали замазку, с ней сходила и чешуя.

Ребятишки на берегу подхватывали упавшие рыбины, вскидывали полные мешки на спину. Дома мать обрабатывает. Мешок шевелился, оттягивал спину. Ничего, спине придётся потерпеть, а рыбы должно хватить надолго, если засолить. Икру солили отдельно.

Нерестовой заготовки должно было хватить на год, до следующего нереста. Рыба и икра были существенной добавкой не только к солдатскому столу, но и работникам порта.

Ближе к концу войны, осенью 1944 года отец вызвал семью поближе к себе: он уже командовал специальным авиаполком, которому была придана эскадрилья «Нормандия». Полковнику Кацу разрешили поселить семью в ближайшем, уже освобождённом городке Лида Гродненской области. Десятилетнему Науму довелось познакомиться с французами. Командиром эскадрильи у них был Жан Тюлян, там же служил лейтенант маркиз Ролан де ля Пуац, которого мальчишки просто обожали.

Переводчиками были бывшие россияне, попавшие во Францию ещё во время революции, в детстве – Мишель Шин и Александр Стахович, и Анатолий Коро из пополнения 1944 года. Французы оказались

общительными и дружелюбными, мальчики быстро нахватались французских слов и щеголяли ими в школе.

Осталась в домашнем альбоме фотография особняка, в котором они тогда жили – двухэтажный дом какого-то сбежавшего польского графа. Верхний этаж занимала семья командира дивизии генерала Набокова, а в нижнем этаже жила семья его заместителя, полковника Иосифа Самойловича Каца и семья Мусы Гареева. Гареев был самым молодым дважды Героем Советского Союза, ему в это время было всего 27 лет. Первую Звезду Героя он получил в 1943 году, когда вызвал огонь на себя при форсировании Днепра, вторую позже, в Берлине.

Там же, в Лиде, поселили переселенцев-белорусов. Они занимали брошенные хозяевами дома: двухэтажные, с плодовыми садами и скотными дворами. Эти сады новые хозяева обносили колючей проволокой, «чтобы ни один супостат не добрался». Разрушенные скотные дворы они не восстанавливали: обломки дерева пускали на дрова, а скот держали на первом этаже своих домов. Сами с семьями жили на втором этаже, нередко по 7-8 человек в комнате. Навоз выбрасывали прямо у крыльца. Городок по виду и по запаху быстро стал похож на разросшийся скотный двор.

Как-то мать перед стиркой вывернула карманы полевой гимнастёрки мужа – не дай Бог постирать какой-нибудь документ! – и обнаружила в нагрудном кармане пачку фотографий, всё молодые женщины.

– Это ещё кто? – растерянно спросила она мужа.

– Это?.. Это радистка Валя, это официантка Зоя, а это телефонистка Нина... Тебе что, все-все имена знать интересно? Сослуживцы это! Просто фото на память.

– И всем командирам они раздают такие фото?

Иосиф хмыкнул, быстро отобрал у жены всю пачку, штук двадцать, не меньше.

– Конечно! Ты что думаешь, у нас было время на развлечения? Да я за всю войну только два раза свой день рождения отмечал!

Мать промолчала. Они с сыновьями ни разу не отмечали. До того ли было?..

В Лиду приехал поляк Юзеф – так он представился. Услышал фамилию отца и напросился в гости. В разговоре упомянули деда Самойлу и слышали рассказ, которого ждали столько лет. Оказывается, дед с семьёй Бориса – его женой, Сифой и Лазарем – эвакуировались из Днепропетровска в Ростов-на-Дону, потом уходили всё дальше к Кавказу. Сифа работала перед войной в Ворошиловграде на центральном телеграфе, и их коллектив эвакуировался весь вместе. На их беду, немцы высадили десант и после перестрелки захватили поезд. Коллеги Сифы не выдали её – сказали, что она украинка Серафима, а документы сгорели.

Уже на подступах к Кавказу фронт настиг их. Сифа попала в местный концлагерь. Их гоняли на дорожные работы. Но оккупация в тех краях длилась недолго, всего три месяца, и там 19-летняя девушка познакомилась с 30-летним французом. Они полюбили друг друга. После освобождения молодые люди остались в одном из сёл под Майкопом, и только в 1944 году поженились и уехали во Францию.

– Жива она, жива, – повторял Юзеф. – Они сейчас ещё во Франции, но собираются переехать в США.

– Говори тише, – сказала мать. – Не дай Бог, кто-то узнает, что у моего мужа двоюродная сестра живёт

за границей. Если и не посадят, то из армии точно выгонят.

И предупредила мальчиков:

– Вы ничего не слышали. И не вздумайте кому-нибудь проговориться, иначе отцу не поздоровится.

Обычно, сбегая из дому к своей компании мальчишек, Ньюма в прихожей залезал в левый карман отцовского кителя, захватывал горсть папирос и быстро опускал их в глубокий карман брюк. Папиросы отец не считал: они у него лежали в коробках по сто штук, и к себе в карман он их брал горстью без счёта. И ни разу не заметил, что их становится меньше. Зато Наума компания встречала восторженным свистом: все были старше него и уже даже пробовали понемногу водку, а вот с куревом была беда. За компанию и Наум начал курить лет в двенадцать.

В Лиде Ньюма тоже пел – и в школе, и дома. Часто, собравшись с друзьями, Иосиф звал сына:

– Нюмка, спой!

Пели любимые песни, звонкий дискант вплетался в густой хрипловатый хор. Иногда было по-другому:

– Нюмка, помнишь песню «Спят курганы тёмные»?

– Конечно!

– Вот тут один наш лейтенант на этот мотив другие слова написал, вот смотри. Почерк разберёшь?

– Разберу...

Молодые девушки немцам улыбаются,

Позабыли женщины о своих мужьях...

Ого, целых четыре куплета. А о чём это?

– Подрастёшь – поймёшь. Ты, главное, пой.

Лётчики пели с надрывом...

Уже отгремела Победа, уже отца перевели командиром авиаполка в Чернигов. Наум и там продолжал петь – в школе, во Дворце пионеров. Часто принимал участие в детских фестивалях и конкурсах. Осенью 1945 года, как победитель областного конкурса, попал на Всеукраинский фестиваль в Киев, представлял Луганскую область. Занял третье место. Первое место получил представитель Донецкой области, восьмилетний Йося Кобзон.

В двенадцать лет у Ньюмы стал ломаться голос. Детский дискант переходил в юношеский хрипловатый, со странными «петухами» басок, ещё неустоявшийся. В это же время он сильно вытянулся в высоту. Мать только за голову хваталась: рукава рубашки и всесезонной курточки подскочили к локтю, а брюки – к коленям. Малорослый щуплый Саша завистливо посматривал на брата:

– Теперь я буду всё это носить?

Мать махала рукой:

– Тебе Ньюмины одёжки раньше, чем через три года, не понадобятся. Соседям отдадим... Йося, готовь талон в Военторг. У тебя сын почти голый и босый.

Через пару дней Наум пошёл в школу во всём новом. А назавтра его остановила на улице мать одноклассника Мити:

– Ньюмочка, ты можешь попросить своего отца? Ему ведь не откажут, он командир... Можно взять в Военторге хоть одну рубашку для Митеньки? Я уже замучилась класть латку на латку. Да и младших двое, им донашивать...

– Разве вам не дают талонов?

Женщина поджала губы:

– Это лётчикам дают талоны раз в месяц. А у

Мити отец механик. Нам ещё полгода ждать... – Разве можно было отказать?

Спиртное Наум попробовал в 13 лет. В этот день они с братом Сашей пошли, как всегда, в ближайший лес за хворостом. Уже набрали приличный ворох, взвалили большие вязанки на спины и двинулись домой. На одной из полянок наткнулись на компанию из трёх мужиков, которые сидели вокруг костра. На огне кипело что-то в странном сооружении, и капало что-то резко пахнущее из трубочки в стоящую рядом большую бутылку.

– Привет, пацаны, – прохрипел один из мужиков. – Чё, за хворостом? Ого, сколько набрали! Приземляйтесь, передохните.

Ребята сбросили со спин вязанки, примостились на бревне.

– Чё вылупился? – поинтересовался второй, видя, что мальчик не отводит глаз от странного аппарата. – Не видал никогда? На-ка вот, попробуй!

Он нацедил прямо из трубки в мутный стакан какую-то жидкость, чуть больше полстакана. Наум храбро опрокинул напиток в рот и чуть не задохнулся. Это был первач, крепчайший самогон. Ему тут же сунули в руку огромный солёный огурец – надкусил, и стало немного легче. Перевёл дух.

– Чё, никогда не пробовал? – всполошился мужик. – Тебе сколько лет-то?

– Тринадцать, – с трудом выдавил Наум.

– Гляди-тко, а я думал, лет шестнадцать. Здоров ты! А брату сколько?

– Десять... Ему не наливайте! – вскрикнул Наум. Но было поздно: Саша уже заглотил налитый на доньшке самогон и тут же рухнул на землю. – Что вы делаете, он же умереть может!

Мужики засуетились. Один из них влил в рот мальчика родниковой воды из бидончика. Саша захлебнулся, его стало рвать. Подождав, пока он успокоится, другой выкатил из кустов трофейный мотоцикл с коляской, посадил в него обоих пьяных мальчиков вместе с их хворостом и рванул к аэродрому. Всё обошлось.

Вздумалось как-то полковнику взять своего старшего сына на пикник. Были французские лётчики с девушками, были и свои. Наум смотрел во все глаза, потом пристал к отцу:

– Папа, а вот тётя Света приехала не с Серёжей, а с Анри. Почему?

Полковник чуточку подумал:

– Ты знаешь, Нюмчик, он, оказывается, её двоюродный брат. Они очень давно не виделись.

Наум вспомнил дядю Серёжу, начальника военторга – толстого, с одышкой, с неприятной привычкой всё время шмыгать носом. Критически посмотрел на молодцеватого французского капитана:

– Поэтому они всё время обнимаются и целуются?

– Ну, конечно!

Проблемы 1947 года были лётчикам незнакомы. Они вообще ничего не знали ни о первом, ни о втором голодоморе. Им выдавалось полное обеспечение, как будто в стране царило изобилие. Расстелили на траве парашют. После обильного обеда почти все разбрелись по лесу. Французов должны были вот-вот демобилизовать и отправить домой. Наум играл в волейбол с молодыми лейтенантами на берегу Нёмана, потом они плавали в прохладной воде, загорали. Только через несколько часов, по знаку полковника, шофёр его машины загудел клаксоном.

Подтянулись остальные водители. Из леса стали выходить парочки.

– Пап, смотри, – зашептал Наум на ухо отцу. – У Анри все коленки в земле. Ты ему скажи, пусть отряхнёт. Он что, перед тётей Светой на коленях стоял?!

– Сынок, не обращай внимания. Ты ничего не видел, не слышал и никому ничего не будешь рассказывать. Понял?

Больше он сына на пикники не брал.

А в четырнадцать лет в жизни Наума появилась первая женщина. В семье командира дивизии было трое детей – девочка и мальчик, примерно одного возраста с Наумом, и их старшая сестра, Азалия, лет 19-20. Странное имя, но оно ей шло. Аза только закончила медучилище и работала медсестрой в местной больнице. Она-то и положила глаз на рослого и красивого подростка. После первого любовного опыта он никак не мог прийти в себя, просто не был готов к подобным отношениям. Ребёнок... Спросил девушку:

– А что мне теперь делать?

– А ничего, – фыркнула она. – Ты что думаешь, я тебя заставлю жениться на мне? Нос не дорос! Тем более что у меня уже есть жених. Да ты ж его знаешь.

Наум знал этого лейтенанта, он был командиром авиазвена, мечтал стать командиром эскадрильи. Но это должность для подполковника, а значит, долгое дело.

– А если он узнает?

– Ты думаешь, он не знает меня? Ничего-ничего, всё равно как миленький будет за меня держаться, ведь от моего отца зависит его карьера.

И при каждом удобном случае приглашала Наума к себе. А он уж и привык, и не отказывался. Только

примерно через год этот Жора перехватил Наума на лестничной клетке:

– Эй, пацан, тебе сколько лет-то?

– Пятнадцать.

– Ох ты! Я-то думал, лет двадцать. Ладно. Ты что, собираешься на ней жениться... когда-нибудь?

Наум мучительно покраснел:

– Ну... нет, конечно... А вы меня бить не собираетесь? А то я и сдачи дать могу, тогда шум будет.

– Ты-то тут при чём? Я так понимаю, эта стерва сама всё затеяла. Меня ей уже мало, на детей потянуло.

– Так зачем вы на ней женитесь?

– Ха! Я сейчас кто? Командир звена, лейтенант. А её батяка сделает для меня должность комэска... ну, не сразу, конечно. Но вот к капитану уже представлен, потом быстренько майором стану, а там и подполковником. Сечёшь? Так что покувыркаться с ней придётся в любом случае. Ну ладно, бывай!

К экзаменам на аттестат зрелости Наум готовился с одноклассниками, и только вечером возвращался домой. Поднимаясь к себе, уже в прихожей услышал громкие голоса. Явно разгоралось застолье. Гости не очень слаженно, но очень громко пели:

Артиллеристы, Сталин дал приказ!

Артиллеристы, зовёт Отчизна нас...

Мальчик, не заходя в гостиную, заглянул в открытую дверь. Мать как раз несла из кухни очередное блюдо. Тут было всё командование части и ещё гость, председатель горисполкома Окулич. Наум фыркнул: Окулич давно напрашивался в гости к генералу, просительно заглядывая в глаза:

– У тебя всё время такие чины собираются, а я ведь тоже в городе немаленький человек. Можно сказать, первое лицо! Мне эта рабоче-крестьянская среда во как надоела!

Рядом с его расплывшейся фигурой сидела не менее расплывшаяся его жена, любительница пирогов и пельменей. Как раз, когда Наум прошёл уже мимо двери, послышался звон ножа о бокал – это Окулич готовился произнести речь.

– Разрешите, дорогие товарищи, предложить тост: да здравствуют наши доблестные лётчики-самолётчики и крупный рогатый скот! – и он, довольный, плюхнулся на своё место.

Наум засмеялся и ускорил шаг. Он ещё успел услышать оглушительный хохот за столом и чей-то генеральский бас:

– Ну, Окулич, и долго ты её сочинял, свою речь?

В шуме застолья выделялся голос отца – очень низкий, густой, с хрипотцой. Отец вообще говорил не много, но весомо, медленно – будто долго раздумывал над каждым словом. Взгляд его был мрачноватым, тяжёлым и пристальным, хотя и шутку любил. Зато голос никогда не повышал, особенно на своих детей – чего на них кричать, когда и так видишь их нечасто. Хоть и война давно закончилась, но армия оставляет очень мало времени для семьи.

А с комдивом и другими приятелями они часто после ужина засиживались допоздна за бутылочкой. Не напивались, а просто под неторопливую беседу принимали для отдыха. Мать на эти посиделки обычно не оставалась, уходила спать.

После школы у Наума не было вопроса: куда пойти учиться. Конечно, только в военное училище!

– В лётное? – с надеждой спросил отец.

– Нет, в радиоинженерное, – ответил сын. – Мне радиотехника интереснее.

Горьковское военное училище ПВО, филиал Кремлёвского училища, выпускал операторов ракетной службы: системы наведения, контроля, слежения, расчёты траекторий, обслуживание ракетных шахт. Наум мечтал работать на заводах Симменса в ГДР, где всё это налаживалось немецкими и советскими специалистами. Немецкий язык он знал хорошо ещё со школы: им преподавала этническая немка – вреднючая, но язык знал весь класс. Да и родной с младенчества идиш помогал. Наум читал наизусть Генриха Гейне и Гёте, вообще хорошо знал и любил немецкую литературу – Гейне, Гёте, Шиллера, читал в подлинниках. И диплом защитил на немецком языке. Конечно, это было сложно, но своё «отлично» на защите получил.

Пока был курсантом, все годы пел в армейском ансамбле. На одном из концертов его заметила актриса и преподаватель, художественный руководитель Горьковского Оперного театра Мария Викентьевна Заремба. Наум не знал нот, нигде специально не учился и голос ему до Зарембы никто не ставил, но лирический баритон, абсолютный слух и прекрасная музыкальная память (а как же иначе учить партии, если нот не знаешь?) очень понравились Зарембе. Директором Оперного театра тогда был Владимир Шульпин, заслуженный артист РСФСР, тоже преподававший вокал.

Заремба назначила Науму предварительную встречу. Подходя к служебному входу Оперного, он столкнулся с их же курсантом Борисом, на три курса старше, учившимся на выпускном курсе. Тот чуть не налетел на Наума, выбежав из служебного входа.

– Ты чего людей сшибаешь? – удивился Наум.

– Ох, прости. Мне через десять минут надо быть в части, а я задержался.

– Ты что, ходишь сюда петь?

– Да, а ты к кому?

– Сказали прийти на репетицию оперного хора, но попозже.

– А, так это тебя Мария ждёт... Значит, на прослушивание. Ладно, поднимайся на второй этаж и направо. Ну, пока!

Наум прошёл три отборочных тура и его зачислили в хор Оперного театра. Четыре года пел он там, пока не окончил училище и не получил распределение. Они пели в одном ряду с Борисом, но по разные стороны – у Бориса был сильный «шляпинский» бас.

Как-то в перерыве репетиции Борис спросил:

– Тебя кто направил сюда?

– Заремба. Она слышала моё выступление в концерте Дома офицеров. А тебя кто?

– Володька Маркин, баритон. Знаешь его?

– Нет, не слышал. Кто это?

– Здасьте! Песню «Сиреневый туман» слышал?

– Конечно. Наизусть знаю.

– Так это же его песня! А Славу Евдокимова знаешь?

– Конечно, знаю. Мы с Ярославом поём вместе.

– Так его тоже Володька привёл.

Закончился учебный год, и Борис уехал по распределению в Свердловск, в Уральский военный округ, которым командовал маршал Жуков. Тут была своя история. Строптивый маршал в Москве был опасен, слишком популярен.

Конечно, Борис сразу стал петь в Свердловском Доме офицеров. Как-то вечером, в офицерском общежитии, в красный уголок прибежал посыльный:

– Лейтенанта Штоколова к командиру части! Бегом!

Борис вскочил, рассыпав шахматные фигуры. Вернулся минут через пятнадцать, немного растерянный:

– Братцы, меня переводят! Оказывается, на вчерашнем концерте был сам Жуков. Выспросил про меня и ночью позвонил нашему. Сказал: таких лейтенантов у меня двенадцать на дюжину, а таких голосов больше нет. И велел перевести меня в Свердловскую консерваторию на вокальное отделение. Это же прямая дорога в Большой Оперный! Ура, братцы!

В 1959 году Штоколов стал петь в Ленинградском Оперном театре.

В 1955 году Науму уже двадцать один год. Парень был видный, да ещё певец – девушки его вниманием не обходили. Да и он от них не шарахался. Правда, в основном девушки были лет на 6-8 старше. Они часто приглашали его в своё общежитие – вначале только попить чайку. Чем дальше, тем чаще чай заменялся чем-нибудь более крепким, а там и вольничанье начиналось.

А тут в Горьковском театре появились две новые балерины, выпускницы Вагановского хореографического училища. Одна из них, бойкая деваха, очень

активно крутилась возле Наума, подходила в каждом перерыве и явно напрашивалась на свидание. А он делал вид, что ничего не понимает. Ему больше нравилась вторая из подружек – строгая тоненькая смуглянка Зина...

Прошло месяца три. Зина предложила Науму:

– Хочешь познакомиться с моими родителями?

– Да, я думаю, пора.

– Ньюма, а мы им скажем, что решили пожениться?

Зине было восемнадцать лет.

– Посмотрим по обстановке.

Они очень надеялись, что через пару месяцев Наума распределят в ГДР. На заводы Симменса уже давно посылали советских специалистов. А Зина считала, что будет там работать в детском саду или в школе музруком с уклоном в балет. Она прекрасно играла на фортепиано.

Встреча с родителями Зины прошла, как говорится, далеко не в тёплой, дружественной обстановке. Отец только сказал:

– Ей же только восемнадцать! Не рано ли?

Наум ответил, что скоро распределение, и они хотят уехать туда уже мужем и женой. Сильнее затронуло и обидело высказывание будущей тещи:

– Чтобы у меня сватья была жидовка? Моей смерти хочешь? Да у них у всех сопли текут, и ещё они чесноком воняют! – кричала она. И это в адрес ухоженной красавицы-генеральши, которую она никогда не видела!

Очень обиделся Наум – его мать, самую любимую, так...

Когда отвергнутый родителями жених ушёл, а несостоявшаяся невеста рыдала на диване, её мать

высказалась ещё определённое – этот крик слышно было на весь квартал:

– Тебе что, своих не хватало? С жидом связалась! А мне потом нянчить твоих жидёнышей?! Не будет этого!

И, уже немного остыв, сказала мужу:

– И вообще, в сорок два года становиться бабушкой – это слишком. Я ещё жить хочу.

Дома Наум рассказал своим родителям о желании жениться и о реакции её родителей. Мать взорвалась:

– Так она ещё и русская?! Этого только не хватало! В нашем роду кроме евреев никогда никого не было! И не будет! Свяжешься с Зинкой – за сына считать не буду, проклянущу! И, вообще, есть у меня в Ялте племянничка... Раз уж приспичило – на ней и женишься. Всё!

Назавтра Наум нашёл Зину в театре, рассказал ей обо всём и уехал в расположение части. Но бросить репетиции в театре не имел права – был задействован в спектакле. В это время он уже не только в хоре пел, ему поручали и небольшие сольные партии.

На следующий день Заремба влетела в репетиционный зал и направилась прямо к хористам:

– Наумка, чего твоя Зинка рыдает в коридоре?

Он рассказал, что родители с обеих сторон против их брака. Её отец – инструктор обкома партии, мать Ольга Павловна – заведующая отделом культуры области. Зачем им зять-инвалид пятой графы?

И его родители оказались не лучше. Катастрофа, хоть вешайся!

Заремба сказала, как отрезала:

– Наумка, ты дурак. Женятся не на национальности, а на человеке. Ещё раскаиваться будешь.

Он раскаивается и сейчас, более 60 лет спустя.

Наум после расставания с Зиной не хотел и не мог больше оставаться в Горьком. Получив звание лейтенанта, при распределении он подал рапорт с просьбой перевести его куда угодно, лишь бы подальше.

– Что, совсем куда угодно?

– Мне всё равно.

И получил распределение в Южно-Сахалинск.

Но любовь к пению оказалась сильнее даже сердечных переживаний. Не петь он уже не мог. В Южно-Сахалинске спросил у сослуживца:

– У вас тут петь где-нибудь можно? Ну там, театр или хор...

– В Доме офицеров хорошая самодеятельность. Даже ВИА «Импульс» есть. А ты что, поёшь?

– Да, немного...

Конечно, его приняли и в хор, и в ВИА. И солистом он был. С баритонами оказалась напряжёнка, чаще приходили тенора и басы.

Как-то вечером в ресторане гостиницы «Дальневосточная», где обычно они ужинали после репетиций, к нему подсел среднего роста смуглый, плотный, лысоватый человек лет пятидесяти. Заказал себе ужин и обратился к Науму:

– Я вчера слышал тебя в концерте. Хорошо получается. Тебя как зовут?

– Гвардии лейтенант Кац.

– Да нет, я имя спрашиваю.

– Наум.

– Это что ещё за имя?

– Обыкновенное, еврейское, – он всмотрелся в собеседника, отметил про себя явно не славянскую внешность, – а вы, наверное, удмурт?

– Нет, я цыган. Ну, не на сто процентов, но моя

бабушка была настоящая цыганка. Мне было восемь лет, когда её не стало. Да ты, наверное, слышал – Варя Панина. Ох, как она пела! Ну, у неё контральто было – всю душу вынимала. Что, действительно не слышал?!

– Нет, я с этой стороны необразованный.

– Ты что, и в музыкальной школе не учился? Ноты хоть знаешь?

– Нет, не учился и не знаю. Я военный и только.

– Как же ты поёшь? У кого ты учился пению?

– В детстве меня дед учил, потом Мария Викентьевна Заремба.

– Ага. Ну, деда твоего я не знаю, но Заремба – это хорошо. Ну ладно, я всё равно беру тебя к себе в хор. Уж больно голос хорош.

– А вы кто?

– А-а, я не представился. Знаешь, отвык представляться, меня тут все знают. Я музыкальный руководитель Магаданского театра музкомедии. Зовут Вадим Алексеевич. Запомнил? Фамилия Козин. Ну всё, – он подозвал официанта, достал кошелёк, – завтра к трём приходи на репетицию.

– Так вы и на Сахалине работаете?

– Мы на полгода к вам приехали, а весь хор с собой не возмёмшь, все ссыльные под расписку. Вообще, мне разрешено работать от Сахалина до Магадана. Ты сам откуда, из Москвы?

– Нет, я учился в Горьком, но в Москве бывал часто.

– Последний раз когда был?

– Два месяца назад.

– Как там Бэлка Косая, не слышал?

– А кто это – Бэлка?

– Изабелла Юрьева, не знаешь, что ли? Ладно,

вижу, ты совсем не из той оперы. Твоя часть где расположена?

– Здесь, в Южно-Сахалинске. Ну, не в самом городе, конечно.

– А-а, знаю где. Вот ещё можешь познакомиться: видишь тот столик у фикуса? Слева Коля, посередине тоже Коля, справа Алла – все ссыльные. Идём, познакомлю. – Они подошли к столику. – Вот, ребята, знакомьтесь. Это новенький, Наум. А это Николай Иванович.

Наум взглянул в весёлые узкие чёрные глаза: на Ивановича тот никак не тянул.

– Коля, расскажи молодому человеку, как тут работается. – Козин кивнул и ушёл.

– Вообще-то, я не Коля, а Кола-Бельды, – улыбнулся новый знакомый. – Нанаец я. Колей меня тут по-простому кличут. А вот это действительно Коля. Николай Никитский, заместитель Вадима Алексеевича, актёр. А это Алла Винник. У тебя какой голос?

– Баритон.

– А у меня бас. У Коли тенор, Алла – колоратурное сопрано. Споёмся.

До этого Вадим Алексеевич Козин отсидел в ГУЛАГе. Из восьми лет по приговору (кстати, невнятного – причина была скрыта за мудрёной формулировкой) он отсидел пять, с мая 1944 по 1949 год.

Жена генерала Бурнашова, страстная меломанка и большая поклонница козинской гитары, уговорила мужа, и тот добился освобождения, заменив заключение ссылкой в Магадан.

Потом срок ссылки добавили, опять по невнятной причине. И когда он, наконец, закончился, уже в 70-х годах Козин не пожелал расстаться с Магаданом. Говорил:

– Лучше быть первым в Магадане, чем последним в Москве.

3

Прошёл год, и Наум женился. Родители настояли:

– Ты же офицер, не будь белой вороной и хватит бегать по девочкам. Офицер должен быть женат.

У них при штабе появились две новые девочки: раскованная, языкая Валентина, которая вешалась на шею всем подряд, и молчаливая, сдержанная Фаня – она работала в штабе ПВО инженером-экономистом по строительству и заочно оканчивала Плехановку в Москве. Как-то раз, когда они возвращались с танцев, Фаня заметила:

– Всё равно ты не будешь со мной встречаться, хотя ты мне очень нравишься.

– Это почему же не буду?

– Я еврейка.

– Ну и что? Я тоже еврей. Тут дело в другом: ты мне нравишься и целуешься замечательно, но я тебя не люблю по-настоящему. Я люблю другую девушку, но нас разлучили, а я, извини, однолюб. Это тебя не пугает?

– Почему вас разлучили?

– Она русская. Ни моим, ни её родителям это не по вкусу.

– Тогда женись на мне!

– А ты не боишься? Я, конечно, не подлец. Если уж женюсь, порядочность и заботу тебе гарантирую, слово офицера. Но огромной и светлой любви не жди.

– Ничего, моей любви хватит на двоих! – храбро ответила Фаня. Уж очень была влюблена.

В местном ЗАГСе их расписали сразу:

– Вы же оба служите здесь!

На свадьбу приехали из Биробиджана её родители. Познакомились. Наум узнал, что они из Белоруссии, но уехали на Дальний Восток по партийному призыву. Чуть позже, когда гости уже всю танцевали, отец Фани (которому она, похоже, всё рассказала) отвёл Наума в сторону:

– Я всё понимаю, но ты особенно не взвихрайся, держись в пределах приличия. Не обижай мою дочку.

– Не беспокойтесь, я же не жеребец, я нормальный. Конечно, не обижу.

Он сдержал слово. Создавал спокойную, мирную обстановку в семье, хотя оба они были со взрывными характерами. Не всегда легко, но притирались помаленьку. Наум завёл обычай дарить часто маленькие подарки без всякого повода. На вопрос: чего вдруг? – шутя галантно отвечал: в честь нашей встречи, мадам! Они уже ждали ребёнка – это был 1956 год.

Раз в свободное от дежурства время Наума вызвал командир.

– Вот и твоя очередь подошла. Бери ГАЗ-66, пятерых солдат, рыба нужна. Тонны три-четыре.

– Куда ехать надо?

– Тут недалеко, шофёра знают. Нерест начался. Знаешь, что это такое?

– Да, ещё в Дербенте узнал, во время войны. Знакомое дело.

– И отлично. Тогда вперёд. Речек тут немеряно. И домой захватишь несколько штук. Давай живей, пока рыба идёт.

И опять – каменная плотинка, солдатские сапоги, выбрасывающие одним толчком рыбу на каменистый берег, и кричающие рессоры перегруженной трёхтонки... Везде одно и то же. Значит, будет вкуснейшая

рыба и икра столовыми ложками всю зиму. Хороший месяц май...

Зимой добывать витамины учились у корейцев, китайцев и японцев, работавших тут же на лесоповале. Огромные сосны, свалив, делили: спиливали комель, следующие 12-15 метров шли на мачты, остальное – на дрова. При очистке ствола от коры под ней оказывалась уйма жуков-короедов. Местные отрывали им головы и ели сырыми. Наши солдаты так не могли – кто поджаривал короедов на сковородке, кто вялил на солнце, – а местные этим не заморачивались. Наши привыкали быстро, зато цинги не наживёшь.

Местное начальство ело то же самое, а вот командованию из Москвы было всё равно. Им надо было обеспечить бесперебойную работу оборудования, а солдаты... ну что солдаты? Эти помрут – других пришлют. Народу в России пока хватает...

Во время одной из репетиций в театре Коля предложил:

– Ребята, кто хочет вечером пойти на концерт? Тут гастролёры приехали, одна девчонка у них поёт – закачаешься. И сама хороша до невозможности, а уж голос... Правда, от неё жених не отходит, толстяк такой, ревнучий до ужаса. Серьёзный мужик, говорят – какой-то банкир, да ещё лет на двадцать старше её.

– У нас – банкир? – поразился Наум.

– Да не у нас, чудик! В Аргентине своей. За невестой на гастроли потащился, все дела бросил... Во даёт!

– Так она тоже аргентинка?

– А я что говорю! То ли аргентинка, то ли португалка – не разобрал. Лолитой Торрес зовут.

После концерта Наум никак не мог опомниться.

Лолита напомнила ему Зину, такая же строгая тонкая смуглянка с неожиданным искоса взглядом тёмных глаз. Как писали в старых романах, «он был сражён наповал». После концерта они с Лолитой даже сфотографировались – набрался смелости.

Гастролёры, проведя три дня в Южно-Сахалинске (на концерты приезжали со всего большого острова, даже на вездеходах и на собачьих упряжках), уехали через Японию в США. Наум сокрушался: он все три дня ходил на эти концерты (в третий раз с приятелем, лейтенантом Володей Будиловичем), но тут вам не «гражданка», кто же отпустит офицера из воинской части ездить куда-то на ЕЁ концерты! А как хотелось слушать ещё и ещё.

– Так в чём же дело? – пожал плечами Володя. – Сейчас декабрь, а в конце июля в Москве будет фестиваль молодёжи и студентов. Она там будет – помнишь, говорила тому белобрысому журналисту? Потерпи полгода, и – если не остынешь – возьмишь отпуск, сгоняешь в Москву, и слушай на здоровье. Что она, не достанет тебе контрамарку на концерт? Вроде бы, ты ей понравился.

Лолита и в самом деле все эти три дня относилась к Науму по-дружески. Она была на пять лет старше, опытнее на сцене и даже опекала молодого певца. На последнем из концертов они даже вместе спели «Голубку». На испанском. Науму специально написали слова русскими буквами.

Володя Будилович, что хотел, то и делал. Запретов он не признавал. Его дядя был в Белоруссии советником министра лёгкой и деревообрабатывающей промышленности, третий человек в республике. У Володи всегда были и деньги, и возможность выходить из любых неприятных ситуаций. Он и

предложил схему отпуска. Оформили отпуск на двоих на две недели. Взяли Фаню с месячным сыном, по дороге завезли её в Свердловск к родственникам:

– Отдохнёшь спокойно на материке. Куда тебе в фестивальную суматошную Москву? А тут и нянек полно.

Москва была переполнена молодёжью со всего мира. Общаться помогали волонтеры – тысячи добровольных помощников, студентов Москвы и Ленинграда.

Наум познакомился со студентом-испанцем, неплохо говорившим по-русски.

– Ты москвич, Хуан-Карлос? Я смотрю, здорово здесь ориентируешься.

– Так я же учусь в МГУ на философском факультете!

– Вот совпадение! У меня там младший брат учится. Может, знаешь – Александр Кац?

– Алекс? Мы с ним в одной группе учимся. Ну и знакомство! Невероятно.

– Хуан-Карлос, у меня к тебе просьба: мне нужно разыскать одну девушку из аргентинской делегации. Наверное, ты её знаешь – Лолита Торрес.

Хуан вытаращил и без того чуть выпуклые чёрные глаза:

– Ну, ты даёшь! Это же моя старшая сестра! Я тоже Торрес.

Наум онемел. Чтобы так всё совпало – фантастика! Конечно, они встретились. Конечно, он не пропустил ни одного её выступления. Конечно, они виделись и по вечерам. Гуляли, танцевали, ужинали на квартире дяди Наума, где жили Наум и Володя. Квартира, строго говоря, была не дядина, а представи-

тельская. Дядя Наума был профессором МГУ и советником министра Тимофеева. В квартире обычно останавливались командированные в Москву из союзных республик, а сейчас там жили только два лейтенанта. Сюда и приходили в гости двое молодых аргентинцев, брат и сестра. Вечера проходили с музыкой, пением и танцами, а потом Хуан-Карлос уходил с Красной Пресни к себе в общежитие, а Володя – к одной своей хорошей московской знакомой.

Первые три-четыре вечера Хуан-Карлос был переводчиком, а потом это ему надоело:

– Нэм, ты уже сносно освоил язык, на том уровне, которого тебе хватит. Перебьёшься сам. Я вам что, нянька? Только мешаю. – И он исчез.

А они были только рады. Банкир на фестиваль не приехал. Они были только вдвоём. Ещё четыре года, с 1958 по 1961, они встречались: перед гастролями в СССР Лолита давала знать – в Москве она будет или в Ленинграде. Он летел с Сахалина через всю страну, тратя на это весь свой отпуск. Жена терпела, молчала. Потом Лолита вышла замуж за своего банкира, и он запретил ей зарубежные гастроли.

Осенью 1960 года на Сахалин обрушилась цунами, накрыла берег тридцатиметровой толщиной воды.

Какой идиот додумался построить детский садик в Тёплой долине, в распадке между двумя сопками, с открытым видом на океан, в двухстах метрах от кромки прибоя?

Радио объявило об опасности всего за пятнадцать минут до прихода цунами. Родители, сорвавшись с рабочих мест, бросились забирать детей из опасной зоны. Толпа спускалась по крутым улочкам с верха сопки, и у них на глазах океан вспучился, гигантская

волна высотой с десятиэтажный дом хлынула на сушу, и за несколько секунд всё из полукilометровой зоны смыло в море. Люди стояли, оцепенев, и ничего не могли сделать. Уже потом отыскивали в береговой зоне то, что осталось от детей, воспитателей и тех жителей, кто оказался поблизости от берега в эту минуту. Шесть дней вылавливали...

Так Наум с Фаней потеряли трёхлетнего сына, а Наум потерял ещё и очередную любовницу, Фаю, лучшую подругу жены и воспитательницу их сына.

Из Биробиджана приехал отец Фани, узнав о беде. Ходил сумрачно по берегу. Там уже вовсю шли работы по очистке от завалов. Хмуρο спросил зятя:

– А ты куда смотрел? Не мог спасти моего внука?

– Что мы могли сделать? Больше двухсот человек погибло, весь город в трауре. А кто виноват? Цунами руками не удержишь... – с болью ответил Наум.

4

11 сентября 1962 года разразился карибский кризис. Он назревал давно, а тут прорвало, как нарыв. Советский Союз направлял на Кубу «советников и специалистов». Старший лейтенант Кац подал рапорт одним из первых. Отец по телефону горячо одобрил:

– Правильно, сынок! У нас была Испания, у вас Куба. Это наш долг!

Знал бы он, отчего именно так тянет сына на Карибы! Ведь там так близко Аргентина... Их воинская часть была готова к этому. Оборудование уже было упаковано в ящики, а там, на Кубе, метростроевцы, работавшие ещё с весны, заканчивали проходку шахт для него. Сигнала ждали месяца через два, но вдруг оказалось, что разведка США уже в

курсе – то ли их разведчики постарались, то ли кто-то из наших оказался «кротом». Во всяком случае, вместо октября-ноября отправляться нужно было в сентябре. Литовская дивизия состояла из трёх полков – из Таураге, из Плунге и из Скаувилле.

Выяснилось, что проблема метростроевцев была в том, что вынутую из шахт землю некуда было девать. Это же десятки тысяч кубов грунта! Светиться перед ЦРУ было нельзя. Нашли, в конце концов, выход: ёмкости с грунтом подвозили к берегу, перегружали в подводные лодки и под водой высыпали грунт в море. А их Прибалтийскому округу были приданы Прикарпатский и Одесский округа. В операции участвовала только их армия (со штабом во Владимирской области), а армия со штабом в Винницкой области замешкалась с готовностью и не была задействована.

На Кубе их часть в рамках так называемой легенды прикрытия днём строила радиотелефонную линию связи Гавана-Москва, устанавливала радарные точки. А по ночам шли специфические работы: метростроевцы заканчивали прокладку ракетных шахт, прокладывали радиорелейную линию, вели туннели. Военные загружали их аппаратурой. Советский Союз не упускал ни одной возможности, хотя Куба обходилась народу недёшево: миллион долларов в день!

Наум в компании сослуживцев в нечестные свободные дни несколько раз ездил из Чака в Гавану на экскурсии. Останавливались всегда в отеле «Эксцельсиор», там к ним уже и привыкли. Туда стала приезжать Лолита – она с удовольствием «работала» в их группе экскурсоводом, а потом они с Наумом по-английски исчезали. Похоже было, что шесть часов лёту от Буэнос-Айреса до Гаваны не казалось ей

большим препятствием, если предстояло провести вместе два-три дня. Подумаешь, 5600 километров!

Но Наум рвался в Аргентину. Хорошо, что политрук оказался нормальным мужиком. Мог бы и рапорт настроить, а он доверительно предупредил:

– Во-первых, ты даже до аргентинского посольства в Гаване живым не дойдёшь. Ты что думаешь, за нами всеми не следят? Да на сто кругов проверяют! Во-вторых, даже если тебе удастся добраться – ты ставишь под удар военную карьеру своего отца. Подумай, как генерал будет выглядеть при сыне-перебежчике. Ты ведь не штатский, а офицер! И твоя жена пострадает. Тебе это надо? Головой думай, а не...

И он смирился. Пусть будут хотя бы короткие встречи...

Работы были закончены, но с Нового года и до весны они ещё ждали, пока договорятся Хрущёв и Кеннеди. Наконец, договор смягчил кризис, и все воинские части вернулись в Союз.

В Южно-Сахалинске его не было почти год. Вернувшись, он будто погас. Жизнь и служба текли своим чередом, но как будто мимо сознания. Впрочем, со временем родился сын, через два года – ещё сын.

После Сахалина тоже наездился. Назначение получил в Знаменское. Значит, в Москву, оттуда в Калининград, оттуда автобусом до Гвардейска – там находится штаб дивизии. В Знаменском он был назначен на должность оперативного дежурного на командный пункт РСД (ракеты средней дальности) и прослужил там около года. Затем его перевели офицером наведения КП (командного пункта) МКБР (межконтинентальных баллистических ракет) в Кострому. Сыновьям было уже 5 и 3 года.

В Кострому его перевели уже в звании капитана. Получилось это случайно: услышал разговор начальства и вмешался, когда у тех возникло знакомое слово:

– Сковородка! Да ведь так называется площадь в Костроме!

– Точно, – заинтересованно откликнулся майор. – Знаешь эти места?

– Конечно. От этой площади улицы лучами расходятся, а сама круглая, как сковородка. У меня там отец служит, командир ПДД (парашютно-десантной дивизии).

– А почему улицы так расходятся?

– Так получилось на местности. Один луч ведёт в Ипатьевский монастырь, другой туда, где Саврасов писал «Грачи прилетели»... Да их там много, этих улиц. Есть в роддом, есть в сумасшедший дом...

– Вот и поедешь туда. Как раз возникла надобность.

Работа Наума была нервная и опасная. Сколько человек там погибло, подсчитывал только секретный отдел. Расчётчики работали на минус двенадцатом этаже, глубоко в шахте. По телефону получил задание, произвёл расчёты, ввёл данные в установку, нажал кнопку пуска – и у тебя 20 секунд на то, чтобы выбраться из шахты: вбежать в лифт, не забыв прихватить рабочий журнал, справочные таблицы и прочее, нажать кнопку и, если лифт не заклинит, вознестись к поверхности земли. Замешкаешься на пару секунд – и либо сгоришь живьём в струе раскалённых газов, либо нахватаешь рентген столько, что проще сразу завернуться в простыню и шагать напрямиком на кладбище.

– Или в белый халат, – наставляли новичка.

– А почему в белый? – недоумевал тот.

– Чтобы не создавать панику. И ползи медленно, чтобы никого не испугать.

В разговор встречал ещё кто-нибудь из «стариков»:

– А не нравится, можешь дёргать себя за гениталии.

– Это ещё зачем?!

– Всё равно они тебе больше не понадобятся...

Дистанционное управление процессом тогда только налаживалось. Конечно, дублирование «дистанционкой» уже начинали применять, но это было ещё ненадёжно, а живой оператор надёжнее, и его не так жалко, как аппаратуру. Если что – новых пришлют. Напряжение на дежурстве было страшное, и кто подсчитает, сколько таких лейтенантов и капитанов сошли с ума, сколько застрелилось, повесилось, отравилось? Об этом никогда не расскажут.

Забегая очень далеко вперёд: к 2003 году из 120 человек их выпуска в живых осталось только 6. К тому времени их училище перевели из Горького в Рязань.

Смена длилась шесть часов. Больше человек выдержать не может. За смену проводится 2-3 запуска. В свободное время «отрывались» по полной, часто с яростью или жестокостью, и никто им был не указ. Страшнее смерти наказания не придумаешь, а они фактически все были смертниками. И юмор среди них был страшненький, «висельный». Из самого безобидного было: у нас тут засекречено всё, вплоть до портянок. Вот в Англии есть лорд Хранитель Печати, а у нас лорд Хранитель Чемодана. Напой его – и можно развязывать Третью мировую... Имелся в виду чемодан СС, с совершенно секретной технической документацией.

В 1964 году Наум получил звание майора. Их полк называли – 233-й гвардейский еврейский

ракетный полк. Из сорока двух офицеров восемь – евреи: командир полка подполковник Гейдерман Борис Наумович, замполит майор Герикман Лазарь Яковлевич, зам. командира по боевому управлению гвардии майор Кац Наум Иосифович. И так далее.

Добродушный увалень майор Вовк был постоянным объектом шуточек, но не обижался. Сам был автором многих казарменных анекдотов. Местная знаменитость обжора Петя Клопоушак постоянно жаловался:

– Опять плохо накормили! Только завтрак закончился, а я уже обеда жду не дождусь. Я голоден, как волк!

Вовк подхватывал:

– И верно, есть хочется. Давай тобой и победаем? – и облизывался, вынимая перочинный нож и плотно глядя на пухлого Петю.

Капитан Пётр Клопоушак был родом из Западной Украины. Он был сменщиком Наума на их «точке», и жили они в одной комнате офицерского общежития в расположении части. Их семьи жили в самом городе, куда после недельной вахты они возвращались на недельный отдых. А в общежитии, если надо уединиться с подружкой, у тебя в запасе пять часов. Только к Науму приходит Таня, дочь командира дивизии, незамужняя, а к Петру – Райка, жена председателя колхоза, расположенного всего в трёх километрах от части. Очень горячая бабёнка, прямо-таки раскалённая. Иногда она, не добежав до общежития, перехватывала пьяного Петеньку по дороге, и тогда они с капитаном устраивали «показательное выступление» то в телефонной будке, на глазах у потрясённого народа (впрочем, быстро привыкшего к этому аттракциону), а то и на снегу в

ближайшем скверике. Из-за чего и погорел пламенный гуцул.

Наум поставил Петру единственное условие:

– На своей кровати можешь делать всё, что хочешь, а к моей не подходи. Я брезглив, а Танька ещё больше.

О Тане особая речь.

В доме, где жила семья Наума, на этаже три квартиры: в одной семья командира ракетной дивизии генерала Афанасия Петровича Шилина, во второй семья майора Каца, в третьей семья дважды Героя Советского Союза Мусы Ганева. Респектабельный этаж, да и весь дом подстать.

Тане было четырнадцать лет, Науму – тридцать, когда девчонка влюбилась в соседа. Он не воспринимал её всерьёз – подумаешь, малявка!

– Привет, Нэм! – кричала она на улице, в толпе подружек, размахивая портфелем. – Поможешь решить физику?

Он помогал и по физике, и по математике. Шло время.

– Привет, Нэм, – сказала она как-то. – Поздравь меня, я вчера получила паспорт.

– Поздравляю, Татка, – ответил он. – Теперь ты совсем взрослая. Шестнадцать лет – не шуточки.

– Так ты женишься на мне?

– Не забывай, что у меня уже есть жена. И, между прочим, двое сыновей, если ты не заметила.

– Подумаешь, – морщила она носик. – Я тоже могу родить тебе сыновей, и даже больше двух!

Наум смеялся. Ну и шуточки у ребёнка!

– Привет, Нэм! – сказала она ещё через три года. – Мне уже девятнадцать лет, я закончила музыкальное училище. Теперь ты женишься на мне?

– Не говори глупостей. Тебе что, мало однокурсников?

– Этих щенков? – возмутилась Таня. – Ты это серьёзно?!

– А я на 16 лет старше тебя. И сыновья уже школьники. Поищи-ка себе помоложе.

Но упрямая девчонка не хотела помоложе. Она хотела только его. Их семьи часто проводили общие вечеринки – отец Наума и Шилин дружили уже много лет, и войну вместе прошли. Когда они вспоминали общих знакомых, у Наума было впечатление, что он заглядывает в легенду – там были известные всей армии Вишенков, Неделин, Судец и его жена Татьяна Грушина... Впрочем, воспоминания были, в основном, весёлые.

У Тани подруга была, на год старше её, вместе учились. Мать у неё была русская, отец то ли венгр, то ли румын. Её звали Нонна Корос. Она сказала Тане:

– Подумаешь, когда мой Сапогов уезжал к жене в Ярославль, я чуть не сутки прорыдала. А он, скотина, всё равно уехал.

Сапогов преподавал у них в музучилище.

Таня, воспитанная во вседозволенности, поняла, что не одна она такая. Это придавало уверенности. Она решила брать быка за рога. Но тут Наум уехал в командировку.

5

В 1965 году несколько офицеров их полка, в том числе и Наума, послали на курсы повышения квалификации. В Ставрополе при радиотехническом училище, где проходили курсы, их группе предоставили места в одной из лучших гостиниц. Занятия шли

с утра и до пяти вечера, а вечером или гуляли в парке, или сидели в ресторане гостиницы. В ресторан обычно заваливались всей компанией, уже слегка выпивши: в автоматах газированной воды продавался местный мускат «Праскавейский» по 15 копеек за стакан. Бросишь в прорезь автомата металлический рубль – получаешь 6-7 стаканов вина, как повезёт. Обычно они выпивали по паре стаканов, остальное выливали в трёхлитровую банку и шли в ресторан. Бросив взгляд на диванчик в углу возле бара, встречались глазами со стайкой местных девушек. Это были так называемые ЧАЙКИ: они ждали только кивка-приглашения на стаканчик муската, лёгкий трёп, танцы на пяточке между столиками и – главное – на приглашение после ресторанный ужина, если повезёт. Доступные, весёлые, без претензий, они скрашивали эти три месяца оторванным от семей офицерам.

Одна из девушек держалась королевой, явно задирала нос перед остальными. Она была беспорной красавицей – рослая, с прекрасной фигурой, яркие синие глаза, масса каштановых кудрей по плечам, мелкие каштановые кудряшки обрамляют невысокий, но широкий лоб. Она требовала, чтобы её называли только по имени-отчеству.

– Запомни, меня зовут Татьяна Борисовна, и никак иначе!

– И зачем мне это запоминать? На Таню не откликнешься?

– Нет, – отрезала она. – Мой папа ректор Института иностранных языков, и я там учусь. Вот стану известным дипломатом, и вдруг какой-нибудь идиот по привычке окликнет Танькой – я же ему голову оторву! Меня тут все знают.

– Ну, хорошо, Татьяна Борисовна. Так как поступим – поедем кататься на лодке, или прямо к тебе?

Как-то хохмы ради заметил, словно невзначай:

– Скоро экзамены, будем уезжать, начальство собирает на проверку.

– А что проверять будут?

– Ну как что? Пробы на радиоактивность. Как всегда.

– Ой...

Зам. командира части, политрук Ахмеров переводился в штаб округа, на повышение. Уже давно он обхаживал дочь командира, красавицу Таню, но она его и видеть не желала. Её от отвращения передёргивало. Дошло до того, что она «посылала» его грубо, не стесняясь в выражениях. Но он не отставал. В конце концов, поняв, что Таня не променяет Наума на него, Ахмеров решил отомстить. Уже переведясь в округ (так сказать, на безопасном расстоянии), он написал рапорт в Политотдел. Писал о распухлости офицеров, об их непристойном поведении, особо заметив, что дочь командира дивизии позорит имя и моральный облик отца, пятнает репутацию фронтовика-орденоносца, дважды Героя Советского Союза.

Генерал схватился за голову. Дочь заявила:

– Мне девятнадцать лет, я самостоятельная и буду делать что хочу. Я хочу быть с ним, и только с ним. И никто мне не может запретить.

– Но он женат, у него дети!

– А мне без разницы. Жена не стенка, подвинется. Она уже пожила, и хватит. Я тоже хочу.

– Но получается, что он изменяет жене!

– Так он же жене изменяет, а не Родине. Кому какое дело?

Генерал вызвал к себе в кабинет незадачливого любовника дочери:

– Майор, ты понимаешь, что творишь? Ты что, мне в зятя набиваешься?

– Да я Тане уже сто раз говорил, что не собираюсь разводиться с женой. Да и мальчишки подросли. Как я их брошу? Но ей же не втолкуешь! И не втолкуешь, что нельзя заявляться в боевое расположение. Вы бы лучше у неё узнали, где она раздобыла пропуск-вездеход! Ладно, что только до общежития добралась, а не до точки. С неё станется!

– Где раздобыла, я уже догадываюсь, – нахмурился генерал. – Она не только тобой командует, как хочет. Ладно, иди, я подумаю.

Генерал несколько дней обдумывал ситуацию. Снова вызвал Наума.

– Хорошо, майор, постараемся замять это дело. Уйдёшь в отставку по состоянию здоровья. Так и в округ сообщу. Я тебя военпредом на наш завод определю. Только уж прости, очередной звёздочки к пенсии не получишь. Так что подполковником тебе не быть.

Таня всё равно находила возможность встречаться. На заводе было даже проще. А в 27 лет дочку родила. Назвала Аней, в честь Ханы, бабушки Наума, по его рассказам её полюбила. На Наума девочка похожа – серые глаза, густые чёрные кудри... Узнав об этом, мать Наума привычно взорвалась:

– Ты, подонок! Как ты посмел изменять Фане?

– Чего хочет женщина, того хочет Бог! – попробовал отшутиться Наум.

– Ты позоришь нашу семью! Как ты будешь смотреть в глаза жене и сыновьям? А внукам? А родителям твоей шлюхи? А я как должна смотреть им в глаза? Разве мы этому тебя учили?

Эмоциональное «выступление» матери закончилось вызовом «скорой помощи». В госпитале диагностировали глубокий инсульт. Через две недели её не стало. Это случилось 7 декабря 1977 года. В тот же день в Ленинграде у младшего сына Наума родился мальчик. Четвёртый внук!

А вот жена, узнав про побочного ребёнка, даже не возмутилась:

– Какие вы молодцы! У нас ведь только сыновья, а я так хотела дочку! Я буду любить её как родную.

– Странно, Фаня, я думал, что ты меня просто выгонишь.

– И останусь брошенной женой? Нет уж, у тебя совести не хватит бросить нас, и я тебя бросать не собираюсь. Так что будем считать этот эпизод законченным. Иди ужинать, всё уже на столе.

Сейчас Ане уже 39 лет, она живёт с матерью и своей семьёй в Германии, работает на заводе Сименса. Всё, как когда-то хотел Наум... Внучке уже 15 лет. А Таня так и не смогла создать новую семью.

Наум на военном заводе прослужил семнадцать лет, пройдя путь от рядового военпреда до зам. Директора завода по качеству. За эти годы он успел побывать во всех соцстранах Варшавского договора – от Кубы до Вьетнама. Во всех этих странах внедрялись советские ракетные установки, везде надо было налаживать и контролировать аппаратуру, обучать новый персонал. Так что в кабинете он не засиживался.

За это же время он закончил юридический факультет института права и работал в Костромском суде народным заседателем. Правда, ему это не нравилось, но кто будет его спрашивать?

С 1967 года он восемь лет проработал на Байконуре в должности командира группы, хотя положено было не более 5 лет. Среди сотен рабочих площадок ему была назначена площадка №32: УБП (учебно-боевые пуски), обучение кадров (теория, матчасть, заправка, наведение ракет) и старт «изделий». Подчинённые Наума побаивались, во время работы его характер становился иногда невыносимым. Прозвище «свирепоголовый» он услышал от солдат, случайно подойдя к бункеру, когда его не ждали. Малейшее упущение считал невозможным. Правда, быстро отходил.

Полигонная команда на Камчатке регистрировала качество пуска: после попадания шёл звонок с Камчатки для оценки и корректировки. По-казахски Байконур назывался Тюратам. Это в Кзыл-Ординской области, в Казалинском районе. Местные фольклористы обзывали космодром «Тюрьма-там». Это «на гражданке» считали, что оттуда летают только космические ракеты. Даже всем известная аббревиатура КСП (контрольно-следовая полоса) здесь расшифровывалась по-другому: Королёв Сергей Павлович.

При работе с УБП можно было делать запуск или из командного пункта (КП), или прямо из оголовка пусковой установки (избирался один вариант из семнадцати), что было наиболее опасно для жизни пусковика – на то, чтобы убежать из оголовка и спрятаться в бункере, отводилось 15-17 секунд.

Обычно задание на пуск выдавалось так: местный КГБист приносил запечатанный пакет. Его распечатывали в присутствии ещё двух офицеров, одним из них был подполковник Шварц, зав. дубляжом запусков. Расписавшись в акте, они уходили.

– Отвернись! – командовал КГБист. Набирал секретный код и разрешал: – Теперь повернись.

Пуск изделия отслеживали три специалиста – в трёх плоскостях. Так как пусковое горючее было жидким, пуск производился от аккумуляторных батарей или от сети переменного тока. От сети предпочтительнее – за аккумулятором следить надо: хватит ли ёмкости на сегодняшнюю зарядку или подогрев изделия. Контроль был крайне необходим, иначе изделие не выйдет на расчетную траекторию и не наберёт «кажущуюся» скорость. Рассчитывали также тангаж (угол атаки), «рысканье» изделия и его вращающий момент.

Практически все работники площадок, которые служили в шахтах, раз в полгода проходили неприятное обследование на выживаемость: семь суток под землёй в полной изоляции, без общения и связи. Не сойдёшь с ума – значит, годен к дальнейшей службе.

Всё это осложнялось дикой жарой казахской пустыни. Установка командования была такая: обеспечить бесперебойную работу оборудования. И всё! О людях не думали: ни об их жизни, ни о безопасности. Умирали от теплового удара или сходили с ума, были застрелившиеся или повесившиеся, были сбежавшие в пустыню и там погибшие. Ну и что? Других пришлют! Не было ни кондиционеров в рабочих помещениях, ни лишнего глотка воды, ни возможности перевести дух.

Ленинск-9 – так называли полигон. Кроме испытательных точек и стендов там работали «три К» – КБ Королёва, Келдыша и Курчатова. А ещё четыре НИИ. Почему-то большая часть учёных были евреями. Или стране было их менее жалко терять, или они работали

эффективнее – кто теперь разберёт? Во всяком случае, даже в верхах понимали, что ракетно-ядерный щит Союза был создан по преимуществу евреями. Конечно, «низам» об этом не сообщали, но раздражение «верхов» этим обстоятельством было заметно.

После гибели в 1960 году (при испытании межконтинентальной баллистической ракеты) маршала артиллерии Митрофана Ивановича Неделина, Героя Советского Союза, Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения, его заменил маршал авиации Судец, Главнокомандующий войсками ПВО страны и зам. министра обороны СССР. О нём солдаты и офицеры Байконура высказывались, в основном, непечатно...

Но при всей сложности и опасности службы неисправимому Науму приглянулась девятнадцатилетняя черноглазая Асия, окончившая пищевой техникум и работавшая поварихой на их 32-й площадке. Неизвестно, как далеко бы зашли их отношения, если бы в жилом городке Ленинска не появился её дядя. Видно, Асия в письмах домой что-то писала, потому что он с места в карьер поинтересовался у Наума, когда предполагается свадьба.

Наум про себя проклял восточные нравы:

– Какая свадьба, приятель? Ей 19, мне 40. Мы с ней ни о чём таком не говорили! Это она что-то себе вообразила. Ты представляешь себе, что тут за работа? Да я в любой день не уверен, что завтра жив буду!..

Не объяснять же мужику, что он давно и прочно женат! Дядя сбавил обороты, покрутился в городе пару дней, оценил обстановку и осмыслил слухи, которые (никуда не денешься) просачивались с площадок. Он немедленно увёз племянницу домой.

Наконец, восемь лет каторжной работы закончи-

лись. Наум бы, наверное, и дольше тут застрял, но очередной медицинский осмотр не прошёл.

6

Квартиру он открыл своим ключом. Был субботний вечер, повзрослевшие сыновья бросились к отцу на шею. Соскучился он о них, и о жене тоже. Правда, Фаня была настроенна:

– Ну, сколько баб ещё в твоей коллекции прибавилось?

– Издеваешься? Это же каторга, хуже чем на галерах. Или ты думаешь, что там такая жизнь, как в кино показывают?

– И надолго тебя отпустили?

– Навсегда, слава Богу. Я теперь гожусь только для спокойной работы и спокойной жизни. Вымотали не просто основательно, а до доньшка.

– Чем теперь будешь заниматься?

– Вернусь на завод. Я ведь не увольнялся, это была командировка по производственной необходимости. Без работы не останусь.

Отец вздохнул облегчённо:

– Всё, наконец-то, будешь рядом со мной. Сколько можно мотаться по стране?

– С тебя пример беру. Ты-то сколько мотался?

– Ладно. Я уже старый. Саша в Москве, а ты рядом будь.

С годами сгладятся жуткие воспоминания, а в памяти останется майская пустыня, пестрящая миллионами разноцветных тюльпанов.

– Время ушло, – вздыхает он. – Как бы я хотел вновь увидеть всё это, вдохнуть запах... Да куда мне теперь...

И через всю жизнь Наума, через все изгибы её проходила песня. Большинство романсов написаны для тенора – это, считается, самый романтический голос – но и для баритона есть прекрасные мелодии. А кто их знает, этих женщин – может, для них мягкий, бархатистый низкий голос звучит не менее привлекательно в романсе? Мало того: работая снова на заводе, Наум ещё и пел в синагоге Костромы (подпольно, конечно, – как можно в такой должности и будучи ещё членом партии!). Кантор доверял ему самые сложные духовные напевы, особенно те, которые сам уже не вытягивал. Тем более что рав частенько исчезал из синагоги по каким-то таинственным делам, благо, заместитель его мог любой обряд провести. Потом выяснилось, что у рава был гешефт по всей области.

А попал Наум в синагогу случайно. Открыли её в 90-х годах. Объявили набор: кто умеет и хочет петь духовную музыку, приглашаются. Науму рассказал об этом сын:

- Пап, ты же умеешь, тебя и учить не надо!
- Да я уже полвека не пел, наверное, забыл всё.
- Ничего, вспомнишь. Я на машине сегодня.

Поедем?

На входе за столиком сидела бабуся лет восьмидесяти. Оглядела вошедших с ног до головы, прищурилась:

- Вы из наших будете, что ли?
- Из ваших, из ваших. Куда идти на прослушивание?

А теперь в награду за беспрекословную замену, семья Наума даже в неблагоприятные девяностые годы получала достаточно продуктов и всего остального для нормальной жизни. Так что военпред

подвизался сразу в двух очень разных ипостасях. Даже в трёх! Организовывая на Песах очередное мероприятие, он сочинил слова марша на мотив «Марсельезы»:

Не успело закваситься тесто,
Мы едим теперь только мацу.
Мы уходим из этого места
И рабами нам быть не к лицу...

Марш понравился. Наум ещё несколько раз писал тексты для разных праздников, а однажды даже сочинил серенаду для сослуживца – уж очень тот просил. Серенада понравилась, но не помогла, его девушка выбрала другого. Может быть, исполнение подкачало?

Было и такое: в ведении Наума оказались талоны на макулатуру для покупки дефицитных тогда книг. А завод военный, старую техдокументацию сжигают, а у народа по домам уже заканчиваются кипы старых газет и журналов. Талоны расходятся вяло, а с него требуют план.

Середина девяностых, в стране полный беспредел. Зарплату не выдают по несколько месяцев, а когда выдают, то не полностью. На «гражданских» заводах уже выдают заводской продукцией, ширпотребом – мол, продавайте сами и кормитесь этим. А кто покупать будет?! Денег ни у кого нет. Вот и растягивались вдоль шоссе ряды продавцов чего угодно за любую цену.

Две помощницы Наума, молодые женщины, обратились как-то к нему с необычной просьбой о пропусках-«вездеходах»:

– С завода от гудка до гудка не выпускают, а мы пытаемся что-нибудь заработать. Дети есть просят! Наум Иосифович, вы нам сделайте свободный выход, а мы и для вас постараемся.

Наум подумал и согласился. Вокруг все выкручивались, как умели. Девушки брали у него талоны, вместо них приносили наличные деньги, и немаленькие.

– Девочки, и где только вы берёте покупателей?

– Места знать надо, – засмеялась одна.

– Ой, да это те, кто в кепках-аэродромах, – уточнила вторая. – Им макулатура по барабану. Они не сдают её, зато платят, сколько скажешь, а продают там, у себя. Нам-то что, нам надо, чтобы все талоны раздались, правда?

В 1997 году не стало Зины. Ей было всего 60 лет. После похорон, стоя у только что засыпанной могилы, Наум сказал её матери:

– Я всё равно буду к ней приходить, и вам придётся с этим смириться.

Старая женщина сквозь слёзы посмотрела ему в глаза:

– Кажется, я допустила непростительную ошибку. Зина умерла, проклиная меня. Она сказала, что я разрушила её жизнь, и это не прощается. Она ведь так и не захотела выходить замуж. А ведь была у меня единственная. И мужа моего давно нет...

– Вы и мою жизнь разрушили, – резко ответил Наум. – Я женился на нелюбимой женщине, всю жизнь мучаюсь сам и мучаю её. Проклинать вас я не буду, с вас и так хватит.

Повернулся и ушёл, уже чуть сутулясь.

Наум женат уже более 60 лет, у него внуки и правнучка. Живёт много лет в Израиле, жизнь устоявшаяся. Но когда говорит о Зине – в глазах слёзы...

А три года назад произошла встреча, которая снова вернула его в молодость. Он лежал в больнице «Барзилай» на лечении после сложной операции. Както в палату вошёл незнакомый посетитель, молодой смуглый усач.

– Вы Наум Кац? – он спросил по-русски с заметным акцентом.

– Да, это я. А вы кто?

– Я из Питера, дипломат. Теперь начал работать в Израиле. Я давно искал вас в России, а потом ваш израильский адрес нашёл Хуан-Карлос Торрес, мой двоюродный дед. Я привёз вам посылку.

– Боже мой, вы – внук Лолиты? – изумился Наум.

– Да... Бабушка умерла три года назад. Это она просила найти вас и передать фотографии. Меня зовут Педро-Гарсиа. Тут вместе со старыми фото есть снимок её могилы. Это для того, чтобы вы могли быстро получить визу, если захотите побывать в Буэнос-Айресе. Просто предъявите это фото в посольстве и получите визу в любое время, на любой срок.

– Куда мне теперь! Видите, во что я превратился... Да и из Израиля визы дают свободно в любую страну.

– Но мы же вначале искали вас в России! Всем известно, что оттуда сложно выехать за границу, бабушка много рассказывала. Во всяком случае, весь этот пакет ваш. Выздоровливайте!

Он ушёл, а Наум всю ночь не мог уснуть. Думал: сколько же я натворил за всю жизнь! И что теперь делать?..

ЭТА ЗЕМЛЯ МЕНЯ ЖДАЛА, ИЛИ ИСТОРИИ ТРЕХ ЖЕНЩИН (новость)

АНЯ

Ане нравилось работать на автобазе. У неё как у художника-оформителя был свой вагончик с лесенкой-трапом на пять ступенек. Маленький тамбур с подстилкой для кошки и запирающаяся дверь в настоящую мастерскую. Как Аня любила – огромный стол, чертёжная доска, стеллажи для банок с красками и клеем, кистей, бутылок с растворителями, отдельно лежала стопка листов ватмана и рулоны кумача для транспарантов.

В её обязанности входила наглядная агитация (всякие вывески, планшеты, графики, соцобязательства), оформление праздничной колонны на демонстрации, выпуск стенгазет, доска объявлений и Доска Почёта и самое главное – постоянно подновлять номера на машинах – они должны легко читаться и под дождём, и под снегом. И иногда портреты шофёров, которые забегали на несколько минут в вагончик поболтать и отогреться кружкой горячего чая, который она всегда именно для них и держала. Хорошие парни эти шофёры! На автобазе легковушек нет – только строительная и дорожная техника, большегрузы и автокраны. Серьёзный народ.

В общем, не работа, а мечта. А уж после швейной фабрики с её «бабс-клубом», с интригами и сплетнями – просто кайф. И помогают во всём, и весёлые, и надёжные.

Кошку Данусю Аня принесла на работу из дома. Бывший пушистый котёнок превратился в полосато-серую строгую красавицу с умными карими почему-то глазами. По характеру – собака-охранник. Дануся ходила за Аней по пятам весь день, терпеливо мокла под дождём или переминалась с ноги на ногу в сугробе, или пряталась в тени грузовика летом, пока хозяйка работала. Внимательно следила за окружающими, чтобы никто не обидел хозяйку. На неё можно было свободно оставить открытый вагончик одной только фразой

– Дануся, я скоро приду. Никого не пускай.

Попробуй кто-нибудь сунуться – и штаны порвёт, и физиономию расцарапает.

Погибла Дануся по нелепой и обидной случайности. По ночам она охотилась на автобазовских крыс, не от голода, а по призванию. А тут санстанция травила крыс стрихнином, и Дануся съела отравленную крысу. Горевала Аня, горевала вся автобаза. Умницу Данусю любили и уважали все.

А потом автобазу закрыли. Их территория кому-то понадобилась, и две автобазы Строительно-дорожного управления объединили на другой площадке. Отогна-ли технику, демонтировали и вывезли мастерские. Аню перевели в управление. Там не нужен был художник-оформитель, но нужна была машинистка. Аня хорошо печатала, была исполнительной и ответственной – быстро прижилась и стала своей.

Управление занимало старое здание в старой части города, пока строилось новое роскошное,

напоминающее современный замок, в престижном районе.

Как-то раз, в начале ноября – утром ещё совершенное темно – Аня шла на работу и, подходя к крыльцу управления, чуть не споткнулась обо что-то живое и мягкое. Наклонилась, присмотрелась – в полужидкой каше из снега и грязи возилось и поскуливало крошечное существо. Она сняла варежку и взяла в руку несчастного крохотного щенка, недели две, не больше. Он дрожал, шерстка слиплась и торчала во все стороны, как иглы у ежа.

Аня быстро вошла, отметилась в табельной и помчалась к умывальнику. Пустила струю тёплой воды на замёрзшего малыша, и постепенно он перестал дрожать. Его недавно открывшиеся, ещё мутноватые глазки прижмурились от тепла, и он затих. У себя в комнате Аня закутала его в махровое полотенце и положила на пол, под свой стол.

– Вера Семёновна, я на минутку в магазин, – сказала она торопливо, вытряхивая из кошелька мелочь. – На угол, до молочного только. Присмотрите, чтобы он никуда не уполз, а то задавят ещё...

Через несколько минут она вернулась с упаковкой молока, немного подогрела его в своей кружке и налила в блюдечко. Унюхав угощение, малыш выполз из полотенца и поковылял к блюдцу. Жадно вылакав молоко, он дополз до батареи, улёгся на подстеленное полотенце и закрыл глаза.

Уже давно начался рабочий день – суета, телефонные звонки, стук и треск пишущей машинки, хлопающие двери – когда отогревшийся, наевшийся и отоспавшийся щенок потянулся, зевнул, широко открыв крошечную пасть, и прямо направился к столу Ани.

– Ишь ты, нюхом учуял спасительницу, – пробормотала Вера Семёновна. – Пошёл спасибо говорить.

– Какой хорошенький! – воскликнула Таня Корсакова. – А как ты его назовёшь? – Таню почти не было видно за грудой только что полученных документов, только голос был слышен, да кусочек причёски виднелся над бумагами.

– Нодаром, – откликнулась Аня. – С одной стороны, ноябрьский дар, с другой – есть у меня знакомая немецкая овчарка Нодар – чудо, а не собака.

– Какой породы, не видно?

– Слишком мал ещё, – отмахнулась Аня. – Двортерьер какой-нибудь. Вот что ещё мама скажет? Она собак до смерти боится.

– Чего его бояться, такого маленького? Нодар, Нодар, ты не будешь обижать хозяйку?

Щенок поднял голову, внимательно посмотрел вокруг и напустил лужу. Все засмеялись, а Аня всплеснула руками и побежала за тряпкой, замыть, пока начальство не увидело.

После работы щенок ехал к Ане домой в хозяйственной сумке, по соседству с оставшимся молоком. Туда поставили обувную коробку, выстеленную газетами, закутали полотенцем.

Мама, конечно, ворчала, но когда Нодар облизал ей лицо и руки тёплым розовым язычком, смирилась. Оля, младшая дочка Ани, вертелась рядом, норовя погладить живую игрушку, чёрную, с уже блестящими глазками.

Через месяц Нодар стал светлеть, только вдоль спины оставалась широкая тёмная полоса, да торчавшие немаленькие уши выдавали принадлежность к породе овчарок. Переводняк, конечно. Ну, большое спасибо какой-то сволочи, которая полени-

лась утопить или продать ненужного щенка, а выбросила на улицу в ноябрьскую непогоду, чтобы он погиб в мучениях. Славный пёсик оказался, кроме полосы рыжий и немного серый, красивого стального оттенка. Очень любил купаться в ванной и под душем, оттого шерсть была всегда шелковистой и пушистой. Когда игрался с Олей, звонко лаял. Бабушка пугалась:

– Оля, уйми собаку. Она мне инфаркт сделает!

Оля уговаривала Нодара:

– Нодарчик, миленький, лай шёпотом, а то бабушке страшно.

– Ав, ав, – послушно шёпотом, почти неслышно, произносил Нодар.

– Ай, молодец! – восхищалась девочка.

И обрадованный похвалой, щенок заливался оглушительным лаем. Бабушка вздрагивала и хваталась за сердце.

Аня на работе стала уставать. В отдел завезли ксерокс, новинку, и обязанностей прибавилось. Работу машинистки никто не отменял, просто вместо закладки в 5-6 экземпляров она печатала один, а потом делала копий столько, сколько было нужно. Но много было других документов, схем и чертежей, приходивших от заказчиков. Работать приходилось ещё быстрее, торопили все: каждый, кто приносил что-то в печать, требовал сделать свою работу вне очереди, и таких были десятки. А отказывать Аня не решалась. Домой приходила измотанная, с головной болью.

Обычно в таких офисах держали машбюро, а в управлении гордились, что у них одна машинистка справляется за всех.

Оле уже было тринадцать лет, Ане – пятьдесят четыре. На работе красиво отпраздновали её день рождения. Это был апрель 1999 года. Когда отзвучали приветственные слова, когда выпили и съели всё, что именинница выставила на стол, когда букет и подарок были уже упакованы в сумку, Аню отвела в сторону начальник отдела кадров:

– Анечка, ты извини меня, что я в такой день... Но я обязана тебе сказать. Ты работаешь у нас последний год. На будущий год тебе будет 55, и новый годичный контракт с тобой не подпишут. Не положено. Я специально говорю тебе это заранее, чтобы ты за год успела подыскать себе работу. Иначе всё это свалится тебе на голову неожиданно. Понимаешь?

– Понимаю, – севшим голосом ответила Аня. – Спасибо, что предупредили заранее. – И с горечью подумала: могли бы и завтра сказать и не портить мне день рождения...

Она пришла домой совсем убитая. Мамы уже три года как не было, с Олей не посоветуешься. С трудом дождалась вечера и позвонила старшей сестре.

– Вот что, – сказала та, выслушав горестный рассказ. – Работу ты искать не будешь. Этот год отработаешь, не перенапрягаясь, и заодно будешь готовить документы на выезд. Это большая работа, её надо начинать немедленно. На работе ничего не говори, а с утра отпросишься на часок, ОВИР у вас под боком. Возьми бумагу и ручку, подробно узнай, с чего начинать и какие документы готовить. Ещё ведь надо распродавать и раздавать домашнее барахло, да и квартиру тоже... Хотя она в таком состоянии... Убитая совсем.

Это действительно была огромная работа. Старшая сестра со своим мужем помогали, как могли.

В ноябре Аня уволилась. Авиабилеты были уже у неё на руках, вылет назначен на январь 2000 года. За эти последние два месяца до отъезда Таня Корсакова, с которой они давно дружили, несколько раз звонила и жаловалась:

– Как это ты одна всё успевала? На твоё место взяли двух машинисток и ксерокопистку, так они не справляются. Меня попросили узнать – ты не хочешь помочь? За деньги, конечно.

– Пусть твоё начальство им помогает. Раньше надо было думать. Не все такие тягловые лошади, как я. Извини, Танюша, это я на них обиделась, а не на тебя.

Аня целыми днями бегала по инстанциям, очень уставала. Распродавала посуду и другие вещи, на это приходилось и жить, и платить за разные дурацкие бумажки, без которых не оформить разрешение на выезд, особенно с несовершеннолетним ребёнком. Нет у девочки отца – нужна нотариально заверенная копия свидетельства о его смерти. Предоставьте данные, где ребёнок будет там жить, будут ли нормальные условия.

– А вас не интересовало, как она здесь жила на пособие 7.50 гривен в месяц? Когда одни завтраки в школе стоят вдвое дороже! Уж можете мне поверить – там у неё условия будут лучше!

Ей молча подписали справку о выезде. Украина дорого брала за лишение своих граждан украинского гражданства.

Рита с мужем старались помочь. Оля после школы заходила к ним, обедала, делала уроки и только вечером шла домой.

Возникла ещё одна проблема: куда девать Нодара? С собой не возьмёшь... Нодару уже было четыре года. Это был красавец-овчар, не очень крупный, ласковый

как котёнок, сильный, поджарый и умный. Только нестандартный окрас выдавал его непородистость: широкая тёмная полоса на спине и хвосте, серо-стальные бока снизу и рыжие сверху. Это был преданный друг, а также охранник и носильщик сумок. Аня уже всех знакомых обзвонила, но никто не хотел брать взрослую овчарку – соглашались только на маленьких щенков.

Рита позвонила Лидии Андреевне, своей хорошей приятельнице с их завода. Лида жила в пригородном селе Диёвка-2. Она обрадовалась:

– Тебя мне сам Бог послал. Я уже три недели ищу замену моей Пальме. Когда я её брала в заводском питомнике, она ещё маленькая была, четыре месяца. А теперь выросла. Охранник она хороший, но как только начинается течка, так кобели всего квартала вытаптывают мои грядки. Надоело. А мальчик – это как раз то, что надо. Привози. У меня ему будет хорошо.

В воскресенье Нодар со впервые надетым новым нарядным ошейником и новым, не сгрызанным поводком ехал в электричке с Аней и Ритой. Они заняли места в углу вагона: он сидел прямо и гордо, как памятник самому себе, слегка свесив язык и глядя весело и лукаво. Олю с собой не взяли – меньше стресса и для девочки, и для собаки. От станции до дома Лиды Нодар тоже гордо вышагивал впереди, будто вёл их за собой, и совершенно не обращал внимания на других собак. Те старательно облаивали чужака из-под калиток и из-за заборов, но он и ухом не вёл.

Постучались в нужную калитку.

– Входи, Норд! – приветствовала его среднего роста, полная и румяная женщина, широко распахивая калитку.

– Не Норд, а Нодар, – поправила её Аня, которая тут была не впервые и успела подружиться с весёлой добро-душной Лидой.

– Мне не запомнить, мудрёное имя. Лучше Норд, ошибаться не буду.

– А Пальма где?

– Отвезла обратно на завод. Она и не возражала, сразу к своим побежала. Ну что же, Норд, обживай свой новый дом!

Нодар осмотрелся вокруг, принялся, царапнул лапой: вместо привычного линолеума земля, снег и сквозь запах снега – запах прошлогодней травы и ещё запах собаки-самки. Приятно. За просторным одноэтажным домом с высоким чердаком и крутой крышей находился небольшой фруктовый сад и большой огород. Под снегом угадывались длинные ровные грядки. И – полная свобода! Есть где побегать и никаких соседей!

– Со двора выпускать пока не буду, – объяснила Лида. – Недели две-три, пока не обвыкнется. А с цепью ещё подумать надо. Может, он такой умный, что и без цепи обойдётся. Пошли завтракать. Норд, а твой завтрак вот здесь, смотри.

Уже позже, когда Нодар стал считать дом Лиды своим домом, а Аня уехала в Израиль, Рита, бывающая в доме у Лиды несколько раз в год, не просто виделась с Нодаром, а встречались как родные. Видимо, для собаки она пахла детством и прежней хозяйкой.

У Лидии Андреевны Жук собиралась компания вышивальщиц, человек 12-15. Компания образовалась в 1989 году, когда завод отмечал 75 лет со дня основания. В заводском музее открыли выставку

народного творчества. Умельцы принесли свои работы по кованому металлу, резьбу по дереву, деревянные поделки для хозяйства, резьбу по кости, мягкие игрушки и макраме, литьё из воска и архитектурные ансамбли из спичек, вышивки, вязание – чего там только не было! Лидия Андреевна сама прекрасно шила, вязала и вышивала гладью и крестиком. Она переписала имена всех вышивальщиц, узнала их заводские телефоны и собрала мастериц на девичник у себя дома.

Собирались довольно часто: по православным праздникам, когда всё равно нельзя было ничего делать (Рождество, Пасха, Троица), и по дням рождения всех участниц.

До самого отъезда Риты в Израиль в 2009 году, двадцать лет, она постоянно находилась в этой компании. Это было невероятно интересно. Каждую новую встречу можно было посмотреть и обсудить новые работы, взять новый рисунок, который особенно понравился. Профессии у мастериц были разные – рабочие, учителя, врачи, инженеры, даже трамвайная вагоновожатая – только увлечение было одно: сделать жизнь ярче и интересней, причём собственными руками. Они не только вышивали – шили, вязали, рисовали, занимались макраме и резьбой по дереву.

Девичники проходили весело, с выдумкой, тянулись до вечерней электрички. Угощение тоже сочиняли все вместе, хотя, в основном, всё было с собственных огородов.

Нодар чувствовал себя хозяином двора, без его разрешения (ну и хозяйки, конечно, хозяин в счёт не входил) во двор никто и ступить не мог. На цепь его сажали очень редко – только если во дворе были

совершенно посторонние люди. Он относился к этому философски, спокойно. Знал, что ненадолго. Поэтому Риту во двор впускали первой, и пока они с Нодаром обнимались и целовались, остальные тихонько за спиной Риты проходили в дом. Нодар вёл себя как щенок: визжал, как маленький, облизывал лицо и руки. Это впечатляло – он у непосвященных вызывал некоторую оторопь.

Как-то раз девичник собирался, когда у Лиды во дворе достраивали гараж для их старенького «Москвича». Николай, муж Лиды, был счастлив – наконец-то машина не будет постоянно под солнцем, дождём и снегом. Да ещё при гараже отдельное помещение – мастерская. Рабочие обернулись на возгласы прибывших женщин. Рита, как обычно, направилась к Нодару, распахнув объятия. Один из рабочих закричал:

– Осторожно! Не подходите близко к этому зверю, разорвёт! Он мне вчера штаны порвал, чуть не загрыз!

– Пить меньше надо, – бросила Рита через плечо. – Он терпеть не может перегара.

Нодар в это время, натягивая цепь, уже на задних лапах обнял Риту передними за шею, повизгивая от восторга и усиленно виляя хвостом. Рита смеялась, уворачиваясь от розового языка. У мужика отвалилась челюсть.

Женщины уже прошли в дом, а Нодар всё ещё не отпускал Риту.

– Ну, хватит лизаться с этим бездельником, идите в дом, – позвала Лидия Андреевна.

– Сейчас, сейчас... Ну, хватит, мой маленький, я ещё позже подойду к тебе...

И долго ещё было слышно его повизгивание.

Закрывая за ней дверь, Лида заметила:

– Полное село щенков, похожих на Норда! Твой красавец очаровал всех сельских сучек.

ОЛЯ

И вот пассажирский зал аэропорта. На Тель-Авивский рейс огромная очередь. Больше десяти семей летят на ПМЖ, это человек 70-80, да провожающих столько же, да и просто туристов хватает – море народу. Шум, гам, смех и слёзы... По-моему, слёз больше. У нас улетают двое – Аня и Оля, при них – целая батарея сумок и чемоданов. Провожающих больше десяти человек, несмотря на поздний час (рейс ночной). У всех подавленное настроение. Конечно, не прежние времена, и нет ощущения непоправимо вечной разлуки. Уже можно прилететь в гости в обе стороны, да вот получится ли? Всё это страшно дорого и ненадёжно. Увидимся ли ещё когда-нибудь?

– Ты как себя чувствуешь?

– Как уезжающая.

– А подробнее?

– Меняю гололёд на хамсин. Как, по-твоему, что хуже?

– Гололёд, конечно. От хамсинов переломов не бывает. Как Оля?

– Посмотри на неё сама. Трясётся от страха. Никогда ещё самолётом не летала.

Рита смотрит на Олю. Ей через месяц 14 лет, в длину уже догнала рослую маму, но ещё совсем ребёнок.

– Этого как раз не надо бояться, Оленька. Мы с твоей мамой уже по сто раз летали, и ничего!

Аня бросает быстрый взгляд на сестру. Они ещё не забыли тот случай, когда 26 лет назад окошечко

Кисловодской авиакассы захлопнулось прямо перед её носом – билеты закончились. Аня улетела тогда с Кавказа домой следующим рейсом, через сутки. Ночевала в аэропорту, намучилась и ругалась. А самолёт, на который она не попала, разбился. Выживших не было. Она не дала домой другую телеграмму, у неё не оставалось денег. А что родные пережили за эти сутки – страшно вспомнить!

– Ладно, зато 55-летие отмечу уже в новой стране.

– Телефон Тамары не потеряла?

– И Тамарин есть, и Дины с Валерой есть. Не пропадём.

– А Наташа с семьёй когда улетают?

Наташа позвонила маме про свой отъезд как раз тогда, когда Аня собиралась звонить ей про свой.

– В мае. Думаю, смогу им снять квартиру. Не смогу, так Дина поможет, они там уже десять лет живут.

– Конечно. Ох, и Ната с Борей в сентябре уезжают... Одни мы остаёмся. Дожили – за праздничный стол посадить некого.

– Ну, ещё Вова с Раей остаются, да и Гена тут.

– Гена... Ты же знаешь ситуацию... Ладно, прилетишь – позвони.

Перед отъездом Аня оставила всё, что не смогла продать или раздарить, сестре:

– У тебя квартира большая, поместится. Авось, пригодится.

В мае то же самое сделала старшая дочка Ани, Наташа. В сентябре – сестра Алика, Ната. Узлы, чемоданы, сумки... Квартира стала похожа на книжно-промтоварно-продуктовый склад. Особенно Натаина консервация, чуть не сотня банок. Протесты не принимались, на них отвечали одной фразой:

– Ничего, съедите! А куда это девать?!

Из четырёх комнат одна, самая большая, гостиная, была завалена так, что нельзя было даже на лоджию выйти. Рите пришлось научиться продавать всё это на базарчике за домом. Там её быстро заприметили: ясно, евреи уезжают – налетай, всё дешёво, чуть не за копейки – посуда, столовые приборы, хрусталь... Даже очереди образовывались, когда она выгружала на старую шторку от ванной очередную сумку на колёсах.

Аню охватило непонятное ощущение: из снежного украинского января они перенеслись в ярко-праздничный, наполненный пряными запахами цветущих растений, солнечный январь субтропиков. Это даже не Кавказ – ещё тропичнее! Она расстегнула зимнюю куртку, пошевелила пальцами в зимних сапогах – всё это придётся спрятать подальше! Она обернулась к дочке: та уже сняла вязаную шапочку и тоже расстегнула куртку.

– Ничего себе январь, – восхитилась Оля. – Мама, смотри, пальмы настоящие! Живые!

Аня наклонилась и потрогала плитку под ногами: та была тёплой!

«Странно, – подумала она, прислушиваясь к себе, – впечатление, что эта земля меня ждала...» Она вспомнила, что рассказывала ей сестра, вернувшись три года назад из недельной поездки в Израиль по интуристовской путёвке. Тогда Алик сказал странную фразу:

– Я всегда думал, что я атеист. Но, наверное, что-то есть такое, отчего, спустившись по трапу, понял: мне хочется опуститься на колени и поцеловать эту землю. Конечно, я не сделал этого, но желание было очень сильным.

Что-то сходное Аня почувствовала, хотя тоже не была преувеличенно впечатлительной.

Сначала всех направили в большой кабинет, где проводили оформление и ей выдали её первый документ – *теудат-оле*. Там же их и накормили после ночного перелёта. Растерянная Оля шепнула маме:

– Я ничего не хочу, я хочу домой. Полетели обратно в Днепропетровск?

Замученная и уставшая Аня отмахнулась:

– За какие деньги? Сиди уж тут, обратно нам нельзя, да и мне не хочется. И жить там уже негде (и про себя добавила: и незачем).

По радио громко произнесли по-русски:

– Рейс из Днепропетровска, внимание! На выходе номер 34 вас ожидают микроавтобусы с названиями городов, в которые вы едете. Вещи на тележках везите прямо туда.

Только к вечеру они добрались до Беэр-Шевы, где были приготовлены для них комнаты в отеле. По дороге Аня дремала, а Оля комментировала виды из окна:

– Смотри, январь, а кажется, что только осень начинается!.. Смотри, какие чистые и красивые улицы – их что, мылом моют?.. Ой, смотри – ночь, а дороги светлые какие, ни один фонарь не перегорел, не то что у нас...

Две ночи переночевали в Беэр-Шеве, созвонились с Диной и на третий день поехали в Ашдод. Дина с Валерой и помогли найти первое их жильё – в районе «алеф», на ул. Жаботинский.

Ну и что, что четвёртый этаж и без лифта? Ноги пока свои. Ну и что, что мебель разваливается? Дома тоже была уже старая. Аню поразил запах на улицах,

как будто тонну специй рассыпали, а после дождя ещё сильнее. Она сестре так по телефону и рассказывала:

– Похоже, что тебя заперли в кладовке со специями. А ведь это улицы! Прямо дух захватывает, никаких духов не надо.

Первые три недели была эйфория: тепло не по-зимнему, чисто, красивый город. Потом пошли будни, но они и не ожидали сплошных праздников. Аня записала Олю в школу, но тут началась забастовка учителей, так что ещё неделю она была свободна.

Но когда занятия начались, это был кошмар. Языка они не знали. Оля ходила на уроки, ничего не понимая, и только была в ужасе от того, что видела. Дома она считалась трудным, неуправляемым ребёнком, но на фоне незакомплексованных одноклассников выглядела пай-девочкой. Выручал только улыпан, в который они обе ходили после школы, во второй половине дня. Там Оля подружилась с двумя девочками своего, примерно, возраста, которые тоже недавно приехали и ещё не контактировали с местными. Кстати, дружат и до сих пор, уже семьями все 17 лет.

Казалось, всё налаживается, но... Как всегда, это НО! Гуляя в парке с подружками, неспешно разговаривая, Оля оказалась вдруг сбитой с ног: какой-то мальчишка на велосипеде то ли не справился с управлением, то ли смотрел не туда... Оказалось, правая рука сломана, левая вывихнута. А ведь Аня только-только договорилась у себя в доме убирать подъезды, все пять, всё-таки хоть какой-то приработок! Но тут пришлось всё это отложить – и так улыпан забирает всё утро. Остальное время надо было быть с ребёнком. Пока руки зажили, пошло ещё два месяца.

Мириам, соседка, выручала. Весёлая добродушная, очень полная, то ли марокканка, то ли эфиопка – Аня не разобралась – подружилась с соседкой сразу, как только её увидела. Внешне они были очень разными – Аня высокая и статная, Мириам – расплывшаяся после частых родов, маленького роста и как будто состоящая вся из шариков, как снежная баба, только тёмная. Неугомонная, постоянно улыбающаяся – общались они на смеси иврита и, как ни странно, идиша. Аня идиш не знала, но неплохо говорила на немецком.

Пока Аня с утра была в ульпане, Мириам заходила к ней, кормила девочку, приносила из дому что-нибудь вкусненькое. Аня пыталась утихомирить подружку:

– Мири, у тебя своих шестеро, ты зачем нянчишься с Олей?

– А это не твоё дело, – парировала та, улыбаясь совсем уже от уха до уха. – Я делаю вид, что Ольга у меня седьмая, вот и всё. А твоё дело учиться, тебя никто не спрашивает.

А тут и май подоспел. Приехала Наташа с семьёй. Сразу снять им квартиру не удалось. Жили все вместе в этой же комнате – все шестеро. Наташа с младшей сестрой ещё в Украине очень редко жили дружно, были вечные стычки, характеры у обеих девочек были неуживчивыми – не то, что у их мамы. Хоть и разница в 10 лет, а не мирились. Тут стычки начались буквально сразу. Аня замучилась их мирить, и трёхлетний Мишка, хоть и лапочка, и спокойный, а нервов всё равно не хватало.

Нашёлся выход: Оля стала учиться в интернате с проживанием, только в пятницу возвращалась домой. Школа там была строгая, одежда форменная: голубые блузки с длинным рукавом, длинные чёрные юбки,

чёрные чулки, чёрные туфли. Язык Оля освоила быстро, а училась не очень хорошо, и не очень охотно. Кроме общеобразовательных предметов, девочки там получали специальность хирургической медсестры, постоянно дежурили в больнице. Сейчас Оля жалеет, что через год ушла оттуда – была бы сейчас хорошая высокооплачиваемая работа. Но тогда ей не понравилась строгость обучения и поведения – сорвалась и уехала к маме. Тем более что Наташа уже жила отдельно.

В пятнадцать с половиной лет Оля оказалась маминой незаменимой помощницей. Вставала в 4 часа утра, помогала мыть подъезды. Потом бежала в школу, после школы уборка офисов. И так до ночи, когда просто валилась с ног. Несколько раз от усталости и в обморок падала.

Тогда же, в 2003 году, Аня позвонила сестре в Украину:

– Приезжай, мы все хотим тебя видеть!

Рита вечером поговорила с дочкой. Та подумала и спросила:

– Когда ты собираешься ехать?

– В сентябре, наверное. Там уже не так жарко будет.

– Сентябрь отменяется. Езжай лучше в апреле, как раз на день рождения Ани попадёшь.

– А чем тебя сентябрь не устраивает?

– Мне в сентябре рожать.

– Ох ты... Сколько у тебя?

– Доктор сказала пять-шесть недель. Так что готовься.

Перезвонила в Ашдод, сообщила, договорились. И только приехав весной к сестре, узнала, что у Ани нашли запущенную онкологию всех лимфоузлов. Она

уже проходила лечение. Но день рождения отметили в хорошей компании.

Хороший знакомый Оли, Эдик, давно уже ухаживавший за 16-летней девочкой, принял болезнь её матери близко к сердцу. Он взял на себя всё – оплату квартиры Ани, питание, все больничные проблемы – ухаживал как за собственной мамой. Со своей небольшой зарплаты – около четырёх тысяч – оплачивал всё, что мог. Оле он напоминал любимого дядю Алика, и, в конце концов, она полюбила его. А пока без него она просто не могла обходиться – Эдик был опорой во всём.

НАТАША

Наташа с мужем и трёхлетним сыном приземлились в аэропорту «Бен Гурион» в мае 2000 года. Во время полёта Мишка капризничал и плакал, и на эмоции к моменту приземления у родителей уже не осталось сил.

Зато мама встретила, и это было так здорово! И город Ашдод показался вышедшим из сказки, и майское море было волшебным и бирюзовым, и синее-синее небо, и невесомые облачка в нём...

Сначала жили все вместе, и это было тесно и неудобно. Наташа раздражалась и постоянно срывалась на крик. Потом удалось снять студию на вилле в районе «тэт» – от моря далеко, зато пустыня – вот она, сразу за двором.

Комната хорошая и светлая, даже кухонька-прихожая есть: шкафчик с плиткой и чайником, вода, столик с парой табуретов. Чем не жильё? Наружная дверь выходит в крохотный дворик, там помещаются только пластмассовый стол со

стульями и два горшка с цветами. А оттуда уже выход в просторный хозяйский двор, но это уже к ним не относится. Втроем неплохо разместились. Мебель, правда, древняя.

– Ма, где ты такую взяла?

– С выставки.

– С какой ещё выставки?

– А тут, когда семья меняет мебель, старую выставляют на улицу. Всё равно здесь её никто не купит. Кому надо – забирают себе. Я тебе новую купить не могу. Вы же тут временно, пока не освоитесь. Разбогатеете – итальянскую купите.

– Разбежалась – разбогатеет, как же! Где ещё работу искать буду?

– А я тебе разве забыла сказать? Тут за углом кафе есть, им нужна официантка, я вчера узнавала. Пойдёшь?

– А у меня что, выбор есть? Завтра же и пойду.

Мишу определили в садик недалеко от дома. У Наташи началась напряжённая жизнь: с утра до часу дня ульпан, с двух дня до двенадцати ночи – в кафе. Хорошенькая, бойкая и поворотливая молодая женщина быстро приобрела популярность. Посетителей в кафе прибавлялось с каждым днём. Она умела улыбнуться каждому так, будто он один на всём свете. Вот такая улыбка, хотя для самой Наташи она ничего не значила. Хозяин платил скупое: 50 шекелей в день за 10-часовую смену, остальное забирал себе. Чаевые тоже забирал себе, хотя это было против правил. И сам заглядывался на официанточку. Но тут без предупреждения стала наведываться в кафе его жена, которую он явно побаивался, да и Наташин муж несколько раз после работы заходил, будто с каким-то вопросом, но не без намёка. Хозяин сразу заметно скучнел.

Конечно, Аня помогала, как могла. Ребёнка после садика забирала, гуляла с ним на детской площадке, потом приводила домой, кормила и сидела с ним, пока зять не приходил с работы. Только тогда уезжала домой – младшей дочке тоже нужна мама.

Наташа проработала в таком режиме почти два года. Только когда закончила ульпан, стала в том же кафе работать с 6 до 16, а с 17 и до часу ночи на швейной фабрике в Петах-Тикве. Пригодилась первая специальность: когда-то она окончила швейное училище при Днепропетровской фабрике, прекрасно шила, придумывала необыкновенно красивые фасоны, особенно детской одежды – фантазия у неё была неисчерпаемая.

Хозяин кафе заставлял Наташу ещё и в субботу работать, полдня. Обещал в такие дни платить вдвое – всё равно обманывал, конечно. Она даже не заметила, как вырос ребёнок. Потом надоело терпеть, ушла из кафе. Иврит уже знала хорошо, хозяину всё высказала вполне грамотно и ярко. Два года работала на уборке. Непрестижно, но времени это занимало меньше, а платили больше. Вместе с мужем они уже собрали на срочно продающуюся и поэтому недорогую квартиру тут же, в «тэте».

Мише было чуть больше семи лет, он ходил во второй класс, когда родилась Таис. После родов Наташа пошла работать на кондитерскую фабрику посудомойкой. Ну что это за посудомойка, если заявляет опытному кондитеру-дизайнеру:

– Завитушки, завитушки... розочки. Красиво, конечно, но, в конце концов, скучно!

– А что ты предлагаешь? – заинтересовалась мастер. – Ты вообще что-нибудь в этом понимаешь?

– Может, я ничего и не понимаю, но это же

заказной торт для пятилетнего мальчика? Рискни, дай мне все эти цветные шприцы и пять минут. Идёт?

И на заказном именинном торте разлёгся на зелёной лужайке смешной щенок с высунутым розовым язычком, держащий в лапах цифру 5. Сбежались и другие мастера-дизайнеры. Охали, ахали... Через год в галерее именинных тортов уже у признанного дизайнера-кондитера Наташи собралось больше сотни оригинальных композиций. Идеи она обсуждала с заказчиками – кто что любит – и в очередь на её торты запись была два-три месяца. Десять лет в кондитерском производстве, общая тетрадь с рецептами, безудержная фантазия – это уже была популярность.

И вдруг она уходит с фабрики.

– Почему так вдруг?!

– Надоело. Пришёл новый хозяин фабрики, начались дразги. Работать спокойно не дают. Гадюшник какой-то. Я вот месяц пробыла на больничном – а почему? Я зашла в холодильник за продуктами, а какая-то сволочь изо всех сил хлопнула дверью. А дверь стальная и весит двести кило, да ещё с пружиной. Вот руку и сломала. Хорошо, что хоть инвалидом не стала.

К травмам нельзя привыкнуть, но Наташа умеет к ним относиться терпеливо. Когда ей почти в 36 лет вдруг жутко захотелось стать на коньки (впервые в жизни), травм было хоть отбавляй, однако сейчас она защищает цвета Израиля в международных соревнованиях фигуристов-возрастников. У неё дома целая коллекция медалей и кубков.

Но это уже другая история.

СВЕТ ЧЕРЕЗ ТЬМУ

повесть

*С благодарностью Ольге Маркман
за тему и идею этой повести*

1. НАКАНУНЕ

– Глафира! – послышалось из спальни.

Глаша быстро вытерла руки расшитым полотенцем и помчалась к хозяйке. Мария Николаевна, уже полностью одетая, заканчивала подкрашивать ресницы – длинные, пушистые, но светлые, под стать толстой косе, короной свернувшейся на голове. Она сидела перед трюмо за старинным резным туалетным столиком, осторожно водя пуховкой, прикусив пухлую губу.

– Да, Марьяниколавна! – запыхавшись, выпалила девушка, убирая прядь волос со лба.

– Иосиф Моисеевич уже ушёл?

– Да, шофёр снизу приходил, машина уже ждала. Хозяин чай допил и сразу ушёл.

– А ты что сейчас делаешь?

– Посуду домываю, сейчас девочку разбужу и в магазин слетаю. Я видела список на столе и денежки рядом.

– Умница. Я завтракать не буду, сегодня перед уроками планёрка, после неё в школьном буфете позавтракаю. И после уроков скоро не жди – у нас педсовет.

– Поели бы, – жалобно протянула Глаша. – У меня и оладушки к чаю свеженькие...

– Вот Любу и накормишь оладушками.

Учительница русского языка и литературы Мария Николаевна Новикова-Файнберг стала завучем только в этом учебном году. Её часы, как словесника, частично сократились, но доплата к новой должности перекрывала эту сумму. Дочка Любочка уже перешла в пятый класс, и Марии Николаевне пришлось отказаться от преподавания в дочкином классе, во избежание кривотолков. Это они с мужем так решили: доброе имя дороже лишней десятки. А Люба и так хорошо учится.

Файнберги жили без излишней роскоши, только сама директорская квартира в старинном доме была большой, да ещё к ней полагалась домработница. Жена директора немаленького завода, учительница, и не смогла бы сама обиходить такую квартиру. Глаша числилась уборщицей при заводууправлении и зарплату получала на заводе, но она и готовила неплохо – в основном, нехитрые деревенские блюда, без изысков. Хозяев это устраивало.

Зато двухмесячные летние отпуска мама с дочкой каждое лето проводили в Алуште. Вначале Люба и не помнила этого, ей тогда было только два года. Но спустя восемь лет она уже привыкла. Там были друзья, привычная обстановка у тётки Гали в мезонине, знакомые улицы, закоулки и пляж. Дом стоял почти в самом низу улицы, которая карабкалась

круто в гору. Люба ещё с апреля предвкушала летний отдых, даже написала письмо Кате и Тимке из соседнего дома.

Но тут вмешалась Глаша. На майские праздники она ездила к своим родителям в деревню под Псковом. Вернувшись, не замолкала:

– Хотите отдохнуть в нашем селе? У нас так красиво и хорошо! И батя с мамой приглашают. Уж так будут довольны, если надумаете!

– Так мы же в Крым собираемся!

– Ну и будете полторы тыщи километров ехать до своего Крыма! – пренебрежительно отвечала девушка, гремя посудой в раковине. – А тут недалеко, под самым Псковом, думаете, там хуже? Псковское озеро знаете, какое чистое и красивое? Светлое, как слеза! А леса наши – грибы да ягоды, морошка да голубика. И клюква по болотам. Там многие ленинградцы отдыхают и довольны. А вы только на дорогу туда-обратно неделю отпуска теряете...

– Так море же! И у Любы там друзья.

– Подумаешь! Моя младшая сестрёнка Зойка всего на год старше Любы. Могут и подружиться. И парное молоко от нашей коровы и всё с огорода свежее...

– Ма, а мне это нравится! – загорелась Люба. – Поедем к Глашиной маме, а на будущий год в Крым.

Отец только пожал плечами:

– Девочки, выбирайте сами. У меня-то отпуска нет. Вот если выберете недалеко – на машине отвезу.

– И побудешь с нами? – захлопала в ладоши Люба.

– Нет-нет, мне надо на работу.

Люба понимала: у отца отпуск был раз в четыре

года, чаще не получалось. Завод требовал постоянного присутствия директора. Конечно, это не знаменитый Кировский завод, но и не из маленьких. Пришлось девочке опять писать в Алушту и отменять приезд.

Наконец, 14 июня они поехали. Через Гатчину и Лугу, переехали речку Плюсса с красивым старинным городком по берегам. Шоссе шло почти параллельно с железной дорогой. Когда они обогнали поезд, Люба захлопала в ладоши. Одно огорчало – мама тоже только отвозила дочку, сама должна была приехать через две недели: в школе у старшеклассников ещё шли экзамены, и отпуск у завуча начинался только с 30 июня.

Родители Глаши встретили Любу как родную.

– Жаль, что вы не остаётесь, – сказала мать Глаши, высокая статная женщина в белоснежном платке на голове. – Я понимаю, работа. Но вы же приедете?

– Да, через две недели, после экзаменов. Вы не волнуйтесь, Люба самостоятельная и не привередливая, хлопот с ней не будет. Куда её чемоданчик отнести?

– Вот, пожалуйста, сюда. Нет, не направо, там горница. Вот слева отдельная комнатка. Глашина. Она тут спит, когда приезжает... Да вы не переживайте, Любочке у нас будет хорошо. Мы же с понятием... Глаша всегда о вас так славно рассказывает.

Родители уехали сразу после обеда, и девочка осталась одна. Да разве это одна? Зойка познакомила её со своими подружками. Они вместе гуляли в лесу и в поле, купались в светлом и чистом озере. Компания попала весёлая – девочки пели и хохотали по дороге, болтали обо всем на свете, пока их кузовки наполнялись грибами. Ягоды ещё не созрели, это надо ждать августа.

Вот это каникулы, будет о чём рассказать осенью ребятам в школе!

Уже почти прошла неделя, на выходной должны приехать родители. Любе не терпелось рассказать им обо всём интересном. И вот уже суббота, уже близится вечер, и, наконец, серая легковушка пылит по просёлку. Люба бросается навстречу – слегка растрёпанная, лёгкая, летящая в своём светлом сарафанчике и уже загорелая – бросается на шею маме, крепко обнимает отца. Не замолкая, говорит и говорит.

– И ещё, – продолжает она, – вы представляете, Зойка спит в горнице, а у меня своя отдельная комната, как дома! И за столом тётя Настя всё время мне подкладывает всё самое вкусное.

– Наверное, Глаша ей рассказывала, что у нас дома мы тоже относимся к ней, как к своей, – замечает отец. Он уже давно снял костюм и расположился на топчане под яблоней в майке и лёгких брюках.

Обедали в доме, а на дворе жара. В горнице прохладно, свежeweымытые полы пахнут деревом и травами, вышитые занавески открытого окна слабо шевелятся под ветерком. В окно заглянула Зойка – чумазая, прямо с огорода. Её очень светлые голубые глаза с любопытством мечутся по лицам гостей, задорные косички, как тонкие ржаные снопики, взлетают за ушами, в которых сияют маленькие простенькие серёжки со светло-голубыми камешками.

– Умывайся и за стол, – велела ей мать.

Мария Николаевна невольно сравнивала девочек. Зойка, на год старше Любы, была одного роста с ней, но кряжистее, крепче. А Люба, тоненькая и нежная, была хоть и белокожая, но с широкими тёмными бровями, длинными и пушистыми чёрными ресницами и чёрными, густыми и вьющимися

волосами, сейчас распущенными по плечам. Карие отцовские глаза смотрели ещё по-детски открыто и ясно.

Зойкина голова исчезла из окна, слышался плеск воды из раковины. Мария повернулась к дочке:

– А как твоя вышивка?

– Ой, да совсем не движется, – засмеялась Люба. – Некогда. То в огороде Зойке помогаю, то гуляем с девочками.

– Ну и правильно. Зимой успеешь в доме насидеться.

Вечер прошёл весело, и Марии было приятно, что дочка пользуется повышенным вниманием, и что она тут такая счастливая.

Родители Любы в эту ночь спали наверху, в мезонине. В кухне на широкой лавке, на овчине, похрапывал папин шофёр дядя Никита. Рано утром они должны были возвращаться в Ленинград.

2. НАЧАЛО

Люба проснулась почему-то, хотя было ещё темно. Окно в её комнатке было открыто. За окном грохнуло. Наверное, такой же звук и разбудил её. Девочка лениво приоткрыла глаза, подумала – гроза, надо бы закрыть окошко. Но вставать не хотелось, они с Зойкой вчера поздно проболтали на завалинке, когда смотрели, как танцует молодёжь на клубном пяточке.

За окном только начинало сереть. От озера тянуло предраассветной свежестью, покрытые росой цветы в палисаднике пахли терпко и сладко. Снова грохнуло. Люба подняла голову, посмотрела на ходики – было

без четверти четыре. Загорланили петухи: один, второй... десятый. Ну, прям тебе народный хор! Село стало просыпаться.

Загрохотало вовсе уж оглушительно. С улицы донеслись обеспокоенные, хриплые со сна голоса. Что-то тревожное слышалось в них. За лесом посветлело: на фоне зарева проступил зубчатый контур леса, почему-то не на востоке, а на юго-западе, со стороны Эстонии.

Это не была гроза. Это была война. Но об этом узнали только позже, у чёрного раструба громкоговорителя на столбе у сельсовета. Выступал Молотов. Едва дослушав сообщение, родители Любы собрались уезжать.

– А я? – вскрикнула девочка.

Мать беспомощно оглянулась. Дочка смотрела на них с тревогой. Потом мать увидела в толпе Настасью, та разговаривала со своим мужем. Мужчины села обступили председателя колхоза и в чём-то его убеждали. Наконец тот махнул рукой. Народ начал разбегаться по домам, женщины срочно собирали мужей в дорогу. Подъехал грузовик. Председатель коротко поговорил с водителем и тоже пошёл домой собираться.

– Десять минут! – крикнул он.

Мария подошла к Настасье:

– Настасья Петровна, я только туда и обратно. Пусть Люба пока соберётся, я утренним поездом вернусь. Мужу сейчас надо быть на заводе.

– Ладно, чего уж, – хмуро ответила женщина и пошла к своей избе, собрать еду и вещи мужу в дорогу. – Конечно, поезжайте. До завтра ничего не случится, а в деревне безопаснее, чем в городе.

– Вот и ладно. Любочка, маленькая моя, я только

всё узнаю и вернусь, заберу тебя, – зашептала Мария, обнимая дочку. – Слушайся тётю Настю и ничего не бойся.

«Почему меня сразу не забрали? – тоскливо подумала девочка, глядя вслед рванувшей на полной скорости легковушке. – Я бы быстро собралась. Я понимаю, папа сразу едет на завод. А мама?»

Грузовик с мужчинами уехал сразу же. В райцентр, в военкомат. Вместе с председателем колхоза. Ночью Люба почти не спала, хотя накрепко заперла и дверь, и окно. А рано утром оглушительный треск мотоциклов поднял на ноги село. Мотоциклистов было около сотни, перед ними шла открытая машина с офицером и автоматчиками. Незнакомые мундиры, знакомая лающая речь, направленные на перепуганных сельчан автоматы – как будто страшный сон... От всего этого падало сердце, сжималось тело, голова сама уходила в плечи.

Машина остановилась на площади перед сельсоветом, автоматчик поспешно открыл дверцу. Надраенными, блестящими сапогами ступил на землю долговязый офицер в фуражке с непривычно задранном верхом. Поднялся на высокое крыльцо сельсовета, следом просеменил плотный лысый коротышка в штатском. Офицер что-то пролаял, коротышка оказался переводчиком.

– Великая германская армия оказала вам честь, пожаловав в вашу сельскую обитель, – перевёл лысый. – Господин обер-лейтенант Краузе уверяет вас всех, что он будет защищать ваше поселение от красных оккупантов, не жалея сил. А вы должны помочь ему в этом. Комиссары, офицеры, жида есть?

Площадь молчала. Автоматчики навели оружие

на толпу. Раздался негромкий голос председателя сельсовета:

– Не держи меня, я лучше выйду, а то они стрелять начнут. Ладно, хоть председатель колхоза в отъезде... – он вышел вперёд, невысокий, седой, с палочкой:

– Я коммунист. Не комиссар и не офицер.

По знаку оберлейтенанта двое автоматчиков оттащили его в сторону. В толпе возник шум, от чьего-то толчка вылетел вперёд школьный учитель Алексей Федотович. За ним метнулся его отец, колхозный сторож дед Федот, но на своём протезе не успел. Его придержали.

– Вот ещё коммунист! – крикнули из толпы. Завизжала какая-то женщина и, как от пинка, оказался впереди молодой комбайнёр Петя в замазленном комбинезоне.

– Во, комсомолец! – выкрикнула визгливо женщина. И ещё, и ещё... Семь человек уже стояли под стеной сельсовета, когда Люба в ужасе стала пятиться назад.

– А ещё тут есть девчонка-жидовка! – услышала она уже издали, скрываясь в бурьянах у оврага.

Найти её не смогли. Когда смолкли выстрелы, понурые сельчане (не все кричали и выдавали людей), стараясь не смотреть на лежащих у стены, разошлись по домам.

– Старосту и полицейских назначим завтра, – обратился оберлейтенант к переводчику. – Занимайте это здание, а мне найдите квартиру поблизости. Да приличную! И объявите всем, что мы проводим сбор продовольствия. И кухарку мне найдите чистую и приличную...

Только поздно вечером Люба пробралась к избе. Настасья хмуро оглядела девочку:

– Придётся тебе уходить из села. Ты жидовка. И тебя убьют, и нас, раз уж ты у нас живёшь. А так, даст Бог, может, и выживем. Если что – я сама тебя выдам, а не я, так кто-нибудь другой. Всё село знает, что ты у нас. Бог с тобой, попробайся спастись сама, если сумеешь, а я ничем не могу помочь.

Зойкины светлые глаза налились слезами и стали ещё светлей:

– Мама, что вы? Куда же она денется?

– А куда мы все денемся? – почти шёпотом закричала Настасья. – Видала? Им застрелить человека, как нам зайца. И сгинем мы тут все...– она не выдержала и зашлась плачем. – Они нас всех тут поубивают!

Поужинали молча и сразу легли спать. Рано утром, ещё толком не рассвело, Настасья подняла Любу. Поставила на стол кружку молока и хлеб, потом ткнула ей в руки большой серый платок.

– На-ко вот, волосья прикрой, больно черны. Среди нас, белявых, шибко выделяешься. Да лоб прикрой, не умеешь по-сельски! – сама повязала платок низко и плотно. – Да кофту возьми.

– Это же ваша, тётъ Настя!

– Тем лучше, что стара да велика, пуцай мешком висит. Безопаснее, да и укроет лучше.

– Спасибо, тётъ Настя.

– Не благодари. Богу молись, чтоб живой остаться, а на меня зла не держи. Помирать ради тебя я не согласная. Иди с Богом. Котомку-то возьми, там хлеб, лук да сало.

Люба с котомкой через плечо выглядела как нищенка, жалко и потерянно. Настасья подперла

рукой щеку и, пригорюнившись, смотрела, как маленькая серая фигурка, спотыкаясь, брела к лесу. Потом вздохнула и зашла в избу. Зойка ещё спала.

***

Уже близился полдень. Люба внимательно следила, чтобы дорога была не ближе ста метров, хоронилась за деревьями, спускалась в буераки и снова карабкалась наверх, спотыкалась о корни деревьев и валежник. Очень устала, да и есть хотелось. Забралась в густой орешник, проверила, чтобы ниоткуда её не было видно. Хорошо, что кофта и платок серые. Немного поела, свернулась в клубочек и проспала (судя по солнцу) часа два. Напилась из ручейка – тут их было много, хотя болото осталось левее. И пошла дальше.

Люба хотела добраться до Ленинграда, значит, идти надо было всё время на север. Её не пугало расстояние – ведь от дома до села они машиной ехали три часа. Значит, пусть за неделю, но дойдёт. Она очень боялась сбиться с дороги, на полянках проверяла, где солнце. И ещё в мозгу всё время вертелась на все лады проклятая фраза: ты жидовка и тебя убьют. Ты жидовка и тебя непременно надо убить. Ты жидовка и не имеешь права жить. Поняла: нельзя быть еврейкой, за это убивают. Значит, и папу – любимого, красивого, доброго, умного – тоже должны убить?!

Ручей течёт в глубоком, заросшем кустарником овраге, журчит тихонько, переливаясь через коряги. После июльских дождей земля никак не просохнет, но дни ясные и тихие. А на дне оврага сыро и сумрачно. Пахнет железистой водой, как от ржавого ведра, и немножко привядшими листьями. В болотистом лесу

влажный лог, с еловыми лапами, бьющими в темноте по лицу. Ну сколько же можно вот так идти, целую вечность...

Люба потеряла счёт дням. Она так давно доела то, что было в котомке, и даже ту морковку, что нашла на тропинке, и теперь брела обессиленная и голодная. В орешнике только завязи, на болоте ягоды только начали краснеть, но она всё равно их ест, хотя от них мучительно сводит живот. Она давно уже не выходит на дорогу и не проверяет, где солнышко.

И не заметила, что сбилась с пути, и теперь солнце всходит со стороны не правой, а левой руки. Ей удалось съесть с куста несколько спелых орехов, когда она сообразила, что они спелые! Значит, июль кончается, а то и август уже. Людей так давно не видела... если бы хоть кусочек хлеба... Ягоды на болоте тоже уже спелые, это хорошо, а вот людей не видно. Мелькали несколько раз вдалеке – пряталась, не разбирая, свои или нет. Не давала покоя мысль, что свои ничуть не лучше немцев, ведь вот выгнала тётка Настасья из дому. Предала... Нет, к людям совсем нельзя, им верить нельзя, они все ей хотят только смерти...

Одичавшая, уже давно не мывшаяся, голодная и уставшая до полусмерти, Люба стала тупой и равнодушной к жизни, даже не замечая этого. От глухого сна в чащобе, в ложбинках и выворотнях, от постоянной тревоги девочка потеряла человеческий облик. Даже тоска в её глазах сменилась пустотой.

Однажды вышла из леса. Там было уже темно, а в поле только начинались сумерки. Поникишие, полегшие колосья, безлюдье, лужи. На опушке – сараюшка, стены как будто условные, редкие, между потемневших досок широкие просветы, крыша дырявая, дверь

висит на одной петле и скрипит, раскачиваясь от ветра. Люба зашла в сарай, там громоздилась куча уже прелой соломы. Снова вышла, сорвала с десятков полувывсыпавшихся колосьев, вышелушила зёрна и даже не очистив их, положила в рот и долго жевала, пока не уснула.

Проснулась от голосов. Говорили по-немецки. Люба вжалась в солому в дальнем углу.

Утреннее солнце пронизывало весь сарай, и только в её углу было чуть темнее.

– Leise! (ляйзе – тихо!) – сказал один голос.

– Ich bin nichts (ихь бин нихтс – я не заметил ничего), – ответил второй.

Люба всё поняла. По немецкому у неё была пятёрка, да и отец иногда говорил с ней на идиш – очень похоже на немецкий.

– Нужно посмотреть в этом сарае.

– Иди смотри сам, я тут покурю.

В проёме двери стало темно, фигура немца закрыла свет. Он сделал два шага вовнутрь и увидел белые от ужаса глаза непонятого существа – девчонка, вся в стружьях, грязная, страшная, тощая как скелет, в каких-то лохмотьях, с колтуном слипшихся волос непонятого цвета. Он направил на неё автомат и почему-то очень тихо спросил:

– Юде?

Она равнодушно кивнула. Всё равно. Это была смерть... Солдат был пожилой, с рыжими, уже поседевшими усами. Он секунду подумал, вздохнул, сунул руку в карман (она не шелохнулась) и вытащил кусок чёрного хлеба и маленькую пачку галет. Бросив всё это заморышу, вышел из сарая и сказал напарнику:

– Тут никого нет, одна солома.

Люба услышала эти слова как далёкий отзвук,

сквозь шум в ушах. Она только смотрела на хлеб и не могла поверить, что живая и что перед ней еда... Целый день она просидела в соломе, жуя и не двигаясь, и только когда стемнело, пошла к ближайшему ручью напиться. Переночевала тут же, в сарае и снова углубилась в лес.

Голод... Голод выжимает жизнь из тела, угнетает душу, кружит голову, рождает безразличие и покорность, уничтожает мысль...

Ветер подвывал в зарослях, запутавшись в ветвях всеми своими космами. Что-то подозревать девочка стала, когда наткнулась в лесу на знакомый огромный выворотень. Дерево упало очень давно, толстое и полусгнившее, косматые корни смотрели в небо, и в этой яме она уже когда-то ночевала! Вот и слой веток и листьев, которыми она тогда выстелила своё убежище! А вот и брошенная ещё тогда пустая котомка! Люба схватила её и с отвращением отбросила в сторону: это же тётки Настина котомка, той самой тётки, которая выгнала её из дома, предала её! Значит, она снова, по кругу, возвращается в это проклятое село? Нет, ни за что! Только не это...

Утром Люба повернула в сторону болота, но опять испугалась: она вышла на большую поляну, от неё шла узкая колея дороги. Явно лесосека: дорогу прорубали в чаще. На поляне было несколько свежих пней, валялись срубленные ветки. Ой, а вот кострище! Костёр уже погас и даже не дымился, но в золе валяется большая недоеденная картофелина и целая луковица!

Догрызая всё это богатство, девочка набрела в конце вырубki на гать. Неширокая, в два брёвнышка, она через болото привела к одинокому хуторку. В самой чаще! Как будто избушка на курьих ножках:

настил пола приподнят на старых стволах. Окошко без стекла заткнуто какой-то тряпкой, покосившееся крылечко и – чудо! – привязанная к кусту коза!

***

День уже заканчивался, стало быстро темнеть. Любе было очень страшно, но она всё-таки поднялась на крыльцо и толкнула дверь. Коза повернула к ней голову и громко мекнула. Дверь была заперта, но тут послышался скрежет засова, и в распахнувшейся двери появилась маленькая высохшая старушка.

– Люба? – удивилась она. – Живая! Боже, на кого ты похожа? Откуда ты взялась?

Девочка узнала её. Бабка Марьяна, знахарка, жила в десяти километрах от села, в глухом хуторе, и в село ходила обычно раз в неделю за хлебом и спичками. Но это было до войны.

– Бабушка Марьяна, спрячьте меня! Меня хотят убить! – заплакала Люба. Старуха пожевала губами, оглянулась вокруг и за руку быстро затащила девочку в избушку.

– Горе ты моё луковое! А как найдут тебя у меня?

– Тогда я лучше утоплюсь в болоте. У меня больше нет сил...

– Ты из села тогда сразу ушла? Да ведь уже больше месяца прошло! Где же ты скиталась?

– Я пряталась. А, вообще, я хотела пойти к маме в Ленинград.

– С ума сошла. Там же везде война. Только в болоте и спокойно. И двести километров тебе не пройти. Знаешь что? Побудешь у меня пока.

– А если найдут?

– Да у меня, почитай, никого и не бывает. Так, изредка бабы заглядывают. Когда Манька мекнула, я

думала, кто-то из них. Манька у меня вместо сторожа. Собак-то фашисты убивают сразу. Ладно, если что – сообразим. А сейчас я воды нагрее, вымоешься, тюри поешь, а там будем думать.

Отмывая девочку в бадье, старуха молчала и думала. Потом дала ей чистую холщовую рубаху, серую и длинную, усадила за стол. Сделала ей немного мучной болтушки. Достала из сундука огромные скрипучие ножницы.

– Вот что. Волосья я тебе остригу, неча вшей кормить.

Стригла не очень ровно, зато коротко. Вынесла ведро с целой кучей запутанных волос. В осколке зеркала на бревенчатой стене Люба увидела незнакомого худощеого мальчишку с неровным ёжиком и короткой чёлкой. Уши торчат, скулы выпирают, кожа лица серая.

Через несколько дней бабка Марьяна велела Любе надеть на рубаху свою старую кацавейку, длинную юбку, порыжевшую и заплатавшую, на ноги лапти (немножко драные, ну да ничего), замотала ей голову белым платком, скрыв даже брови.

– Сейчас мы с тобой пойдём к батюшке.

– К какому... батюшке?

– К отцу Никодиму. Крестить тебя будем. Имя возьмёшь другое, а своё пока забудь. Аксиньей будешь, ясно?

Отец Никодим при церквушке находился в другом селе, до него добирались два дня, с ночёвкой в лесу. Длинный и худой, с тоскливым взглядом выцветших глаз, он выслушал без всякого интереса о внучатой племяннице Аксюше, по нерадению родителей ещё некрещённой, принял от бабки литровый жбан козьего молока и провёл обряд.

– Да, – спохватилась Марьяна, – крестик-то выбери самый большой из всех, чтобы издали был заметен!

– Да зачем тебе большой? Не попадье выбираешь. Девочки обычно маленькие берут.

– Ты меня слушай и не возражай. Чай, не младенец она. Говорю большой, значит, большой.

– Больших серебряных у меня нет, только медные.

– Вот и ладно, пускай будет медный.

Когда уже шли обратно, бабка хихикнула:

– Пусть только попробуют, Аксиньюшка, принять тебя за жидовку. Крест под нос суну, а то и по носу получают. – И прибавила несколько крепких словечек.

Люба прожила у бабки Марьяны всю войну.

– Зря хлеб есть не будешь, – сразу предупредила знахарка.

Люба стала учиться разбираться в травах. Бабка наставляла и велела записывать:

– Сама-то я пока всё помню, да стара уж, вдруг чего и забуду. А ты грамотная, всё пиши, – и вынула из сундука большую тетрадь, из тех, что называли «амбарными книгами». Люба послушно записывала, когда, как и где собирать травы, от каких они недугов, как хранить, как и что принимать.

Еда была самая простая – изредка хлеб, иногда лепёшки, лук и морковь росли на грядке у избы, в лесу грибы и ягоды, орехи. И рыба в ручье, мелкая, правда. Постепенно забылось острое ощущение голода и страха. На полянках в лесу рос щавель и медвежий лук. В орешнике собрали на зиму целый большой мешок орехов, ведро яблок-кислиц на взвар. После дождей находили свежие грибы-дождевики, большие и упругие, они особенно вкусны тушёные с луком. Коза Манька привыкла к девочке и позволяла себя доить.

Изредка к бабке заходили женщины из окрестных сёл. Люба отсиживалась в погребке. К концу войны ей уже было пятнадцать лет. Она вытянулась и окрепла, но оставалась такой же молчаливой, худой и серьёзной.

***

Она не ушла от Марьяны в 1944 году, когда Псковская область была освобождена от оккупантов – бабка стала родной, а другие люди её пугали. О Победе они узнали не сразу, только в конце мая 1945 года кто-то из сельчан зашел к бабке за какими-то травами и рассказал:

– Победа! Война закончилась!

Зашедшая женщина Любу не знала и внимания на неё не обратила. Вот тогда девочка и сказала Марьяне:

– Уйду я от вас. Буду добираться к родителям, если они живы, конечно.

– С Богом, Аксиньюшка... Ой, Любушка. Вишь, я молилась за тебя, и ты выжила.

– Я всегда вам буду благодарна, всю жизнь, – обняла девочка старуху. – Может, когда и приеду. Посмотрим, как сложится.

– Ты совсем взрослая уже, – вздохнула знахарка. – Не скажешь, что только пятнадцать лет.

Конечно, не было уже той восторженной довоенной девочки. Замкнутая и молчаливая, она выглядела старше своих лет. Длинная коричневая юбка, перешитая из старой занавески, серая рубашка и суконная безрукавка делали её фигуру бесформенной. Отросшие волосы она прятала под низко надвинутым платком. Заветренная за четыре года кожа лица стала тёмной, так же как и руки.

– Будешь собираться, тетрадку свою не забудь. Большая ценность в ней! – напомнила Марьяна.

3. ЗИМА 1941-1942

Открывая двери в промёрзшую квартиру, Мария привычно передёрнулась. Некогда огромная директорская квартира сейчас была почти нежилой. Три дальних комнаты были заперты, их окна заклеены бумагой крест-накрест и закрыты чёрными шторами – это кабинеты Иосифа и Марии и их спальня. Иосиф теперь так и живёт на заводе, в его директорском кабинете в углу стоит узкая солдатская койка. Раз в неделю он заезжает домой ненадолго – увидеться с женой, передать ей немного продуктов и сменить бельё. Мария с Глашей вдвоём живут в Глашиной комнате – она отапливается от кухни, а центральное отопление давно не работает. Кухонная плита потребляет только дрова, потому что угля тоже давно уже нет. С самого начала войны Иосиф перешёл на казарменное положение. Школа, где работала Мария, закрыта, дети эвакуированы, а она осталась.

– Может, ты всё-таки уедешь? – с надеждой спрашивал муж. Она решительно отказывалась:

– А если Любочка появится?

Они долго пытались прорваться к дочке. Фронт сжимался и сжимался. Первый налёт авиации на Ленинград начался 8 сентября в 18.50. Со стороны Колпино зашли 29 немецких самолётов – так передали потом по радио. Над Ижорским заводом десять из них, атакованные нашими истребителями, повернули обратно, шесть разлетелись в разные

стороны, а тринадцать прорвались в черту города. Они сбросили шесть с половиной тысяч зажигательных бомб, вызвавших около двухсот пожаров. Для потрясённого города это было очень много, для немецкой авиации – до обидного мало. Они ожидали большего.

Глаша с первых дней, как и все здоровые ленинградцы, попала «на окопы», пропадала там целыми днями. Противотанковые рвы протянулись теперь почти рядом, почти в городе: за Фарфоровым постом, около Сортировочной, почти рядом с Дворцом Советов. Даже Обводной канал был превращён в огромный защитный ров. Случалось, что «окопники» не возвращались на ночь домой, а ночевали в каких-то сараях на окраинах, копали на покинутых огородах картошку и брюкву, варили их и ели без хлеба и соли. Глаша появлялась дома не каждый день, голодная и грязная, а когда началась блокада, пошла на завод. Короткие курсы – и она освоила сверлильный станок. Рабочие-мужчины были в ополчении или в регулярной армии. За станками только и были, что женщины и подростки, да еще старики-пенсионеры, вернувшиеся на свои рабочие места.

-Мария тоже стала работать на заводе – чернорабочей. После каждой бомбёжки приходилось разгребать завалы, спасая людей и станки. От лопаты и носилок болели руки, плечи и спина, но она молчала. Не расстраивать же из-за этого мужа. Всем тяжело.

Глаша им рассказала, как всё начиналось. Пока они были у дочки, в ночь на 22 июня в Ленинграде слышалась далёкая стрельба, в светлом небе белой ночи вспыхивали непонятные сполохи с перебежками коротких молний, затем частый грохот: как говорили те, кто близко жили – это одна за другой вступали в

общий хор зенитные батареи. Потом из сообщений по радио они узнали, что город бомбили планомерно. Уже позже, на совещании в горкоме Иосиф узнал, что немцы намеревались вступить в Ленинград 2 августа через южные предместья, через городок Кукернесс – небольшой, расположенный на берегу моря, рядом с границей СССР.

Ленинградские заводы сразу же были переведены на военное положение: завод сельхозмашин им. Марселя Кашена, где директором был друг Иосифа, Григорий Федченко, стал выпускать детали пулемётов и автоматов. Завод, которым руководил Иосиф, освоил патроны к автоматам и противотанковые снаряды. Помимо основной работы, надо было создавать ПВО, налаживать пожарную охрану цехов и аварийную службу. Первыми это сделали заводы Кировский, Большевик, Треугольник, нельзя было отставать от них.

На Набережной засыпали Медного Всадника песком, сфинксов забили в деревянные ящики. На Кленовой улице от Петра остался только розовый пьедестал. Клодтовские кони куда-то делись с Аничкового моста. С каждым днём напряжение усиливалось. План всё добавляли, а рабочих было всё меньше – мужчин призывали, раненые выбывали после бомбёжек, план выполняли подростки и пенсионерки-домохозяйки. Фронт требовал оружия и боеприпасов. Ремонтные цеха были завалены раненой техникой. Её привозили уже со 145-го километра, расположенного между блокпостом и полустанком Фандерфлит Варшавской железной дороги, в двенадцати километрах от Луги.

21 августа в газете «Ленинградская правда» было напечатано обращение к трудящимся: «Над нашим

городом, родным и любимым, нависла непосредственная угроза...» Штурм Ленинграда закончился 25 сентября. В октябре началась осада города. БЛОКАДА. В ноябре, когда наступили жестокие морозы, хлебные пайки уменьшились до 125 граммов для неработающих. После пожара на Бадаевских складах – чего ещё можно было ждать? ГОЛОД...

А ведь были ещё тысячи детей, которые дожидались эвакуации, располагаясь в детских домах на северо-востоке города – там было безопаснее.

Весной 1942 года Ленинград стал более оживлённым. Заработала ледовая «Дорога жизни» на Ладоге – ценой огромных жертв и неимоверного труда в город доставлялось продовольствие. Пайки были увеличены. Кроме того, на площади у гостиницы «Астория», у «Медного Всадника», да и во всех более-менее подходящих местах появились огороды – морковь, петрушка, лук, капуста...

В 1943 году с питанием было уже немного легче, но город продолжал страдать от артобстрелов. Не сумев заставить город сдаться, фашисты хотели просто сровнять его с землёй.

Советские войска прорвали блокаду. Фашистов отогнали от города. Почти три года страшных испытаний, но город выжил. Полгорода погибших – от бомбёжек, от голода и холода – и всё-таки отремонтировались дороги, отстраивались здания, был пущен трамвай. Тысячи спасённых дистрофиков осторожно откармливали в больницах и госпиталях.

После той страшной сводки Совинформбюро, в которой называли среди сожжённых немцами сёл и то село, в котором оставалась Люба, Мария и Иосиф долго не могли опомниться.

– Со всеми жителями, – потерянно повторяла Мария страшные слова.

И Иосиф, сам страдавший, не знал, как успокоить жену. Это было в конце 1943 года.

Только после Победы Иосиф сказал жене:

– Маша, мы так оба сойдём с ума. Раз уж мы пережили такую войну и остались живы, тебе надо родить.

– Ося, я не могу. У меня сил нет... И потом, никто не заменит нам Любочку.

– Конечно, не заменит. Но это будет живой человек. Любочка всё равно останется в нашем сердце. А тебя будем откармливать. Я узнавал у Натальи Борисовны, это наш заводской гинеколог. Она сказала, что дистрофии у тебя не было, значит, сможешь выносить и родить ребёнка. Попробуем, дорогая? Пока мы ещё достаточно молоды...

– Неудобно как-то. Мне уже сорок один год.

– А мне сорок пять. Но это ещё не конец жизни. А жить так, как сейчас, как в омуте, тебе удобно?

В 1946 году родилась дочка.

– Назовём Любочкой? – неуверенно спросила мужа Мария.

– Нет, это будет нехорошо. Знаешь что, давай в честь Любочки, только немножко по-другому.

– Лидочкой! – воскликнула Мария.

4. 1947

Однажды позвонили в дверь. Сначала Мария не отреагировала. Годовалая Лидочка капризничала, у неё лезли зубки, пришлось с полдня забрать её из яслей. Девочка плакала и грызла кулачки, у неё поднялась температура. Звонок снова мяукнул.

Взяв ребёнка на руки, Мария вышла в прихожую.

Двигалась она тяжело, опухшие в блокаду ноги медленно восстанавливались, да после тяжёлой беременности вздулись вены. Открыв дверь, она с удивлением смотрела на высокую тощую девушку с тёмным, мрачным и испуганным лицом, лет 16-17, прижимавшую к груди какой-то узелок. Кого-то её лицо определённо напоминало.

– Вы к кому?

Девушка, казалось, с трудом разомкнула губы:

– Мама? – неуверенно спросила она.

Постаревшая, отяжелевшая женщина с седыми волосами мало напоминала прежнюю Марию.

– Господи, Любочка! – ахнула мать и без сил прислонилась к стене. – Живая! Моя доченька, какая же ты стала... – казалось, она сейчас потеряет сознание. Люба выхватила из её ослабевших рук малышку, уронив на паркет свой узелок.

Потом они сидели в кухне за столом. Мать теперь хозяйничала сама, домработницы у них не было. Глаша осталась работать на заводе, на станке. Обещали прислать кого-нибудь, когда опять деревенские потянутся в город, но пока это было нереально. Мария поставила на стол, что было – картошку, колбасу и солёные огурцы, нарезала хлеб, налила чай. Довоенная ещё печка, подмазанная с двух обвалившихся углов, сейчас не топилась – сентябрь был тёплым. Чайник кипел на керосинке.

– Значит, вы меня похоронили, – внешне спокойно заметила Люба, но голос её дрогнул.

– А что мы могли подумать, если в сводке Совинформбюро сказали, что ваше село сожгли вместе со всеми жителями?

– Значит, сожгли уже после того, как я оттуда сбежала, – задумчиво произнесла Люба, помешивая

ложечкой в стакане. – Интересно, с чего бы это? Местные сразу выдали всех коммунистов и евреев, а из евреев была только я. А бабка Марьяна мне ничего не сказала.

Мать ахнула.

– Хотя... могли сжечь уже при отступлении. А я сбежала сразу же, как только они себя показали. Да не сама ушла – это Глашина мать меня выгнала, собака... Всё равно, значит, это её не спасло!

– Как это – выгнала?

– Сказала: иди, куда глаза глядят, мне из-за тебя умирать не хочется. А то, говорит, и тебя убьют, и меня, и Зойку.

– В общем-то, правильно сказала, – подумав, ответила Мария. – И убили бы. Так и выгнала?

– Нет, – неохотно призналась Люба, – одежду и еду дала... Сказала: попробуй пробраться к родителям. Ма, это она городскую девчонку выгнала в лес, неприспособленную!

– Давай будем справедливыми, – строго сказала Мария и даже выпрямилась. – Она тебе этим жизнь спасла.

– Да-а... И всю войну я в болотах пряталась, спасибо бабке Марьяне, что подобрала и выходила. А то бы зимой волки съели, они часто выли у самой избушки. Они, знаешь, как зимой обнаглели? Хуже фашистов. Мы козу Маньку всю зиму в избе держали.

Люба посмотрела на младшую сестричку. Та увлечённо грызла сухарик, подмурлыкивая от удовольствия. Перемазанная крошками мордашка сияла. Мария перехватила её взгляд:

– Лидочка родилась в сорок шестом... Иначе мы с отцом просто бы с ума сошли. Сейчас у неё зубки идут, поэтому она беспокойная. А так – беспроблемная,

совсем как ты в её возрасте, – Мария бледно улыбнулась. – Так что я снова работаю, только завучем. Понимаешь, предметник постоянно на больничном – это не годится... А школы теперь отдельные, – оживилась она. – Я в женской школе. Представляешь – одни девочки! Ну, это потом. Любочка, ты лучше расскажи, как домой добралась.

– Просидела. Чего им рассказываешь – не верят. Уже в тюрьме справку выдали, вроде как временное удостоверение личности. Да ещё написали, мол, данные с моих слов. Хотя звонили в ленинградское отделение милиции, им подтвердили.

– Да, к нам заходил участковый, расспрашивал. Мы всё рассказали, а у отца в тот вечер сердечный приступ случился. Всю ночь спасали.

Люба рассказала про неразбериху в недавно освобождённых районах, про унижительные проверки и обидные подозрения: мол, всю войну прожила в оккупированной зоне, надо ещё проверить, не засланная ли шпионка, а лучше всего, на всякий случай – к стенке, и никаких проблем.

– Да мне к началу оккупации ещё одиннадцати лет не было! – кричала она с бессильными слезами в кабинете следователя. – Родители-то в Ленинграде остались, я брошенная была!

– В крайнем случае, если не врешь, в детский дом и направим.

Тут вмешался второй военный, до того молча куривший у окна, поодаль от стола.

– Какой детский дом! Девке уже шестнадцать. Они своих с пятнадцати по ФЗУ распахивают. Вот и надо её в ФЗУ определить.

– Не надо меня куда определять, дайте добрать-

ся до мамы с папой! – умоляла Люба. – Они даже не знают, что я живая. И моя метрика у них.

– Верно, – подтвердил второй, – если метрика действительно есть, по ней и паспорт получит. – И повернулся к первому: – Подержи её недельку в предвариловке, а пока свяжемся с Ленинградом, проверим. А ну-ка, повтори адрес и телефон родителей...

Они с матерью проговорили долго, и Мария как воочию видела: провела Люба неделю в тюрьме, в камере, набитой самыми разными женщинами, от подростков до старух. Зато кормили два раза в день, и работа была несложная – в швейном цехе шили брезентовые рабочие рукавицы и робы. Только тоска в глазах девушки не проходила, а её молчаливость пугала сокамерниц. Ни с кем первой она не заговаривала, на вопросы отвечала односложно, если вообще отвечала. О себе ничего никогда не рассказывала – остальные в камере болтали не переставая. А было их там десятка полтора – шум, духота, то хохот, то ругань. И драки бывали. Но к молчаливой девушке с дикими тоскливыми глазами старались не приближаться. Был опыт: в первый же день разбитая Феклуша, круглая и румяная, сладко подкатилась было к новенькой:

– А что это у нас девонька бесхозная мается? Иди ко мне, деточка, я тебя утешу!

На что дикарка молча ткнула ей растопыренной пятернёй в лицо, едва не выколол глаз. Феклуша взвизгнула:

– Ой, бабоньки, чуть глаза не лишила! – она закрыла обеими руками лицо, из царапин проступила кровь, а ушибленный глаз сразу заплыл.

Так же молча Люба притянула её к себе за лацканы рубы – взгляд её был страшен – и оттолкнула с силой, которой от неё никто не ожидал. Феклуша повалилась на свои нары, больно ударившись об угол.

Люба оглянулась – остальные, опешив, смотрели на по-прежнему молчащую девушку. Все эти женщины, независимо от возраста, могли за себя постоять, но сейчас на них никто не нападал, даже словом. Хотя они видели эту дикую кошку с непонятно яростным взглядом тёмных глаз, с аккуратным белым платочком на коротких чёрных кудрях – в это время они готовились идти на смену в цех.

– Понятно, – сказала старшая по камере, пожилая Анна. – Не трогайте её, бабоньки. Вишь, что война с девкой сделала... Не в себе она. Искалечит, а отвечать не будет. Признают помешанной.

А Люба в это время думала: как хорошо было в лесу у бабки Марьяны, тихо, а главное – без людей, которые её ненавидят за то, что еврейка... Оказывается, она сильная – вон какую бабёху без труда уложила! Четырёхлетняя лесная жизнь пошла на пользу. А люди – хоть бы и не видеть их! Всё равно она всем чужая. И любая из этих женщин, с их невольно жалостливыми взглядами, любая была бы рада, если бы её убили. Ох, скорее бы добраться до мамы с папой – шесть лет она их не видела!

– Позвоню отцу на работу, – сказала Мария, передавая Лидочку Любе. – Пусть придёт пораньше. Знаешь, дочка, папа так тяжело войну перенёс, у него теперь большое сердце, ему волноваться нельзя.

Люба осталась на кухне. Лидочка вертелась у неё на коленях, трогала пуговицы платья, что-то лепетала. Девушка никак не могла свыкнуться с мыслью,

что у неё есть младшая сестра. Она ведь всегда была единственной! Мать вернулась из гостиной:

– Предупредила. – Мария опять обняла дочку. Ей вообще не хотелось отнимать от неё руки, хотелось чувствовать всё время. – Никак не могу поверить, что до тебя можно дотронуться. Моя маленькая...

– Ну, не такая уж маленькая. Больше Лиды.

– Прости, мне ещё привыкнуть надо. Идём, твоя комната стоит нетронутая, ждёт тебя. Сейчас всё приготовлю. Пообедаем, когда отец придёт.

***

Вроде бы всё постепенно уладилось. И паспорт Люба получила, и прописку. И в школу пошла – ей надо было пропущенные шесть лет догонять, поэтому пошла в пятый класс вечерней школы, а днём работала нянечкой в ближайшей больнице. В 1947 году многие так делали – кто в эвакуации оказался без школы, кто в оккупации... Уставала страшно, но не жаловалась. И в 1950 году сдала экзамены на аттестат зрелости, за три года одолев шестилетний курс по всем предметам! Иногда ей казалось, что голова разломится от перенапряжения.

И всё бы хорошо, но... что-то было не так. Ей казалось, что родители очень уж привязаны к младшей дочке, отодвинув старшую в сторону. То ли, пережив предполагаемую гибель дочери, смирились с этим, то ли маленькая беззащитная Лида была им ближе, то ли не сумели во взрослой дочери принять то, что отличало её от довоенной весёлой Любочки – настороженность, замкнутость, нежелание делиться своими проблемами. На несмелые предложения помощи она обычно отвечала: «Спасибо, я справлюсь сама».

Только Лидочка, вся в мать, беленькая и голубоглазая, весёлая и щебечущая, занимала всё внимание родителей и не замечала растущей напряжённости в семье. В детском саду она пела и танцевала лучше всех в группе, и уже было решено, что в пять лет её отдадут или в детский балет, или в музыкальную школу. Люба чувствовала себя чужой. Выходов было два: или уехать куда-нибудь работать, или поступить в институт и жить в общежитии.

До войны самым страшным пунктом в анкете для поступающих был шестой: социальное происхождение. Не дай Бог, если из дворян, царских военных или священнослужителей! Ещё ничего, если из технической интеллигенции, дети инженеров, строителей, врачей...

Теперь же самым страшным пунктом стал пятый – национальность. Этот пункт Любу просто пугал. Оказалось, что русская мама в счёт не берётся, а вот папа еврей, хоть и директор завода, хоть и награды за время блокады... Во многие институты евреев уже не брали, согласно указу Сталина. А на юридический ещё брали, хотя Люба предпочла бы медицинский: в больнице ей понравилось работать, и опыт уже был – толковая нянечка уже подменяла санитарку в процедурном кабинете.

Ну, что же, пусть будет юридический. Всё равно, на первом курсе латынь, которая и в медицине нужна, и другие общие предметы, которые тоже пригодятся.

Учиться было интересно и не очень трудно. Девушек было больше, чем парней. И пришедшие с фронта, и подросшие в тылу парни предпочитали технические ВУЗы. Поэтому Люба сразу заметила Гришу – высокого и худющего, с буйной шевелюрой иссиня-чёрных волос и непропорционально огромны-

ми чёрными глазами. Они подружились. После демобилизации Гриша, как и многие, донашивал гимнастёрку, шинель и сапоги – только брюки были штатские. Всё поношенное и потёртое, но всегда чистое и отутюженное, сапоги начищены, подворотничок белоснежный. Сам не красавец, но приятный, умный, начитанный, вежливый.

– Ты всегда такой наутюженный, – как-то заметила Люба, – мама старается?

– Один я, – коротко ответил Гриша и помрачнел. – Мы до войны на Украине жили.

Люба кивнула: всё понятно. Один он из семьи и выжил, потому что был на фронте. С Гришей вообще было легко и удобно – он не балагурил, не навязывался. Хороший друг. Надёжный. Но когда он через полгода сделал ей предложение, Люба отказалась:

– Я тебя ценю как друга, – сказала она напрямик. – Но у нас нет будущего. Ты не был в оккупации и не понимаешь: нельзя быть евреем. Все ненавидят и все готовы убить. Я не хочу, чтобы моих детей убивали. Значит, их не должно быть.

– Но ведь войны больше не будет! А в мирное время...

– В мирное время то же самое! – яростно подняла она голос. – Люди те же! Я даже не смогла поступить туда, куда хотела.

– Бедная ты моя, – помолчав, ответил Гриша. – Как же тебя война стукнула. Можно сказать, искалечила...

Больше они к этой теме не возвращались. А сдав летнюю сессию, Люба перевелась в Первый медицинский. Учитывая сданную на «отлично» сессию и опыт работы по специальности, её приняли сразу, но опять на первый курс. В медицинском нельзя было иначе.

5. 1951

Новый институт, новые знакомые. Новые предметы, да ещё «анатомичка». Кстати, Люба переносила анатомичку легче, чем другие девушки. Это были просто трупы – умершие, а не повешенные и не замученные. Друзей нет. Люба уже оттаивала, не чуралась компании, но была всё ещё очень сдержанной. На шутку уже и улыбнуться могла, но её смеха, а тем более хохота, представить себе было невозможно. Парень из их группы, весёлый и разбитной Бату Кануков особенно старался рассмешить Любу. Вначале она даже сердилась:

– Шут гороховый, ты к чему-нибудь можешь отнестись серьёзно?

– Не могу, Любаша! Хватит, что ты у нас в группе серьёзная за всех. Перестань дуться и пошли на третий этаж.

На третьем этаже общежития жили мальчики. Сегодня отмечали день рождения Володи Кромкина. В комнату набилось столько народу, что нечем было дышать. Стол задвинули в угол, бутерброды с колбасой, сыром и солёными огурцами лежали пирамидой на газете. Бутылки водки и вина занимали чуть не полстола и их окружали разномастные стаканы и алюминиевые кружки. У дверей на табурете пристроился патефон, а на полу в ящике – пластинки. Именинника поздравили на славу. Правда, напились больше, чем наелись. Попробуйте накормить группу вечно голодных студентов! Зато натапцевались, напелись и нахохотались в полное удовольствие. Бату в очень «весёлом» состоянии уже в коридоре, провожая Любу, облапил

её, прижал к стене и впился губами в её губы. Вернее, только попытался...

– Убери руки, – тихо приказала, резко отстраняясь, девушка, и Бату тут же получил такой удар в диафрагму, что задохнулся.

Он долго пытался вдохнуть, корчась в полусогнутом положении, потом начал ругаться. Люба спокойно стояла и ждала. Отдышавшись, Бату прошипел:

– Дура, я же люблю тебя, а ты дерёшься!

– Что, слов не нашёл, лизаться полез?

– Фу ты, ненормальная! Уже и поцеловать нельзя! Недотрога! – как ругательство выплюнул.

– Тогда иди к Нинке. Она у нас «дотрога». И уже опять дотрогалась.

– Ничего, очередной аборт сделает, успокоится на месяц-другой.

– А я так не хочу. Ты бы лучше сначала поинтересовался, люблю ли я тебя.

– Интересно, чем же я тебе не хорош?

– А чем хорош? Ладно, хватит, я спать хочу. Завтра первая пара – коллоквиум. Вот кстати: если опять проспишь первую пару, про свою неземную любовь можешь и не заикаться. Мне недоучка не нужен.

Она ушла, а Бату ещё долго стоял, почёсывая голову и трезвея. Хороша девчонка – и мордашка, и копна чёрных кудрей, и фигурка... Только что это она себе вбила в умную головку – целоваться не желает? Недотрога...

Студенты их группы относились к Бату по-разному. Девочкам нравился его весёлый и открытый нрав, лёгкость в обращении. Парни именно за это же недолюбливали его, тем более что перед ними Бату постоянно задирает нос. Юра Пилотников, коренной

ленинградец и сын профессора с кафедры хирургии, пытался если не осадить, то хотя бы унижить спесивого калмыка:

– Держись потише, ты здесь не самый умный, да ещё нацмен!

– Нету такой национальности – нацмен! – кричал в ответ Бату. – Не в Америке живёшь, а я тебе не негр! Мы тут все равны. Вас, русских, больше, но мы не хуже!

– Нет, ну правда, – вмешался флегматичный Михай из Кишинёва, – мы хотя бы европейцы, а ты, извини, азиат. Вроде бы, сортом пониже...

– Дурак, когда твои предки ещё по деревьям в носу ковыряли, мои астрономией занимались. Что ты понимаешь в этом! – высокомерно ответил Бату. – Обо мне сам Пушкин писал!

– Ты что, с ним лично знаком был? – хихикнул Михай.

– Невежа! Твоих молдаван он и не вспомнил, а про меня написал «друг степей калмык».

– Не кипятись, Борис, – примирительно обнял его за плечи Володя Кромкин. – Ты прав, все народы хороши. Всё от самого человека зависит, и национальность не имеет значения.

– Какой я тебе Борис? – вскинулся Бату. – Ты мне клички не сочиняй, у меня своё имя есть. Твой Борис ещё неизвестно, что означает, может, гадость какую-нибудь, а имя Бату значит «крепкий», и я его менять не собираюсь ни на какую кличку.

Володя завёлся и с утра побежал в институтскую читалку. А после лекций торжественно, при всех вручил Бату тетрадный листок:

– Вот, читай вслух!

– Борис, – прочёл Бату и поднял брови. – По-

старославянски «лесной, крепкий», по-арабски «видный», по-персидски «наследник, деловой, цепкий».

– Ну что? Хватит с тебя?

Бату запустил обе пятерни в свою жёсткую, как проволока, шевелюру.

– Ух ты, получается, что это одно и то же имя? Вот это да! Значит, я на любом языке выше тебя!

– Ну да, – обиделся Володя, – это я, Владимир, всем миром владею. Вот так, наследничек!

Голова у Бату всё же варила. Почувствовав, что уговорить Любашу на лёгкую, ни к чему не обязывающую связь ему не удастся, он начал ухаживать по-настоящему. Его будто подменили: в компании пьёт, но не напивается как раньше, язык придерживает – прямо хоть вместо масла на хлеб мажь! Даже учиться старательнее стал.

К летней сессии они уже готовились вдвоём. Любе не к чему было придраться: когда Бату не ленился, он был толковым парнем. Его горячие чёрные глаза даже кружили Любе голову, но усилием воли она запретила себе даже думать об этом, пока не сдаст сессию.

Но вот экзамены позади, уже всей группой отметили переход на второй курс, и разъехались студенты кто куда на каникулы.

– Любаша, ты в Ленинграде остаёшься?

– Придётся. Мне ехать некуда, буду весь июль по музеям шататься.

– Поехали со мной, – уговаривал Бату. – Увидишь, как у нас в Элисте красиво. С родителями познакомлю.

– Ты что, всерьёз решил на мне жениться?

– А ты думаешь, я шучу? – обиделся он. – Я тебя

за это время ещё сильнее полюбил, а ты всё не веришь.

Люба не была уверена, что действительно любит Бату, но двадцать два года – уже возраст, из их группы уже две девушки вышли замуж, а Бату всё же привлекательный парень. И она согласилась. В ЗАГСе их расписали, а свадьбу решили отложить до удобного случая.

Перед отъездом девушка позвонила своим родителям. У них установились сдержанно родственные отношения: как здоровье, как учёба, какие планы, не нужно ли чем-нибудь помочь... Спасибо, не нужно, я справляюсь... Сообщила, что на июль приглашена в гости к однокурснику, а на август намечена практика в больнице. Да, сессия прошла на «отлично»... Про замужество рассказать она просто забыла.

***

Город Степной встретил жарой, пылью и гарью. Бывшая Элиста, столица Калмыцкой АССР, теперь переименованная, входила в состав Астраханской области. Но местные жители продолжали называть её по-старому и считать не районным центром, а столицей.

Расформированная республика, раздёрганная по двум соседним областям, отстраивалась после войны. Город Степной, разрушенный почти полностью, произвёл на Любу угнетающее впечатление. Центр города выглядел замусоренной стройплощадкой, довольно бестолковой. Что уж говорить о людях – пятьдесят второй год, а они оборванные, яростно набросившиеся на восстановление бывшего красавца города, а сами выглядят подавленно.

Только к вечеру молодая пара, уставшая до предела, с тощими чемоданчиками добралась до дальней окраины, где жила семья Кануковых. Времянка, в которой уютилась вся семья, шесть человек, стояла в углу просторного двора, у глиняного дувала, который был сооружён в первую очередь, огородив владение. Котлован под будущий дом-пятитененок был почти готов, там работали мужчины, выкладывая стены будущих просторных погребов.

Расцеловав у калитки сына и невестку, мать Бату, статная красавица Нюдля (Люба опешила, услышав это имя, Бату прошептал: в переводе – красивые глаза) метнулась к котловану. Мужчины бросили работу и вылезли наверх, чтобы поставить шалаш для молодых. Мать стала накрывать большой стол посреди двора.

За ужином Люба познакомилась с Гунгом, отцом Бату. Это был добродушный и медлительный, основательный инженер строительного управления. Его брат, суетливый и быстрый в движениях и речи Гюзян, бывший партизан, а теперь каменщик, разговаривал очень громко – в войну при взрыве повредило барабанную перепонку, и одним ухом он не слышал. Его руки, тёмные и жёсткие ладони были покрыты незаживающими ссадинами.

– Гюзян, похвастайся новой родственнице своими наградами! – крикнула с другого конца стола его жена Замира.

Люба вначале удивилась её правильной русской речи, даже почти без акцента, а потом узнала, что Замира – учительница русского языка и литературы, училась в Москве. Невысокая и изящная, она обладала поистине командирским голосом, а бывший партизан Гюзян слушался её во всём.

– Какие там награды, – смущённо сказал он, – две медали, и те чуть не отобрали, когда у нас тут разбирались, кто воевал, а кто продавал... Хорошо, что в нашем отряде меня уважали. Отбили. Я ведь подрывник. Вы не смотрите, что я вечно тороплюсь – когда надо, работаю медленно и осторожно. Да что вспоминать! – тряхнул он головой и поднял кружку: – Давайте лучше поздравим молодых!

Уплетая вкуснейшую багламу и поглядывая на Гюзяна, Люба удивилась:

– Как же вы тут партизанили? Спрятаться негде – ни лесов, ни болот, ни оврагов. Голо и плоско, как на тарелке.

– Настоящий калмык, сын степи, всегда сумеет раствориться в ней. Наш командир Гермашев учил нас: притворись былинкой, превратись в перекаати-поле, а обмани врага. Умный человек... был.

– Погиб?

Гюзян помолчал, потом неохотно сказал:

– Не на празднике будь сказано, бой у нас получился неравный. В отряде было сто человек, да к этому бою осталось не больше семидесяти. А их, вместе с полицейскими и румынами было около трёхсот. Мы двое суток отбивались, это в Бага-Буруме было, в ноябре сорок второго... да, перед самыми праздниками. Ну что рассказывать, в конце концов, нас окружили. К тому времени нас и оставалось-то человек пятнадцать, не больше, да из них половина раненых. Мы в плен попали вместе с командиром. А через пару дней наши подпольщики нас и отбили. Только командир долго не прожил. Он раненный был, и ещё его избили сильно, всё отбили. Вот и умер. А комиссара ещё раньше в самом бою убили. Хороший человек был, коммунист, знаменитый чабан Адучиев.

Медаль у него была довоенная, в Москве на ВДНХ дали.

Народу за столом было много. Пришли соседи и друзья, женщины у самой калитки разворачивали платки и вынимали кастрюльки и казанчики с принесённым угощением. Сидели тесно, но было весело. Сквозь шум Люба слышала, как шумно радовался один из соседей, высокий и широкоплечий Четыр:

– Бату у нас врачом будет! Большой человек будет! Гордись, Гунгеш, тебе тоже слава перепадёт!

– Четыр-бааджа, – перебил Бату. – Люба тоже врачом будет, не только я.

– Ладно-ладно, два врача совсем хорошо, однако мужчина всегда главнее. Помни, Бату, к врачу у нас отношение особое, ему можно многое, чего другим не дозволяется. На виду у всего города будешь.

Уже совсем ночью, когда гости разошлись, женщины убрали со стола, перемыли посуду. Люба хотела помочь, но Нюдля мягко отстранила её:

– Успеешь, дочка. Ещё за всю жизнь наубираешься. Идите отдыхайте, в шалаше всё приготовлено.

В шалаше на толстом слое сена были уложены мягкие кошмы, а на них несколько одеял, множество подушек и свеча на табурете. Бату был нежен и заботлив. Люба растаяла. Потом они тихонько разговаривали в темноте – свеча уже давно оплыла и погасла.

– Я, наверное, ожидала чего-то другого... Ты столько говорил – столица республики, красивый город...

– Ну, у нас тут не Ленинград, конечно, но мы понемногу отстраиваемся. И частный сектор, и центр. Не всё сразу.

– Да я всё понимаю. Но ведь уже семь лет после войны прошло!

– Семь лет – это немного. Если все силы бросают на восстановление столиц и заводов, то провинции не много остаётся. А наш город был такой красавец до войны! Вот фрицы и поиздевались...

Утром Люба умывалась во дворе под стареньким рукомойником, с толстым гвоздём вместо соска. Подошла Нюдля с полным ведром и долила воду в рукомойник. Тепло посмотрела на новоявленную невестку:

– Знаешь, Любочка, я ведь боялась, что сынок найдёт себе русскую девушку. Он ведь с нами не советовался, сам решил.

– Да я-то и не калмычка.

– Ты восточная девушка, по виду от наших почти не отличаешься. И слава Богу! А была бы ты белобрысая да светлоглазая, соседи засмеяли бы.

Подошёл Бату.

– Вот вы где! О чём беседа? А-а... Мать, да ты на глаза её посмотри! У наших глаза как щёлочки да наискосок, а у Любаши? Я в её глаза наглядеться не могу! – Бату обхватил Любу за талию и прижал к себе. Она покраснела и вырвалась:

– Брось, неудобно же!

Мать хлопнула сына по спине, ладонь у неё была тяжёлая, хлопок прозвучал как выстрел.

– Бессовестный, людей бы постеснялся!

– Это почему я бессовестный? – возмутился Бату. – Свою жену обнимаю, не чужую!

– Пока не очень настоящая жена у тебя. Расписаться вы расписались, а свадьбы не было!

– Хочешь, здесь свадьбу сыграем?

Нюдля всплеснула руками:

– Где здесь? В котловане? В погребе?

– Ну-у, мы же на месяц приехали. Время есть. И погреб успеем сделать, и полы настелем. Хорошо, что стены ещё низко выведены, будет где разместиться. Как тебе идея?

Действительно, уже через неделю крыльцо в пять ступеней вело к большому деревянному настилу просторного пятистенного дома на две семьи: Гунга с Нюдлей и Гюзяна с Замирой. Стены были выведены всего на полметра от пола и могли служить скамьями.

Отдохнув после свадьбы, молодожёны собрались в Ленинград. Июль заканчивался. Стены дома уже поднялись до верха окон. Бату, и так смуглый, загорел до черноты. Люба тоже загорела, научилась носить национальную одежду и ей это нравилось. Расшитая шапочка лихо сидела на копне кудрей, а жилетка туго стягивала тонкую талию. Ей это нравилось. Нахваталась калмыцких слов и народных песен, подружилась с Замирой и её дочерью десятиклассницей Иляной.

На вокзал провожали всей семьёй – они уезжали с таким количеством узлов и чемоданов – свадебными подарками, – что боялись, как будут выгружаться по приезде.

– Приедем в Ленинград, – разглагольствовал в купе Бату, – первым делом снимем комнату, а не так, как Коля с Машей: каждый в своём общежитии, а уже полгода как женаты.

– А на какие деньги ты собираешься комнату снимать?

– Мне отец дал. Сказал, свадебный подарок.

Сняли чердак в частном доме на Фарфоровом Посту. До института и больницы полчаса трамваем,

зато своё жильё: не чердак, а целый мезонин. Большая комната и закуток-кладовка. На полу тут же разлеглись пушистые кошмы, а стены завесились яркими коврами.

***

Время шло. Между третьим и четвёртым курсом родился сын. Назвали Анджа, так захотел Бату. Люба уточнила:

– Дома будем звать Анджа, а в метрике запишем Андреем. Или ты хочешь, чтобы потом в школе задразнили? Время сейчас такое...

В больнице, где Люба каждый год проходила летнюю практику, её уже хорошо знали. На специализации она выбрала отоларингологию, и молодого стажёра уже любили жители её участка. Она наравне с другими участковыми врачами ходила на вызовы – вечером, после занятий, оставляя Андрюшу на хозяйку дома. Старушка даже отказалась брать с них деньги:

– Ты же меня лечишь, и мне спокойнее, свой врач в доме. Так на так и получается.

– Но ведь Бату тоже врач! А вы его не спрашиваете.

– Ну, твой Батый совсем не такой врач, как мне нужно. Да и дома его никогда нет.

И правда, Бату редко вечерами бывал дома: то какие-то конференции, то общественная работа. На самом деле, его тяготила роль отца: постоянная стирка пелёнок, глажка, уборка и вскакивание ночью по первому писку ребёнка. Он с лёгкостью взвалил всё на плечи жены, а сам проводил вечера то у одного приятеля, то у другого – кого-кого, а друзей-приятелей весёлому и обаятельному Бату было не занимать. На

упрёки Любы, которая валилась с ног – учёба, работа, ребёнок – отвечал, дыша на неё перегаром: ну неудобно же было отказаться! Но тут же обнимал, был нежен и мил. Но Люба всё равно чувствовала, что дело не только в друзьях – чуть другой запах, чуть другие прикосновения...

По окончании шестого курса, перед госэкзаменами Люба была уже на седьмом месяце. Беременность протекала тяжело, постоянно болела спина, отекали ноги, резко упало давление.

– Любовь Иосифовна, вы себя совсем загоняли, вам придётся лечь на сохранение, – предупредила гинеколог её же больницы после очередного осмотра. – Вы же почти дипломированный врач, как можно так относиться к своему здоровью?

– Светлана Алексеевна, моему Андрюше только три года, а на Бату, сами понимаете, надежды никакой. Какой стационар?

– Детей он делать умеет, а ухаживать за ними не умеет, – жёстко усмехнулась гинеколог. – Тем более что он не только отец, но и врач.

– Да какой из него врач! На специализации выбрал психологию, говорит – крови боится. Я понимаю, психологи тоже очень нужны, только что он в людях понимает? И, вообще, больше общественными делами занимается, чем учится. Вот уже назначили секретарём институтского комитета комсомола. Ему уже не до медицины...

– Не отвлекайтесь, Любовь Иосифовна. Сами знаете, что внутренние отёки очень опасны, ребёнок может родиться с отёком мозга, а это – дебилизм. Вам это надо? Немедленно в стационар – снять отёки, поднять гемоглобин, успокоить нервы.

– А Андрей?

– У вас же в Ленинграде родители, может, к ним?

– Нет, – отрезала Люба и помрачнела. – Им не до нас, извините.

– Это вы меня извините. Давайте, на это время определим Андрея в наш круглосуточный садик.

Спорить не приходилось, выбора не было. За три недели муж навестил её всего два раза. Хорошо, что больница своя, девочки забегают проведать. Правда, и ядовитых реплик хватает:

– Что, опять твой благоверный заваялся где-то?

– Наверное, к госэкзамену готовится, – слабо отбивалась Люба.

– Ага, со своими психами советуется. Это у тебя вся тумбочка учебниками завалена, а у него?

Когда она вернулась домой и сын вернулся, Бату чувствовал вначале себя виноватым, оберегал Любу, сам водил Андрея в садик, ходил в магазин за продуктами, убирал комнату. Но надолго его не хватило. В конце концов, были сданы экзамены, получены дипломы. Диплом Любы был с отличием, но при этом она так вымоталась, физически и морально, что с трудом осознала: она теперь дипломированный врач. Последние перед родами недели прошли легче, и Андрюша, зайка родной, радовал всё больше.

А Бату «обмывал» с друзьями диплом и оправдывался: – Не могу же я игнорировать всю нашу группу, хватит и того, что ты со своим пузом никуда не можешь пойти!

– А тебя моё пузо никак не касается?

– Это ваши женские дела. Мужчин это и не должно касаться.

Дочка родилась за неделю до комиссии по распределению. Бату пошёл на комиссию за двоих. Это был 1957 год. Шесть лет назад Бату поступал в

мединститут как национальный кадр от Минздрава Калмыкии и сейчас должен был возвращаться в Элисту, в январе этого года вернувшему себе имя и статус. Только теперь это была не столица автономной ССР, а областной центр Калмыцкой автономной области. Но оказалось, Бату подсуетился за последний месяц и, имея жену – коренную ленинградку и двоих детей, из которых один новорожденный, просто обязан был остаться в Ленинграде, как было сказано в целой кипе документов.

***

Люба положила перед главврачом свой новенький диплом и заявление. Теперь она будет здесь работать по специальности.

Виталий Георгиевич с удовольствием взял в руки тёмно-красную книжечку:

– Молодец, товарищ Канукова. Не зря мы на вас надеялись. Ну что же, поздравляю. – Он закрыл книжечку. – Кум ляудэ (с отличием)! – уважительно заметил он. Завизировав заявление, откинулся на спинку кресла. – Идите в отдел кадров, оформляйтесь.

А Бату стал работать в госпитале Военно-Морского училища, так как в их больнице не было неврологического отделения, да он и не стремился работать вместе с женой. Госпиталь находился в противоположном конце города.

6. 1958

Внимательная к больным и доброжелательная с сотрудниками, она почти сразу оказалась на виду. Вроде ничего специально не делала для этого, однако именно к ней прибегали «поплакаться в жилетку»

медсестрички, когда начальство не отпускало их на сессию в мединституте, и санитарки, если кто-то обидел глупым словом. Как-то ей удавалось «разруливать» ситуацию.

Зав. отделением отоларингологии Наталья Владимировна, оценившая одну из идей Любы, посоветовала ей поступить в аспирантуру и начать писать диссертацию – очень уж актуальной оказалась идея. Работы Люба не боялась, долго не раздумывала и сразу взялась за дело.

Уже через три года, в 1961 году, она получила квартиру в ведомственном доме. Тепло распрощалась с хозяйкой мансарды, та даже прослезилась:

– Ну вот, ребятишек забрала, оставила меня без работы.

– Ничего, баба Нюся, других найдёте, ещё беспокойнее...

Новая трёхкомнатная квартира была в «сталинке», всего в двух кварталах от работы. Очень удобно, не надо тратиться на транспорт – не только деньгами, больше нервами и оторванными пуговицами. Восемилетний Андрей и четырёхлетняя Анечка обживали свою детскую со всем пылом – родители предупредили:

– Вы здесь хозяева, устраивайте всё как захотите, но и следить за порядком тоже будете сами.

Они выбирали цвет стен и рисунок накатки, цвет штор и ковра на пол, спорили о месте для игрушек и для рисования. С каждым вопросом бегали к родителям – рассудить, иначе и до драки недалеко. В конце концов, решили, что комната будет как бы из двух треугольников: две Анечкины стены розовые с зайчиками и цветами, две Андрюшины – салатовые с медвежатами и жирафами. У каждого – своя кроват-

ка, шкаф для вещей и столик, всё из светлого дерева и большой пёстрый ковёр посередине – играть. И книжный шкаф, общий.

Комнаты были большими, потолки высокими, воздуха много. Люба присматривалась к мужу в новой обстановке – Бату приосанился и стал вести себя уверенно и немножко нагло. В их спальне он как бы невзначай занял почти всё пространство, оставив жене только её сторону кровати и прикроватную тумбочку. В шкафу его вещи потеснили женские наряды, которых у Любы было совсем немного, зато от мужских курток, костюмов, сорочек и обуви было тесно. А столик с креслом и торшером у окна как-то нечаянно полностью перешли во владение Бату. Он, видимо бессознательно, не имея в виду ничего плохого, распространялся на всё пространство, как газообразное вещество. Просто характер такой.

Детей любил, баловал, при любом случае они бежали к нему со своими проблемами. А мама оставалась где-то с краю, вроде домработницы. Правда, перед сном Люба заходила в детскую поцеловать малышкой, но в основном, была беспрестанно занята. Из кухни после ужина все очень быстро исчезали. Уборка кухни и мытьё посуды, по обыкновению, оставались на ней. Впрочем, как и всё остальное. Люба пыталась исправить ситуацию:

– Андрюша, помоги мне, пожалуйста. Убери всё в холодильник, вымой посуду и вытри стол. Мне нужно заниматься, у меня скоро экзамен по немецкому.

Андрей посмотрел непонимающе и пожал плечами:

– Мам, меня мальчики во дворе ждут. Я обещал, что мы до темноты ещё в футбол погоняем, – и тут же исчез за дверью.

– Что ты хочешь от ребёнка? – раздражённо спросил Бату. – Ему же нужно налаживать контакты с соседскими детьми! Это же так важно, нам ведь тут жить.

– А то, что я после работы до полуночи занимаюсь хозяйством, а диссертацию пишу ночью, тебя не волнует? В четыре ложусь, а в шесть уже вставать. Хоть кто-нибудь может мне помочь?

– Это женские заботы. Я тоже устал на работе, – заявил Бату, поудобнее устраиваясь на диване перед телевизором, – а твоя диссертация никому не нужна.

Люба вздохнула. Оказывается, он устал, а она нет. Кажется, она, наконец, поняла его характер: ему нравится ПРАВИТЬСЯ. Уж на это он не жалел ни сил, ни времени, ни денег. Потому в тридцать лет, после должности секретаря комсомольской организации института, теперь в госпитале стал активно заниматься общественными делами и уже подал заявление в партию. Похоже, он и на детях отработывал обаяние, позволяя им многое, на что Люба никогда бы не решилась, постоянно покупал им игрушки и сласти, водил их в Зоосад и возил в Петергоф. А она всегда оставалась на хозяйстве – стирка, глажка, готовка, уборка – бесконечная, нескончаемая карусель. В конце концов, семейные обязанности его стали тяготить: в их роду не принято, чтобы мужчины помогали жёнам по хозяйству. Ну и что же, что у них там женщины не работали? Бросай работу и сиди дома. Воспитывай детей.

Повседневная рутина его буквально обессиливала. Будь он поэтом, выразил бы свои чувства в стихах, но он совсем не был поэтом – скорее, его склонность была к женской красоте. Покладистых красивых женщин он любил больше всего. А жена что, жена –

дело привычное и никуда не денется. Когда Люба это поняла, ей стало совсем тошно. Надо было что-то делать, но что – она не знала. И решила подождать, пока дети не подрастут.

В 1960 году Андрей пошёл в школу.

– Я теперь не только старший брат, но и первоклассник, – важно сообщил он Анечке, которая завороженно смотрела на настоящую взрослую пиджачную пару брата и на его новенький портфель с блестящим замочком. – И ты должна меня во всём слушаться.

Люба попросила на работе очередной отпуск в сентябре.

– Бархатный сезон! – всполошилась председатель профкома. – Слишком многие хотят идти в сентябре.

– Зачем мне ваш бархатный сезон! – отмахнулась Люба. – У меня старший сын в школу идёт!

Ей разрешили.

Школа находилась неподалёку, но принято, чтобы первое время первоклассников забирали родители: так спокойнее и им, и учителям, да и пообщаться маме с учительницей тоже важно. Приведя Андрея домой, Люба следила, чтобы он сразу переодевался в домашнее, сам вешал на плечики школьную форму, пообедал и час-полтора погулял во дворе. Потом он садился за уроки. Она ему не помогала: всё ты должен делать сам! – но сделанное обязательно проверяла. Если надо было – заставляла доучивать и переделывать. За месяц сын привык к такому порядку, и дальше проблем с учёбой не было.

Анечка тоже радовала. У неё были явные способности, чем она напоминала матери её младшую сестру, что немного портило настроение. Она не

испытывала к сестре особо родственных чувств – они очень редко общались и при этом обе были настороже. Но дочку Люба любила самозабвенно и не стеснялась показывать это, при каждом удобном и неудобном случае обнимая и целуя её – куда только девалась её обычная сдержанность! Анечка с самого рождения всегда старалась держаться поближе к маме. Бату даже подшучивал:

– Мамин хвостик! Ну чего ты вечно за мамину юбку держишься?

Анечка ещё крепче прижималась к матери, обхватывала её ручонками и тыкалась носиком в шею:

– А у мамы шейка мя-яконькая!

А в пять лет начала помогать Любе по хозяйству: вытереть пыль, разложить по местам игрушки, подмести, вымыть под краном овощи. Из яркого ситца и нарядной тесьмы Люба ей сшила фартучек с нагрудником и большим карманом. Малышка им очень гордилась, показывала подружкам. Любу растрогало, когда пятилетняя Анечка впервые по просьбе матери купила сама на ближайшем рынке пучок петрушки. Ну забыла купить петрушку, а на плите уже всё кипит! Крепко зажав в кулачке 15-копеечную монету, Анечка стремглав добежала до маленького внутриквартального рынка и гордо вручила маме зелёный букетик, впрочем, слегка обгрызанный.

– Ма, это так вкусно! Так хорошо пахло, я не удержалась. В следующий раз дай мне денег на два букетика, я один съем, а второй тебе. Можно?

– Конечно, доченька. Ешь на здоровье. – И с тех пор всегда давала ей монетку на любимое лакомство.

Любе позвонила мать. Они не часто перезвани-

вались, но в последнее время отец плохо себя чувствовал. Ему уже было 65 лет, и его здоровье ухудшалось с каждым днём. Это началось ещё с первого сердечного приступа в 1944 году. Он ещё работал, но всё чаще его подменял главный инженер завода, и, похоже было, – пора на пенсию. Мать уже была на пенсии, ей было 62 года, а шестнадцатилетняя Лида училась в десятом классе.

– Как дела, мама?

Мария вздохнула, будто всхлипнула. Телефонная трубка будто накалилась в руке Любы.

– Сначала они сказали, предынфарктное состояние, а сейчас говорят – инфаркт. Вроде не обширный, но шевелиться не разрешают.

– Так папа в больнице?

– Да, с позавчера. В реанимации пока, но завтра обещают перевести в палату интенсивной терапии.

– Ма, я завтра проведу его.

Отец выглядел откровенно плохо, осунулся и как-то съёжился. Любу это напугало. Она всю жизнь знала красивого, крупного, представительного отца, полного жизни. А сейчас на кровати лежал высокий, ссохшийся старик, с подсоединёнными к нему трубками, нависающей над кроватью капельницей, с сильным и слабым голосом. У Любы мороз прошёл по спине.

– Доченька, вот как неудачно получилось... Только жизнь наладилась, а сил жить не осталось.

– Папа, тебе ведь не впервые выкарабкиваться! Соберись и не паникуй. У тебя ещё не тот возраст, чтобы сдаваться. И, в конце концов, пожалей маму и Лиду, им без тебя будет очень плохо...

– А тебе?

Люба помолчала, положила ладонь на его горячую руку:

– Я уже привыкла сама справляться. Но всё равно – нужно, чтобы ты выздоровел. И нужна тебе спокойная жизнь. Я сейчас подойду к твоему лечащему. Подумаем, что можно сделать.

От разговора с врачом ей стало ещё тяжелее.

– Сердце изношено до предела. Даже сейчас, когда он лежит неподвижно, оно едва справляется с нагрузкой. Боюсь, что ничем вас не утешу...

Через две недели отца хоронили. Мать выглядела измученной и потерянной. Лида держалась хмуро и отстранённо. Андрей с Анечкой стояли чуть в стороне и, кажется, не очень понимали, что случилось: дедушку они видели мало. Люба не вслушивалась в произносимые пышные речи отцовских сотрудников, мельком взглянула на алую бархатную подушечку с его орденами и думала только о том, как это перенесёт мама.

***

После ухода отца Люба, как ни старалась пробудить в себе тёплые чувства, ещё больше отдалилась от матери, ещё реже звонила, почти не навещала. Тягостно ей было видеть её. И Мария боялась что-нибудь сказать старшей дочери: она чувствовала себя виноватой перед ней и проклинала себя за то, что тогда, двадцать девять лет назад, сразу же не забрала дочку из того треклятого села. Не хотела портить девочке каникулы! Не приняла всерьёз страшную угрозу. Всё же, что бы ни случилось, они были бы вместе, и, наверное, вместе бы эвакуировались, как и другие женщины с детьми. И то, с какими мучениями они пережили предполагаемую гибель Любочки, и то, как они, наконец, смирились с этой мыслью – наложило непоправимую тяжесть на их отношения. Как предательство...

Марии оставалось лишь радоваться тому, что у дочки всё в порядке.

А у дочки было не всё в порядке. Внешне всё было прилично. Дети росли. Анечке исполнилось пять лет, Люба записала её в ансамбль песни и пляски городского Дворца пионеров в младшую группу. Это было удобно: девятилетний Андрей уже год ходил туда в кружок «Умелые руки», и теперь по воскресеньям отец завозил обоих детей на занятия и был свободен на 2-3 часа. После занятий он их вёл в кафе-мороженое или в парк. А через пару лет Андрей с сестрой стали ездить сами, и отец, к тому времени потерявший интерес к этим поездкам, в выходной день сразу после завтрака исчезал на весь день.

Вроде бы Бату жил вместе с семьёй, но на самом деле всё больше отдалялся. Ничего не рассказывал о своей работе, равнодушно слушал, когда Люба делилась своими проблемами, а проблемы и настроение детей вообще считал несущественными. Они с мужем давно уже не ходили вместе на торжества ко Дню медика – у него всегда была своя компания. Ну что ж, и у Любы образовалась своя компания! Дома они держались вежливо по возможности, как соседи по коммунальной квартире, только Любе приходилось обстирывать и кормить «соседа».

Да хорошо бы только это, а то после своих гулянок с сильными мира сего, которыми Бату явно гордился, он приходил в таком виде, что дети испуганно жались по углам, а Люба старалась, чтобы они не всё слышали, что он говорил.

Это было невыносимо, но Люба всё не решалась разрубить узел: характера не хватало? Думала исправить неисправимое? Не решалась, и всё.

7. 1970

Наконец, Люба защитила кандидатскую диссертацию. Тема была актуальной для их отделения, исследования проходили несколько лет и было хорошо, что теперь можно смело применять то новое, что они продумывали все эти годы. Кстати, помогла и та тетрадь, которую дала Любе с собой старая знахарка из-под Пскова, бабка Марьяна. Очень много ценного оказалось в этой потёртой, теперь бережно сохраняемой тетради, в знахарских рецептах. Правда, напрямую об этом нельзя было писать в такой работе – она писала об исследованиях некоторых растений, об обнаруженных в них лекарственных соединениях.

Облегчённо вздохнув – такую тяжесть сбросила, – Люба занялась детскими проблемами. В этом году Андрей заканчивал школу. В семнадцать лет он перегнал рослую мать в высоту, стал красивым высоким парнем, широкоплечим и смешавшим в своей внешности черты трёх рас: блондин, как бабушка Мария, кареглазый и широкобровый, как дедушка Иосиф, скуластый, как Бату. В общем, выразительная внешность. Девочки из его класса весь последний год телефон обрывали.

К экзаменам на аттестат зрелости несколько человек из Андрюшиного класса готовились у них дома: в гостиной круглый обеденный стол раздвинули – поместилось восемь человек со всеми книжками и тетрадями. И не сдвигали до конца экзаменов. Люба приходила с работы, когда у ребят от целого дня занятий уже мозги плавилась.

– Кончайте работу! – командовала она.

Ставила на стол, откуда поспешно убиралось всё, огромную сковороду с жареной картошкой и колбасой,

залитой яйцами. Потом – чай с оладьями. Замученные ребята оживали и ещё долго сидели за столом, просто отдыхая.

Тринадцатилетняя Аня, как только компания занимала гостиную, фыркала и уходила гулять с подружками.

– Подожди, через четыре года тоже займёшь их место! – пригрозила мать.

Аня была недовольна своей внешностью. Она совсем недавно сильно вытянулась – за летние каникулы пятнадцать сантиметров! – и чувствовала себя неуклюжей и некрасивой. Даже плакала иногда. Люба успокаивала дочку, а та рыдала:

– Да-а, тебе хорошо, ты красивая, а я уродина...

– Это называется переходный возраст. Лицо меняется постепенно, с детского на взрослое, и это надо просто потерпеть. Ведь у вас в классе многие такие?

– Не-ет! – всхлипывала девочка. – Они уже кажутся взрослыми, а я какая-то... никакая! Говорят, верста коломенская. Длиннее меня в классе никого нет!

– Ничего, и другие вытянутся. А некоторые подростковый период прошли раньше и повзрослели раньше. Но они и состарятся раньше. Ты ведь не замечала в прошлом году, как они повзрослели? Вот и они сейчас не замечают твоих перемен. Меньше крутись перед зеркалом и спокойно расти.

– Да-а, тебе хорошо говорить, – не унималась дочка. – Ты вон какая красавица! И Андрюшка красивый. А я... гадкий утёнок.

Люба засмеялась:

– Хорошо, что ты сама вспомнила, а то я уж хотела напомнить. Утёнок ведь тоже казался некрасивым, пока не вырос? Сказки ведь пишутся не только для

развлечения. Помнишь? Сказка ложь, да в ней намёк. Очевидно, это общая проблема подростков и не сейчас она появилась, а была всегда. Правда?

Анечка успокоилась и стала всматриваться в своё отражение:

– Ой, ну посмотри, какой кошмар! Нос стал длинным, рот широкий как у лягушки!

– Маску надень и так ходи! – прикрикнула выведенная из себя Люба. – Говорю тебе, пройдёт это. Перечитай Андерсена и мотай на ус!

– Насчёт усов – это к Андрюшке, – хихикнула успокоившаяся девочка.

Андрей стеснялся своих недавно появившихся усиков:

– Мам, чего она дразнится!

– Это она тебе завидует, сынок. Тоже такие хочет.

Аня взвизгнула и подскочила к брату со сжатыми кулачками. Они оба с хохотом свалились на пёстрый ковёр. Теперь там спала только девочка, Андрей занял большой диван в гостиной, хотя остальное время оба проводили в своей детской.

Всё лето круглый стол в гостиной оставался овальным. Закончились экзамены в школе, отгуляли выпускной, и тут же Андрей и два его друга начали готовиться к поступлению в институт. В Строительный. Андрей уже несколько лет как увлёкся, хорошо рисовал и чертил, у него на письменном столе уже собралась стопка каких-то фантастических проектов, которые шумно обсуждались с друзьями.

И в середине августа он гордо сообщил:

– Приняли! Всех троих! Ура!

***

А к летней сессии, на следующий год, в их дружную компанию по подготовке к экзаменам затесалась невысокая симпатичная рыженькая девчущка Надя из их группы. Решительная и хозяйственная, она командовала всей троицей, и только спустя некоторое время Люба сообразила, что Андреем она командует больше всего. Анечка и тут фыркнула:

– Ма, ты невнимательная. Я уже полгода как заметила это. Называется – к рукам прибирает, да?

– Аня, как тебе не стыдно? Они просто однокурсники. Друзья.

– Как же, друзья! – забавлялась несносная девчонка. – Пока ты на работе, ты ничего не видишь. Когда они в перерыве чай пьют, кто помогает Андрею на кухне? И чего они там так долго чай готовят? Чайные кусты выращивают?

На втором курсе Надя уже заняла прочное положение в его жизни. Он без неё не решал ни одного сколько-нибудь важного вопроса. И уже никто не удивился, когда Андрей и его ненаглядная Наденька объявили:

– После летней сессии расписываемся. Заявление уже подали.

– Не рано? Вам только по девятнадцать лет.

– Ну, Андрею скоро двадцать!

– Ага, весной будущего года.

– Ма, не мелочись. Наде девятнадцать уже исполнилось, а я на целых полгода старше.

– Жить-то где собираетесь?

– На Васильевском, – степенно ответила Надя. – Бабушка отдаёт нам свою двухкомнатную квартиру, а сама перебирается в мою комнату у родителей.

– Здорово! – восхитилась Аня. – Значит, детская теперь совсем моя будет? Запишите – я согласна.

А когда Андрей с Надей ушли, Аня опять надула губы:

– Ему хорошо, вот скажи мне: зачем парню такие кудри и такие ресницы? – она дёрнула себя за прядь прямых тёмных волос, которые не поддавались никаким её усилиям.

– Аня, тебе только пятнадцать. Закончишь школу, мы тебе лёгкую химию сделаем, раз уж тебе так нужны кудри. Учиться тебе волосы не мешают?

– Всё учиться, учиться... Так всю жизнь и проведёшь уродиной!

– Успокойся, доченька. Разве ты не заметила, как изменилась с прошлого года? Не верю.

– Ладно, уговорила. Но вот эти непонятные глаза. Ну почему они мне достались? Это несправедливо.

– Ну-ну, не обижай отца.

– Его обидишь, – хмыкнула Аня. – Он сам кого хочешь обидит!

***

Свадьбу гуляли в конце июля. Большой зал столовой Строительного института был украшен самими студентами. И всё было прекрасно, и весело, и вкусно, и только Бату немного испортил впечатление. Танцуя специальный вальс с невестой, он на ушко ей столько всего наговорил, что она, остановившись посреди танца, ушла в сторону и хмуро уставилась в окно.

– Наденька, ты что? - всполошился Андрей.

– Чтоб я твоего отца больше не видела! Столько гадостей я никогда не слышала и слышать не желаю! Ты знаешь, что он мне предлагал?!

– Извини, Надюша, он опять успел напиться. Я постараюсь, чтобы вы вообще не встречались. Хорошо,

что мы живём отдельно. – Он подошёл к матери и передал этот разговор.

Люба обречённо опустила голову, долго молчала, потом сказала:

– Как только Анечке исполнится восемнадцать, буду действовать.

– Почему восемнадцать? Ей же только пятнадцать!

– Потерпи, Андрюшенька. Если не будет вопроса об алиментах, он не сможет таскать нас по судам, а он на это ой как способен. Характер у него, конечно, скотский... Извини, что я так о твоём отце.

– Можешь не извиняться, – мрачно буркнул сын и пошёл утешать молодую жену.

***

Анечка перешла в десятый класс и хотела поступать в мамин мединститут. Люба предупредила её:

– Конкурс сейчас огромный. Хочешь поработать в каникулы у нас в больнице? Нянечки всегда нужны, сама знаешь. Зато откроется стаж.

– Конечно, я в курсе. Два года стажа – это плюс при поступлении, – согласилась дочка. – Но это же не два года получится?

– Ничего. Эти каникулы, да зимние, да следующие летние. Хватит.

И после получения аттестата девушка поступила в Первый медицинский. А через два года, после очередного скандала с вдребезги пьяным мужем, Люба не спала всю ночь и думала, думала... Очень ей страшно было рушить устоявшуюся жизнь, но выхода не было.

Утром, когда взлохмаченный и опухший Бату,

воняющий перегаром и чужими духами, вышел на кухню завтракать, она поставила перед ним чашку кофе и сухо сказала:

– Это последняя. После завтрака можешь уходить отсюда и больше никогда здесь не появляться. Ключи оставишь на крючке у входной двери, дверь захлопнешь.

– Куда... уходить? – ошарашенно уставился на неё ещё не совсем проснувшийся Бату.

– Куда хочешь, можешь к своей очередной бабе перебираться. Если я приду с работы, а твои вещи будут тут, я их просто вышвырну на лестничную клетку. Я подаю на развод. Сама подаю, Анечке уже восемнадцать, алиментов с тебя не требуется, можешь пропивать зарплату сколько угодно, а жить на сданные бутылки. Обстирывать и кормить тебя я больше не намерена. Хватит унижать детей таким отцом.

– А квартира?

А – А квартира ведомственная, если ты забыл. Она от нашей больницы, и получила её я, а не ты. Спрашивай в своём госпитале, может, хоть койку в общежитии получишь. Всё! Мне пора на работу, а няньку себе ищи в другом месте.

И она хлопнула дверь. Нажимая кнопку лифта, ещё подумала: сейчас дети у себя в институтах, а вечером она им всё объяснит. Похоже, что они не расстроятся, а вздохнут свободнее.

8. 1975

– Мама, мы с Лёшиком решили расписаться, – заявила Анечка прямо с порога.

Люба отложила конспект и сняла очки. Устало

потёрла глаза и подняла голову. Дочка стояла перед ней во всём счастливом сиянии своих девятнадцати лет – стремительная, летящая даже когда не двигается.

– Садись, дорогая, расскажи подробнее.

– Не-а, я сначала на кухню. Голодная – жуть!

– Хорошо, иди поужинай, на плите всё горячее. А я пока закончу готовиться.

Анечка выпорхнула, а Люба, не дописав фразы, отложила ручку. Задумчиво стала по привычке грызть дужку очков. Вот и дочка выросла. А когда-то казалось – не хватит сил и выдержки. И то сказать: при живом муже практически в одиночку растить детей, при этом выдерживая вечные придирки Бату, когда он соизволял появиться в доме вдвоём со своим гонором. Хорошо, что избавилась наконец. Уже год прошёл так спокойно. И на работе хорошо: недавно она стала заведовать лор-отделением.

А теперь дочка замуж собирается. Они с Алексеем тоже вместе учатся, как и она с Бату когда-то. Но парень Любе нравился: умница, весёлый без бесшабашности, Аню любит, и кажется надёжным. А жить молодые будут у неё, потому что Алексей живёт в общежитии. Родители у него врачи то ли в каком-то селе под Ленинградом, то ли в городишке... Нужно будет знакомиться. Но они молодцы: мальчик поступал в институт, уже имея пятилетний опыт фельдшера при родителях, ещё учась в школе. Он на два года старше Ани и на целую жизнь опытнее.

На работу Люба пришла как обычно, раньше всех. Это просто счастье – в таком большом городе не быть связанной с транспортом. Прошлась по отделению, за ночь ничего угрожающего. В кабинете подписала собравшиеся накануне бумаги, подготовилась к утрен-

ней пятиминутке. День обещал быть спокойным, а во второй половине дня она уезжала на областную конференцию, для которой вчера и писала доклад.

***

На высокое крыльцо старинного здания Люба поднималась не торопясь. Трёхметровая тяжёлая дверь открылась мягко и легко. Огромный вестибюль уже заполнили делегаты конференции. Она успела поздороваться с несколькими знакомыми, когда кто-то сзади взял её под руку. Люба резко обернулась и оказалась лицом к лицу с Гришей, однокурсником с юрфака. Она даже растерялась. С того времени, как они расстались, прошло 24 года, а он совсем не изменился. Такой же длинный и худой, только буйная когда-то шевелюра стала сдержанно-короткой, чуть поредевшей и с серебристыми висками, да очки в массивной тёмной оправе делали его лицо каким-то значительным, что ли.

– Здравствуй, Любаша, – неожиданно низким, густым голосом проговорил он. – Не ожидал увидеть тебя здесь. Как жизнь?

– Спасибо, Гришенька, нормально, – почему-то облегчённо ответила Люба.

Ей стало так невероятно тепло и уютно от одного его присутствия, что она даже покачнулась. Гриша крепче сжал её локоть. Заглянул ей в лицо:

– Пойдём займём хорошие места?

– Не получится, Гришенька. Сегодня моё место в президиуме... Пстой, – спохватилась она, – а что ты тут делаешь? Ты же юрист, а не медик!

– Тут своя специфика, – засмеялся он. – Именно по челюстно-лицевой хирургии. По работе понадобилось. А ты почему в президиуме?

– Моя тема. Я не челюстник, я ухо-горло-нос, но у нас всё связано. Буду основной доклад читать. Соскучись слушать.

– Тебя?! Не соскучусь! – Прозвенел звонок. Гриша придержал Любу за руку: – Давай в перерыве вот тут встретимся. Я соскучился. А ты?

– Я тоже, – неожиданно для самой себя призналась она. – Всё, я бегу на своё место.

В перерыве, после её доклада и обсуждения, они встретились снова. Гриша не только занял столик: на нём уже стояли креманки с мороженым и бокалы с яблочным соком, и даже тарелочка с пирожными.

– Садись, Любаша, поговорим, пока на тебя твоя профессура не набросилась. Ух, какие они придиры! Красиво ты от них отбилась. Кстати, я на твоём докладе совсем не соскучился. Умеешь интересно рассказывать.

– Потому что меня это действительно интересует. Ты лучше о себе расскажи. Семья есть?

– Нет, – он смотрел ей в лицо, не отрываясь.

– Что, я сильно изменилась?

– Не очень. Повзрослела, построжела, и только. Причёску изменила. И очки тебе идут.

– Тебе тоже. Только мне уже сорок пять лет.

– Я тоже не стал моложе.

– Ты не ответил: семья есть? Жена, дети?

– Был женат, а детьми так и не обзавёлся.

– Не ужились вместе? Странно, у тебя характер раньше был уживчивым. Или с ней было что-то не так?

Гриша откинулся на спинку стула и невесело засмеялся:

– Как врач пациента расспрашиваешь. Нет, она женщина хорошая, вот потом снова замуж вышла. Да

это ещё десять лет назад было. С ней только одно было не так: она не ты.

– Но может, она лучше меня?

– Неважно. Она не ты, и это уже плохо. А ты как?

– Год назад выгнала своего. Дети выросли. Сын полгода как женился, дочка пока в невестах ходит, но тоже замуж собралась. Прямо эпидемия у них такая.

Пронзительный звонок прервал разговор: конференция продолжалась. Они обменялись телефонами и направились в зал.

***

Люба предупредила Аню, что к ней зайдёт старый друг, и позвонила Андрею с таким же сообщением. Так что, когда приглашённый на семейный обед Гриша позвонил в дверь, вся семья была в сборе – Андрей пришёл с Надей, к Анечке зашёл Лёша, который в доме уже считался своим. Он так и отрекомендовался гостю:

– Признанный жених. Алексей.

Гриша ответил в тон:

– Старый друг. Григорий. – И они пожали друг другу руки.

Ребятам Гриша понравился. Оказывается, он работает в адвокатской конторе. Он с юмором рассказал о последнем деле – при дележе одного немаленького наследства оказалось, что один из наследников, спасаясь от кредиторов, сделал себе пластическую операцию и поменял документы, и теперь его невозможно идентифицировать. Родственники взбунтовались, поняв, что их доля наследства имеет шанс значительно увеличиться. Как раз поэтому он оказался на той конференции.

***

Не прошло и полугода, как Люба с Гришей сходили в ЗАГС и безо всяких торжеств расписались. А ещё через полгода, на свадьбе Ани и Лёши, Гриша уже присутствовал как отчим невесты. А ещё через год, когда Аня и Лёша перешли на четвёртый курс, выбрав на специализации стоматологию, в конце каникул, у них родилась дочка. Назвали Ниной, в честь матери Алексея, но Аня клятвенно пообещала, что вторую дочку назовёт Машей.

– А почему не Любой? – спросил Гриша у жены.

– Не хочу, чтобы повторила мою судьбу. Слишком тяжело мне всё в жизни давалось, – ответила она. – И вообще, может, вторым сын родится.

9. 1988

Развал Союза они ощутили сразу. Вместо обычной рабочей обстановки северная столица гудела митингами и беспорядками. Передел власти осложнялся переделами сфер влияния и собственности. Появились новые понятия: рэкет, рейдерские налёты и другие уголовные кошмары. Убийства, поджоги и взрывы стали чуть не привычным явлением. В Чудновке отделение челюстно-лицевой хирургии понемногу превращалось в косметическую клинику: меняли не только носы и уши, криминальные элементы меняли внешность, чтобы скрываться. Урезалось финансирование других отделений больницы. Трудно было заказать необходимые лекарства и перевязочные материалы, даже постельное бельё для стационарных больных их родственники должны были приносить из дома.

Бардак усиливался ещё тем, что не хватало персонала. Лучшие специалисты – врачи, медсёстры и даже нянечки – уходили в платные клиники, там вовремя платили зарплату. Больницам также пришлось переходить на платное обслуживание, иначе остались бы совсем без медиков. В отделении Любы оставалась единственная бесплатная процедура, в детском отделении – лечение и удаление миндалин, аденоидов и полипов.

Это было очень плохо, но деваться было некуда. У Андрея в Ленгипрострое было ещё хуже: запланированные ранее объекты откладывались, начатые стройки бросались незаконченными и производили угнетающее впечатление: стройматериалы и рабочие перехватывались за большие деньги скороспелыми богачами – бандитами, банкирами и теневиками, просочившимися на поверхность.

Началось сокращение ИТР, а оставшиеся работали неполную неделю. Естественно, за неполную зарплату. Надя уже была практически без работы: в их отделе ввели двухдневную рабочую неделю, соответственно уменьшив зарплату. На возмущение инженеров равнодушно бросали:

– Не нравится – рассчитывайтесь.

Профсоюзные работники на упрёки только отмахивались:

– Чем вы недовольны? С детьми дома посидите, всё равно детские сады закрываются. Их помещения теперь арендуют фирмы.

Их старшему сыну Юре было двенадцать лет, младшему Мише – восемь. Детей надо было кормить, одевать и обувать, покупать учебники. В отделе Андрея несколько человек ушли в «челноки», ездили куда-то, волокли огромные неподъёмные сумки с

непонятно где сшитыми вещами. Андрей один раз соблазнился, купил жене красивую недорогую блузку. Надя обрадовалась, надела.

– Боже мой, Андрюша! Эту халтуру носить невозможно! – воскликнула она. – Швы не заделаны, нитки торчат, строчка кривая... Куда ты смотрел?

– Ткань красивая, – смущённо оправдывался он. – И дёшево.

– Вот в том-то и дело... Дешёвка. Ладно, потрачу вечер, перестрочу, только ты больше такого не покупай. И давай вот что: покупаем только продукты и детские вещи. Мы с тобой не раздеты, а свитера на зиму я им сама свяжу, и носки, и варежки. Вон сколько пряжи у меня валяется. Согласен?

Через некоторое время созрела идея: все они, конечно, инженеры, но их прежние строительные специальности никуда не делись. Что, если взять отпуск за свой счёт на пару месяцев (хи-хи, можно подумать, что если ты ходишь на работу, тебе зарплату платят!) и поехать по каким-нибудь сёлам, поработать на мелком строительстве?

Послали на разведку самого ушлого. Вернулся через неделю поскучевшим: в сёлах Ленинградской, Псковской и Новгородской областей уже работают десятки, если не сотни бригад «шабашников». Сообразили раньше. Расстроились. Решили созвониться со знакомыми в Вологодской и Костромской областях. То же самое. Там местные уже давным-давно шабашат.

– Долго же мы раздумывали!

Долетела весть из Казахстана: ребята, работы непочатый край, платят неплохо – часть наличными, часть мясом и сыром. Представляете? Баранина и овечий сыр! Живём, братцы!

Засели за географические карты.

– Кустанай. Далеко!

– Давайте попробуем Актюбинск. Вон какая большая область!

– Смотри, Актюбинск на реке Илек.

– Не обольщайся, там реки летом пересыхают.

– А мы весной поедem. И не жарко будет. И река будет.

– Да в самом Актюбинске мы никому не нужны. Смотри райцентры: вот Алга, Октябрьск, даже Тамир...

– В общем, поехали. На месте разберёмся, кому мы там нужны.

– С собой много чего надо брать: инструменты, одежду, всякие мелочи.

– Ага, и одеяла с подушками.

– Не язви, может, так и надо. Подушки не подушки, а каждому простыню и наволочку надо. Сено для набивки и под себя на месте найдём.

Весной и поехали. Артель из шести человек. Пока ещё билеты на поезд не подорожали. В Ленинграде дожди и холодно, а в Заволжье уже тепло и сухо. Правда, тюльпаны в степи ещё не расцвели. В одном из райцентров им подсказали, в каком колхозе сейчас нужны строители. Объекты известны: коровники, овчарни, конюшни, пункты для стрижки овец. Чертежи есть, стройматериалы тоже есть. Только руки нужны. Хорошо, что появилось так много строителей из европейской части, можно сделать всё, что откладывалось годами.

Местное население отнеслось хорошо. Мы строить не умеем, мы умеем пасти отары и табуны. Пожалуйста, прямо на стройплощадке поставим вам юрту, там жить будете. Овечьё молоко, овечий сыр, раз в неделю барана зарежем – ешьте на здоровье. Хлеб? Лепёшки

вам бабушка Уйгуль печь будет, а вы ей за это дувал почините... Что, и муку привезли с собой? Ну, это вы зря, у нас всё есть. Бабушка по-русски не понимает, но это не страшно. Вон внук её бегаёт, он школьник, он понимает.

За две недели построили коровник. Ну и что, что кирпичи саманные, а не привычные силикатные? В этой местности саман лучше, да и дешевле. Домой отправили деньги по почте и сушёное мясо в посылках. Местные и научили, как сушить мясо впрок. И лишнего веса в посылке нет, и мясо не испортится в дороге за неделю – оно год лежать может!

Переехали в другой колхоз. Коровник такой же, опыт появился. Работа ещё веселее пошла. И юрта такая же... Да вот беда: когда уже крышу перекрывали, напарник Андрея неловко доску к нему передвинул, дёрнул сильно. Андрей не удержался на крутом скосе крыши и свалился. Если бы на землю, наверное, отделался бы ушибами, но при падении ударился головой об угол железной тачки, на которой они подвозили стройматериалы. Упал и остался лежать неподвижно.

Врачей в селе не было. Да какое это село – аул из десятка юрт и трёх саманных домиков: правления, почты и магазинчика. Местные сказали, что строительство медпункта всё откладывали, а теперь уже и не надо: населения осталось человек сто. Ладно. Запряжём вам в арбу ишака. Гм-м... Лошадь? Нет, лошадь нам самим нужна. На ишаке отару не соберёшь в кучу. Не бойтесь, ишак в самый раз будет, он сильнее, чем вам кажется. В райцентре и больничка есть, и телефон есть. Кому вы там звонить собираетесь? Его матери? Ого, аж в Ленинград! Далеко, однако, забрались...

Люба прилетела двумя самолётами: сначала до Актюбинска, потом на «кукурузнике» в район. Больничка её ужаснула: ни условий, ни аппаратуры, ни невролога.

Пожилой врач, проработавший здесь лет сорок, был удручён:

– Такой сложный случай, четвёртый день в себя не приходит. – Так что, некому им заняться?

– Вы что, не видите, что у нас за больница? Занимаемся только травмами, аппендицитами и родами. У нас нет нужных специалистов. Я понимаю, вы мать...

– Я ещё и врач.

– Значит, понимаете: из комы мы его не выведем, а если и удастся, то мозг всё равно уже повреждён. Нет, не выживет он. Ещё день-два... Мне очень жаль...

– Тогда везём в Актюбинск. Я прилетела не сожалеть, а спасти сына.

Актюбинская областная клиника была не в пример лучше. Андрея поместили в нейрохирургию, в реанимацию. Но на операцию не решились, сначала надо было вывести его из комы. Люба не понимала этого – ей казалось, лучше оперировать именно сейчас. Но постеснялась: они всё же специалисты, им виднее. Но проходило время, прошёл почти месяц. Приборы стали выдавать оживление организма. Чётче стало работать сердце, он дышал, но оставался неподвижным, слепым, глухим и немым.

– Ну, сейчас уже можно делать операцию?

Они не решались. Выждав ещё неделю, Люба позвонила в Ленинград.

– Гриша, состояние у Андрея плохое. Они говорят, безнадежно, но я не верю. Договорись с нашими!

***

Санитарный самолет, наконец, взлетел, и Люба устало откинулась на спинку кресла. Восемь часов перелёта она могла отдохнуть – впервые за месяц. У Андрея порозовело лицо. Это было хорошим признаком. Две медсестры неотлучно сейчас были при нём, аппаратура была подключена. Теперь только добраться до родной Чудновки.

Оперировал профессор Соколов. Люба его знала давно и доверяла всецело. После операции начался долгий период восстановления: огромная гематома перекрыла всё, что возможно: зрительный, слуховой и речевой центры, опорно-двигательный. Первым через полтора месяца начал возвращаться слух: сначала шум в ушах, который был зафиксирован аппаратурой, потом звон, нечёткие звуки речи, которые уловили самописцы. После этого Андрей слышал всё, что говорили вокруг, но не мог заставить себя шевельнуться, открыть глаза и заговорить. Хотел, но не мог. Он понял, что рядом мама, что он болен, но не мог понять, что же с ним случилось.

– Ничего, – утешал он себя. – Если мама рядом, она сделает всё, как надо, и потом расскажет мне. А пока я хочу спать. – И приборы показывали, что он засыпает.

Иногда звучал ещё один знакомый голос, Андрей не сразу вспомнил, кто это, пока мама как-то не позвала:

– Надюша, заходи, только зонт поставь в углу. Дождь сильный?

– Не очень. Скорее, моросит, – ответила Надюша, и он вспомнил, что это его жена. И ещё вспомнил, что это означает дом. А ведь он был где-то далеко! Какое-то длинное слово... да, Казахстан!

И он шевельнулся.

– Мама, мама, смотри, папа пошевелился! – закричал детский голос.

– Тише, Мишенька, это больница, здесь кричать нельзя, – тихо ответил Надин голос и сразу: – Я побегу за врачом! Он пошевелился!

10. ЭПИЛОГ, 1992

Июльский Ленинград затопила жара. Воробьи с разинутыми клювами жались к газонным поливалкам, ждали, когда их включают. Но их включали только рано утром и поздно вечером, чтобы вода успевала впитаться в землю, а мокрые листья растений не служили линзами для всё сжигающих солнечных лучей.

Коляска Андрея стояла у окна. Он специально отъехал в сторону, пока мать убирала комнату. Он отвернулся от окна и посмотрел на мать. Никак не мог привыкнуть к тому, что она совсем седая. Она поседела четыре года назад, когда с ним случилось несчастье. Сразу ушла на пенсию, хотя в больнице не хотели её отпускать. Выхаживала сына круглосуточно – и в больнице, и потом дома, когда он заново учился всему: видеть, говорить и вообще жить.

А эти изнурительные тренировки, когда он учился двигать руками, заставлял пальцы ног шевелиться, учился сидеть, держа равновесие, не падая при этом вбок, как трёхмесячный малыш... Мать заставляла его работать каждую минуту бодрствования, не жалея ни его, ни себя.

– Андрюша, ты здоровый сильный мужчина. Начнёшь жалеть себя – не сможешь жить. Поверь мне. Я таких насмотрелась достаточно.

Он качал мышцы на крепнувших руках, даже пытался качать пресс, держась за специально натянутые канатики. Пытался вставать, но профессор Соколов, который время от времени навещал его, предупредил:

– Не всё сразу, дай позвоночнику прийти в себя. Ему мозг как скомандовал пока спать, так он ещё не проснулся. Не торопись.

Андрей тронул ободья колёс и подъехал к письменному столу. Грудой лежали на нём чертежи и расчёты нового проекта, который был заказан их группе. Надо их проверить ещё раз, особенно итоговую таблицу сметы.

За спиной послышался мамин голос:

– Сынок, в котором часу твои ребята придут?

– Через час-полтора примерно.

– Тогда быстро позанимайся на тренажёре и пообедай.

– Я ещё не голодный, мама.

– Ничего. Позанимаешься – проголодаешься. А потом у тебя опять не будет времени. Вы тут полдня будете кричать и спорить, потом дети из школы придут, потом Надя с работы придёт, и это будет уже не обед, а ужин.

– Хорошо, мама, – согласился Андрей, – я уже еду.

Он повернул коляску и поехал к тренажёру, закреплённому на стене.

Маму надо слушаться.

РАССКАЗЫ

НЕСОЛЁНЫЕ КАМУШКИ

Дедушка говорит, что я и пошла-то сама в 10 месяцев – вот смех! – на чекушку! Я ещё боялась оторваться от стенки, хотя, держась за неё, довольно уверенно топала. Ножки у меня крепкие, хоть и толстые. А тут за столом взрослые что-то ели, и дедушка поставил на пол пустую чекушку:

– Диночка, хочешь новую бутылочку?

Я отпустила спинку стула и смело ринулась через всю комнату. И только схватив подарок обеими руками, хлопнулась на попку. И мордашка у меня сияла такой радостью (это мамины слова), что все рассмеялись.

– Как пьяница, – сказал Арик.

Ему было уже 16 лет, и он казался сам себе ужасно взрослым, ведь работал на заводе токарем.

– При чём тут пьяница? – досадливо откликнулась мама от печки. Она как раз вынула ухватом горшок со щами и собиралась ставить его на стол. – Блестит и всё. Игрушка.

– У неё за последнее время вон сколько их! – заметила бабушка. – И аптечные, и от одеколona.

– Ой, ну что вы хотите! – воскликнула Сима. – Должны же быть у ребёнка игрушки!

А вы знаете, что такое бутылка? Взрослые думают, это то, во что можно налить воду, молоко или керосин.

Да что они понимают? Бутылка – это такое круглое, блестящее и гладкое, и сквозь неё видно всё не так, как на самом деле. Если смотреть на окно, получаются блёстки и солнечные зайчики, а если на людей, то толстые щёки и кривые руки. А у соседского кота одно ухо узкое и длинное, а другое короткое и круглое.

Эти споры Дине не интересны. Сейчас ей уже почти два года, и игрушек у неё много: целлулоидный попугай, кукла Катя и деревянная уточка, выстроганная дедушкой из чурбачка. Она даже плавает в корыте, когда Дину купают.

И ещё у неё есть два настоящих ведра для воды, синих в ромашках, и коромысло к ним. Когда Дине совсем скоро будет два года, она вырастет совсем большая, и они с мамой будут вместе ходить к колодцу по воду. Правда, у мамы ведра очень большие, в таком можно даже прятаться.

Да, и ещё мяч! Большой, зелёный и прыгучий. Один раз он потерялся на огороде – запрыгнул под куст картофеля, и его не стало видно. Это потому что зелёный.

А сегодня вечером будут гости. Мама сказала, что 8 Марта – главный женский праздник и все мужчины будут их поздравлять.

– Мама, а я мужчина или женщина? – озабоченно спросила Дина. – Я должна поздравлять, или меня будут?

– Тебя, тебя, – засмеялась мама. – Подумай, кто у нас ещё женщины?

– Ты, бабушка, Сима... и я!

– Правильно. Давай посчитаем на пальчиках: бабушка – раз, мы с тобой ещё два... Загибай. Так. И Сима – четыре.

– Сима четвёртая, да? – уточнила Дина, растопыривая пятерню.

– Ну, четвёртая как раз ты. Как самая младшая. И ещё гости придут женщины: твоя Мила и её мама, тётя Рита.

Мама ушла в магазин. Это значит, Дина будет сама хозяйничать целый час. Мама и так большая, а в последнее время стала ещё и толстой, и ей тяжело ходить. Пока спустится с крутых ступенек второго этажа, да ещё их барачная улица такая длинная – аж до колодца, а потом очередь в магазине...

Так, надо навести порядок. Правда, всё уже на местах, и полы только что мама вымыла, и на столе нарядная скатерть с вышитыми петушками. Ой, а это что на полу валяется? Непорядок! Куда бы это убрать... непонятно. Что же это такое? Два длинных зелёных камушка... что-то они для камней слишком лёгкие и не такие твёрдые. Па-ахнут! Наверное, это игрушки для взрослых. Куда же их убрать? На полу они потеряются. О, вот чайник стоит, и даже пустой. Так, накрыла крышкой, встала на скамеечку и задвинула чайник на конфорку. Хорошо, что печка уже холодная.

К вечеру стала собираться семья. Дедушка, папа и Арик пришли первыми, Сима и бабушка немного

позже. А вот и гости! Женщины хлопочут у стола, переговариваются, смеются. Вдруг прорвался мамин встревоженный голос:

– Сима, ты огурцы не брала?

– Я их из бочки в полумисок переложила.

– Да не солёные, свежие! Которые я вчера купила в парниковом хозяйстве к празднику!

– Нет, не видела. А ты куда их положила?

– На полу в уголке оставила, как только полы вымыла. Чтобы оставались свежими.

Вмешалась бабушка:

– Кто последний их видел?

– Да я и видела. Уборку закончила, в магазин пошла, а потом мы сразу столом занялись. Дома никого и не было, одна Динка.

Бабушка подозрительно посмотрела на внучку:

– Диночка, а ты не видела огурцы?

– Нет, ба, не видела.

– Ничего не понимаю!

На столе между тем появились солёные огурцы и квашеная капуста, солёные рыжики и селёдка с луком, пирожки с капустой и свежий хлеб.

– Ладно, потом разберёмся. К столу!

Уже к концу застолья мама захватила с печки чайник и пошла в сени, где стояло ведро с водой. Разожгла керосинку – будет чай с пирожками. Из сеней донёсся её возмущённый возглас:

– Это кто же огурцы в чайник засунул?!

Из комнаты в ответ грохнул дружный хохот. Дедушка схватил Дину в охапку и крепко прижал к себе. Чмокнул в круглую щёчку:

– Динка, твоя работа?

Дина откинула голову назад, упёрлась ладошкой в дедушкины усы:

– А разве это огурцы? Огурцы бывают солёные, в бочке, которая в сарае. А это зелёные камушки, они на полу валялись, их надо было убрать на место.

– Ага, значит, их место в чайнике?

В дверях стояла расстроенная мама, держа в руке два больших свежих огурца.

– Что же, я теперь их на сладкое подам?!

– Ах ты, моя хозяйшюшка, – растроганно сказал дедушка. – Идём, попробуешь несолёных камушков.

Э Х О

Море отливало светлой медью. Это рыжее солнце садилось в Генический залив, окрашивая невысокие пологие волны. Они впятером стояли босиком на тёплом песке – десятилетняя Рита и восьмилетняя Аня с мамой, и подружка Риты ещё с детского сада Тома Динова, тоже с мамой. Они всего метров двадцать отошли от своего жилья – приземистого домика паромщика, который мамам удалось снять недорого на две недели. Домик состоял всего из одной большой комнаты и тёмных сеней с лавкой для ведра с водой. В ведре плавал синий коврик. Уборная находилась за домом, в конце захламлённого двора, где в порядке были только две длинные узкие грядки с зеленью.

Им повезло: жена паромщика на всё лето уехала к детям и внукам, а сам он предпочитал находиться в трёх километрах отсюда, возле своего парома, который курсировал ближе к горлу залива, возле рыбхоза. А из города на ту сторону залива недалеко от их домика шёл пешеходный мост – неширокий, деревянный.

Они только сегодня приехали и жильё сняли не в

городе, где все снимают, потому что тут вдвое дешевле. А денег у двух мам – впритык. Зато пляж – вот он, у самых ног.

В комнате было только две кровати, но хозяин принёс из сарая раскладушки-«дачки»: деревянные козлы, обтянутые парусиной. Привычная мебель. Шкаф хозяин запер, и им пришлось развесить свою одежду на больших гвоздях, вколоченных в стену. Вешалки-плечики соорудили сами из обломков веток и шпагата. Большой тяжёлый стол посреди комнаты и несколько табуретов довершали обстановку.

Городок небольшой и неинтересный, гулять можно было только в городском парке с эстрадой-раковиной, танцплощадкой и маленькой детской площадкой – пара качелей, песочница – и всё. Зато с футбольного поля целый день доносятся стук по мячу и азартные вопли мальчишек. За пару дней они обошли все улицы с небогатыми магазинчиками – в основном, продуктовыми, побывали на базарчике – это будет нужно постоянно, а главное – целыми днями прожаривались на пляже, не уходя даже в обед. Для того и приехали сюда. К обеду мамы вынимали из сумок оладьи, жареные кабачки, варёную картошку с укропом и по сосиске на едока. И фрукты, конечно.

Вода в городе была невкусная, как из водопровода, так и из колодцев. Покупали минералку в бутылках и ситро или варили компот из вишен и яблок. Девочек, конечно, это мало волновало – набили пузики, и ладно.

Зато пляж был что надо! Мелкий белый песок, чистое песчаное дно полого опускалось к середине залива. Можно было даже делать вид, что умеешь плавать: заходи в воду по пояс и плыви к берегу. Через два-три шага становишься на ноги и кричишь:

А я уже плыву! – а то и у берега руками по дну.
Мамы кивают, даже не прерывая разговора.

Как ни странно, Рита с Томой через неделю уже умели проплыть 4-5 метров, а Аня вообще со второго дня заходила поглубже и отмахивала 10-20 метров, даже не запыхавшись. Вот тебе и младшая! А мамы обе не умели плавать.

Больше развлечений не было.

Купили Рите один раз небольшую книжку – без книг она не могла, так они с Томой по несколько раз её перечитали. Другую мама не хотела покупать – и так потратила 25 копеек, а денег оставалось всего ничего.

– Надо было из дому набрать «Мурзилку» и «Пионера», – сказала мама Риты.

– Кто же мог знать, что даже в каникулы им без книжек скучно? – сокрушалась мама Тома. – Как-то не подумали...

По вечерам, когда становилось прохладно, гуляли по пешеходному мосту, любовались закатом. Один раз даже в кино сходили. Шёл хороший фильм «Неразлучные друзья», совсем новый, 1952-го года выпуска. А в главной роли учителя с партизанской кличкой Бурун – любимый артист Михаил Кузнецов. Сразу запомнилась песня:

Берег родной синеет за кормой,
Тёмная ночь да ветер штормовой,
Да шаланда, да парус, да верный пулемёт.
Хлопцы-партизаны двинулись в поход...

Там ребята помогали поднять затопленный боевой катер. После войны прошло всего 8 лет, и всё было ещё свежо в памяти взрослых. Переживали сильно.

А за два дня до отъезда домой произошёл случай, который запомнился на всю жизнь. Солнце палило вовсю, ветра не было, вода была гладкой, тёплой и ласковой. Только что мамы позвали девочек под самодельный навес (четыре палки, воткнутые в песок, и привязанная к ним простыня) обедать. Аня, как всегда, голодная, первая рванула на зов: она всегда была готова есть, и хотя не толстела, но ростом перегнала и старшую сестру, и её подружку. Так что Аня уже заняла место на подстилке поближе к оладушкам со сметаной и кастрюле с компотом. Тома тоже уже выходила на берег – она была мечтательной и довольно медлительной пышечкой, прекрасно играла на скрипке.

Рита ещё стояла по пояс в воде, лицом к маме и, что называется, тянула резину. Есть она не любила, да и очень не хотелось выходить из воды на жару.

Внезапно ленивую тишину полудня прервал

оглушительный взрыв. В 1953 году у людей ещё не исчез навык – многие упали лицом в песок, прикрывая кто детей, а кто свою голову руками.

Рита, как стояла в воде, так и застыла, открыв рот и уставившись вправо. В горле залива, в трёх километрах от пляжа, взмыл чёрный смерч до неба – земля, вода, дым. Все подняли головы и в ужасе смотрели, как опадает медленно чёрный столб, уменьшаясь в высоту, но разбухая в ширину, захватывая берега у рыбхоза. Вот уже скрылись распятые на столбах рыболовные сети, сушильни и коптильня, кирпичные перерабатывающие цеха...

Слишком потрясены были все. И не увидели, как загнулась стремительная волна, в секунду пролетела залив и хлынула на берег, на пляж с сотнями отдыхающих. Риту отнесло на глубину и завертело. Она наглоталась воды и ничего не соображала, когда её вытащили на берег вместе с другими. Не помнила, как откачивали, очнулась только тогда, когда услышала мамин голос, который почему-то дрожал:

– Спасибо, теперь я сама справлюсь. Не волнуйтесь, опыт у меня есть.

Вечером по городскому радио объявили, что позавчерашний шторм (в городе его и не заметили, горловина залива была узкой и не пропустила волны) сорвал со дна немецкую мину. Всплыв, мина столкнулась с буйком, отмечавшим фарватер, и взорвалась...

ВЫ СЛЫХАЛИ, КАК ПОЮТ ДРОЗДЫ?

Маленькой Иринке был год, когда она впервые подошла к пианино и стала пробовать нотки на вкус. Одни были вкусные, другие не очень, а

иногда две вместе звучали, как леденец. Особенно вкусно было, когда левой рукой возьмёшь тяжёлую медвежью ноту, а правой – как можно дальше от медведя – две сразу, лучше через одну друг от друга – лисичкины или даже зайкины. Это была увлекательная игра, уж намного интереснее, чем одевать и раздевать зачем-то кукол.

В семье никто не удивился, потому что ещё полгода назад, когда мама днём укладывала шестимесячную Иринку спать, та, уже совсем засыпающая, подпела маме колыбельную: «ты ж моя, ты ж моя перепёлочка». Конечно, без слов, а только мелодию. И не сфальшивила ни в одной нотке. Услышавшая такое диво соседка по коммуналке, бабушка Маня, долго ещё испуганно вздрагивала и бормотала какие-то слова на идиш.

Вообще-то, это пианино подарили маме на её 18-летие, но больше всех и лучше всех на нём играла младшая мамина сестра, а мама – не очень.

В три года Иринку случайно услышала мамина подруга Розита. Как только стихла мелодия песенки и девочка отошла от пианино, чтобы уложить куклу спать, Розита озабоченно сказала:

– Ну, так же нельзя. Ей надо учиться.

– Маленькая ещё.

– Сколько она уже песенок играет?

– Не считала, что-то около десяти.

– А покажи ты её моей тёте Фане. Она преподаёт виолончель в музучилище и дома у неё есть рояль. Я поговорю с ней.

Через неделю они уже звонили в дверь второго этажа очень старого, ещё дореволюционного дома №31 на Исполкомовской улице. Поднялись они по скрипучей

деревянной лестнице с чугунными коваными перилами. Дверь открыла маленькая, худенькая пожилая женщина в наброшенной на плечи ажурной шали.

– Проходите прямо в зал, – пригласила она, – и не особенно раздевайтесь. У нас холодно. Отопительный сезон уже месяц как начался, а батареи еле дышат.

– Но обувь всё равно придётся снять, – ответила мама Иринки. – На улице такая грязь. Но вы тапки не ищите, мы в тёплых носках.

Когда Иринка увидела рояль, она не поняла, что это такое. Но когда открыли клавиатуру, она рванулась к нему:

– Ой, как красиво! Пианино лежит, а все нотки на месте!

Взрослые рассмеялись. Тётя Фаня сказала:

– Это не пианино лежит. Это называется рояль, и он всегда так выглядит. А сейчас ты услышишь, как он звучит, – и она подняла крыло рояля.

Притихшая Иринка слушала «Итальянское каприччио» Чайковского, приоткрыв рот и не дыша. Потом сказала:

– Это намного красивей, чем у нас в садике. Там только детские песенки, а тут музыка. Настоящая, как на пластинке. Взрослая.

– А ты разве не маленькая девочка?

– Не очень, – подумав, ответила Иринка. – Я только кажусь маленькой. Я уже умею сама шнуровать свои ботиночки.

– Ну, хорошо. Давай послушаем отдельные нотки на рояле, а ты их споёшь. Сумеешь?

– Не знаю. Попробую...

Через несколько минут учительница сказала:

– Не берите грех на душу, в пять лет обязательно начинайте учить музыке. Представляете, она ни разу

не ошиблась, даже когда в аккорде было не две, а три или даже четыре ноты. Слух абсолютный. Пальчики, конечно, крошечные, но к пяти годам подрастут. И вот что ещё: я вам сейчас дам одну книжку, это «Нотная азбука для малышей». Всё в стихах, картинках и всё легко запоминается. Занимайтесь. Постарайтесь сделать копию, а оригинал вернёте мне.

Дома папа только пожал плечами: – Не проблема! – и сфотографировал каждую страницу, и сделал большие фотографии. Целый альбом получился. Ксероксов тогда ещё не было.

В музыкальной школе жилмассива «Победа» объявили набор в подготовительную группу. Назначили дату отборочного экзамена.

Был яркий и тёплый субботний майский день. Иринка в новом палевом платьице, летевшем за ней как крылышки мотылька, не шла, а скакала вприпрыжку рядом с озабоченной мамой. Больше всего мама боялась, что дочку не примут по возрасту: шесть лет ей должно было исполниться только в декабре. А если примут, на будущий год предстоит нелёгкий разговор в обычной школе: до семи лет детей категорически не брали.

В просторном фойе собралось больше сотни

человек: одних только поступающих малышей было больше шестидесяти, да с каждым кто-то из родителей, а то и не один.

Вышла директриса, строгая, в очках, и объявила:

– Примем 24 человека. Две группы по 12 человек.

И зашла в кабинет, где уже собралась комиссия. Значит – конкурс. Температура эмоций в фойе начала ощутимо подниматься. Принимали с 6 лет, чтобы к окончанию подготовительного класса ребёнок пошёл в обычную школу и мог самостоятельно записывать задания. Иринке было 5 лет и 5 месяцев, а выглядела она вообще трёхлетней – настоящая Дюймовочка. В толпе детей это было особенно заметно. Зато уже умела читать и писать, да и с задачками справлялась бойко. Родители в фойе обсуждали, кто у какого педагога готовился к конкурсу. Растерявшаяся мама Иринки спросила:

– Разве надо было специально готовиться?

– А вы разве не брали репетитора?

– Нет... Я не знала.

– Но кто-то же должен научить ребёнка, как отвечать на вопросы, какую песню нужно спеть на экзамене!

Мама совсем упала духом:

– Я думала, только слух проверяют... Иринушка, а что ты будешь петь, когда тебя попросят?

– Не знаю, – беспечно тряхнула медными кудряшками девочка. – Я подумаю, когда спросят.

Когда, наконец, вызвали Иринку, её мама встала у самой двери, чтобы лучше слышать. Она очень волновалась. Но дверь была прикрыта неплотно, всё и так было слышно.

– Здравствуйте, – храбро поздоровалась малышка, войдя.

– Девочка, сколько тебе лет? – послышался удивлённый мужской голос.

– Скоро шесть. На будущий год я иду в школу.

– Хорошо, – включился женский голос. – Иди сюда, к инструменту. Покажи, что ты умеешь.

– Вам сыграть песенку?

– Нет, нет, – засмеялся мужской голос. – Тебе будут играть нотки, а ты будешь их петь. И простучишь ритм, который тебе простучат. Хорошо?

– Ну, это легко, – облегчённо произнёс звонкий голосок. – Это я умею.

После нескольких нот и аккордов, после ритмов тот же голос спросил:

– А какие песни ты знаешь?

– Я их много знаю, все, что на пластинках. Моя любимая – «Дрозды». Спеть?

– Это не детская песня.

– Зато красивая. – И спела первый куплет.

– А ещё что знаешь?

– «Золушку».

– Это детская?

– Да. Начинается так: «Хоть поверьте, хоть проверьте...»

– Но это тоже взрослая!

– Ну вот, – расстроилась девочка, – как красивая песня, так сразу взрослая. Почему все красивые песни взрослые? Они их для себя пишут?

– Об этом мы потом поговорим. А детские песни ты знаешь?

– Хотите про котёнка и паровоз? – и спела смешную непрофессиональную песенку, которую они пели в садике. Комиссия долго смеялась.

– Ну, сыграй нам что-нибудь. Можешь?

- Двумя руками? Да, собачий вальс. – Опять смех.
- Ну, сыграй.

Потом вместе с разругавшейся Иринкой из кабинета вышла женщина.

– Где мама этой девочки? – очень громко спросила она.

– Я... – пискнула совершенно потерянная мама.

– У вас всё в порядке. Ваша девочка уже принята. Идите по коридору до канцелярии, узнаете подробности: какие надо документы, что ещё нужно. – И она вызвала следующего ребёнка.

Мама с дочкой, которая даже подпрыгивала от удовольствия, двинулись в указанном направлении. До них только донеслись слова одной из мам, стоявших рядом:

– Вот счастливые! И репетитору не платили, и сразу приняли.

Но Иринка, конечно, этих слов не слышала.

Лауреат международного конкурса джазовых пианистов Ирина Аркадьевна, стройная 36-летняя женщина в строгом костюме, вошла в комнату, когда бабушка заканчивала рассказывать эту историю своему внуку, вытянувшемуся подростку с такими же чёрными, как у мамы, глазами, только не медно-рыжему, а тёмно-русому.

– Мама, опять ты что-то обо мне выдумываешь, – целуя маму и сына, мягко сказала она. – Фантазёрка ты у меня!

Мама затаённо вздохнула. Конечно, маленькая девочка просто не запомнила этот эпизод, а у неё, переволновавшейся тогда чуть не до истерики, он запомнился на всю жизнь. Но разве объяснишь это дочке!

СОСЕДИ ЗА ОКНОМ

На рассвете меня разбудило страстное воркование голубя. Обычно женщины переводят этот звук, как «Клуб-нич-ку, клуб-нич-ку», а мужчины – как «Че-ку-шку, че-куш-ку». Но меня это гульканье оторвало от очень интересного приключенческого сна, где за мной гонялись пираты, и мне не хотелось его дальше слушать.

Взглянув в окно, увидела, что на крышке кондиционера расположился шикарный сизарь. Его разноцветный воротник, переливчатый как муар, раздулся вроде гофре идальго и сверкал как радуга. Тут же прилетела серо-коричневая скромная его подружка. Будущий глава семьи важничал: раздувал воротник, ворковал, переступал с лапки на лапку и всем своим видом показывал: смотри, какое я место для гнезда нашёл! – как будто он сам устанавливал этот кондиционер.

Самочка деловито обошла кавалера кругом, будто пробовала место на прочность, коротко хлопнула крыльями и, сев рядом, прижалась к его крылу. Видимо, согласилась. Тут же сизарь вспорхнул и улетел. Через минуту вернулся с соломинкой в клюве. Теперь она улетела и тут же вернулась с веточкой.

Я вздохнула: они начали вить гнездо, и мне теперь придётся месяца два терпеть их соседство, а потом отчищать крышку кондиционера. Но ничего не поделаешь – или не подпускай, или терпи!

Они быстро свили гнездо: пара десятков былинки и веточки, немного пуха – и будущая мамаша плотно уселась. Когда она улетала позавтракать, а её супруг не очень торопился сесть вместо неё, я увидела – яиц было три. Значит, будет два птенца: не бывает, чтобы

вылупились все.

Теперь гульканье прекращалось только на ночь, когда они оба нахохливались в гнезде. В дождь они сидели тесно-тесно, охраняя кладку, терпеливо мокли и не шевелились. Иногда под утро тихонько курлыкали, наверное, во сне – сонно и нежно.

Через неделю я увидела под окном разбитую скорлупу одного яйца. То ли по неосторожности, то ли специально: может быть, почувствовали пустышку? А ещё через две недели тоненький писк возвестил о появлении потомства. Я ждала, когда же пискнет второй? Второго не было – опять скорлупа на земле и облизывающаяся кошка. Пообедала...

Зато выживший птенец задал родителям работу: клюв у него не закрывался, голуби по очереди прилетали и совали в разинутый клюв очередную букашку. С утра до ночи. Птенец быстро рос. Это была самочка, очень похожая на свою маму.

Потом её учили летать. Подробностей я не видела, но шуму от одной ученицы было больше, чем от целой стаи воробьёв, облюбовавших неподалёку, на высоком постаменте, огромный керамический чайник с проломом сбоку. Пока эта доченька научилась летать, она стала величиной с мамашу. Голубка уже умела сама добывать пищу, но иногда требовала от родителей еду, широко разевая уже не маленькую пасть.

Нахальный подросток ещё и развлекался, стуча клювом в моё окно. Это означало: дай что-нибудь! Я сама была виновата: как-то по доброте душевной насыпала ей немного семечек. Теперь поняла свою ошибку, сказала: фиг ты у меня ещё получишь! – но клюв всё равно стучит. Это странно, когда тебе стучат в окно на третьем этаже. Невольно вздрагиваешь.

Всё! На будущий год заставлю всю крышку острыми пластмассовыми шипами – вон их сколько продаётся специально для этого! Не дам места под гнездо! Мне ещё всё лето соскребать мусор, когда вы уберётесь отсюда, а он прикипает к металлу намертво...

ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ (МЯУ!)

Южный июльский день пылал. Прямо в зале Одесского железнодорожного вокзала на приезжих, только что высадившихся из поезда, набросилась толпа владельцев сдающихся квартир, комнат и веранд. Они так галдели, что Рита, смеясь, сразу заткнула уши. Алик замкнулся и сделал вид, что обращаются не к нему, а девятилетняя Иринка и пятнадцатилетний Генка перепуганно жались к родителям.

– Давай отойдём в сторону, иначе оглохнем, – сказал Алик, и они оттащили свои вещи поближе к стене. Толпа немного отцепилась от них и набросилась на других отдыхающих. Стоявшая у стены высокая дородная женщина улыбнулась и поинтересовалась:

– Отдыхать приехали, квартиру ищите?

– Если тут все такие, – сердито буркнул Алик, – то и искать не будем. Поедем к Мире.

– У нас в Одессе родичей полно, – пояснила Рита, – семь квартир. Но мы не хотели бы их стеснять и самим зависеть от них. Лучше по одному разу ко всем в гости зайдём, чем три недели мешать людям жить спокойно.

– Правильно, – согласилась женщина. – Я тоже

хочу сдать, но мне не всё равно, кому. Я выбираю. Хотите посмотреть?

– А мы что, не такие как все?

– Вы мне понравились. У меня дача на Большом Фонтане. Сама я живу в центре, а дачу хочу на три недели сдать, пока съезжу в Москву по делам. Поехали?

Сели в трамвай № 5 и поехали. На Пятой станции вышли, и как в песне:

Пройду по Абрикосовой,
Сверну на Виноградную,
И на Тенистой улице
Я постою в тени...

На Абрикосовой находились все магазины. На Тенистой, действительно затенённой практически полностью огромными старыми акациями и каштанами, располагалось болгарское консульство – старое красивое здание. Перешли дорогу, на перекрёстке свернули влево и попали в Клубничный переулок – длинный и застроенный дачами. Дача Полины стояла в ряду других, а второй стороной, у моря, переулок упирался в ажурную ограду санатория «Родина».

Двор перед одноэтажным домом был фруктовым садом. Посыпанная ракушечником дорожка мягким изгибом подходила к высокому, в пять ступеней, крыльцу. За домом находился огород – длинные аккуратные грядки.

– Только вам придётся по утрам поливать всё это. Умеете?

– Конечно. А где шланг?

– Идёмте, покажу. Вот он, намертво прикручен к

крану, так что только открыть кран, и всё. Шланг длинный, хватает на весь участок. Что растёт на деревьях, можете рвать и есть, а огород пока только поливайте, там ещё всё незрелое. Вернусь из Москвы, сама займусь. Идёмте, покажу, где жить будете.

Просторное крыльцо с навесом, застеклённая веранда-кухня, большая комната: одна кровать широкая, два узких топчана, посередине стол и стулья.

– Шкафа нет, но вот плечики для одежды и перекладина. Вам хватит?

– С избытком.

– Подходит?

– Вполне.

Договорились о цене – весьма разумная.

– С веранды есть вход ещё в одну комнатку, она маленькая, на двоих. Ключ там же, на столике. Если сможете, сдайте кому-нибудь, деньги пополам.

– Ещё и этим заниматься? – возмутился Алик. – Мы всё-таки отдыхать приехали! Я лично с пляжа только ночевать домой приходиться буду.

Алик обожал море, солнце и жару. С самого детства загар с него не сходил круглый год. А детство он всегда летом проводил в Одессе. И плавал как рыба, часами не выходя на берег, без видимых усилий.

– Ну не хотите, и не надо, – равнодушно махнула рукой Полина.

И стали они жить-поживать, купаться и загорать. Это было в те годы, когда зарплату на заводах выдавали заводской продукцией. Когда Рита получала «отпускные» наборами чайных ложечек, она порадовалась, что не засыпными аппаратами доменных печей, которые в комплекте весили 50 тонн.

Зато ложечки, закатанные в пластик по шесть штук, сверкали на пляжной подстилке так, что многие сами подходили – посмотреть. И покупали, хотя Рита «загнула», по её мнению, несусветную цену. А одна из покупательниц сказала:

– Здорово, вдвое дешевле, чем в магазине.

Рита с Аликом переглянулись. Отпуск и так окупился идеально. Однако и цены в Одессе!

Один раз сходили в Оперный: надо же детям показать! Смешно – попали на оперу Доницетти «Колокольчик», которую привёз гастролирующий Днепропетровский Оперный театр. Гуляли по городу: Алик показывал любимые с детства места. На пляже Иринка с другими девочками строили что-то из песка, бегали и плескались, Генка увлечённо чертил в общей тетради очередные электронные схемы, что-то изобретал, и они с Аликом до хрипоты спорили о каких-то тонкостях.

Утром пили кто чай, кто кофе с бутербродами, в обед на пляже перекусывали в кафе, а когда к вечеру возвращались домой, Рита с судочками шла через Морской порт, в тамошней столовой готовили необыкновенно вкусно, и она брала полных четыре обеда. Всё горячее, даже подогревать не надо. Не готовить же в отпуске, в самом деле!

Пару раз сходили в санаторий «Родина» в кино. Полина вернулась через две недели. Осталась довольна квартирантами и тем, как они хозяйничали:

– Надо же, а я побаивалась: раз дети, значит, беспорядок. А у вас дети какие-то спокойные...

Тут её взгляд упал на пол. Спокойная Иринка возле ножки стола спокойно игралась с крохотным мышонком, скармливая ему крошки от горбушки.

Мышонок вместе с хвостиком едва достигал пяти сантиметров. Глазки-бусинки весело блестели. Он сидел на задних лапках, а кусочек горбушки держал в передних.

Все вздрогнули от неожиданного визга. Стокилограммовая Полина без разбега вскочила на стол и продолжала визжать.

– Что случилось? – перепугалась Рита. Алик и дети застыли.

– Мыши! – отчаянно крикнула Полина. – Тут мыши!!!

– Да это всего лишь маленький мышонок, – недоумённо пожала плечами Рита. – Дом-то на земле стоит!

– Где маленький, там и большие есть! Найдите мне кота!

– Да где мы вам его искать будем?

– Не знаю, только найдите такого, который будет мышей ловить. Я передумала здесь ночевать, всё равно теперь всю ночь буду прислушиваться. Я поеду к себе домой.

Когда она уехала, Иринка расплакалась:

– Мышонок такой хорошенький, а кот его съест!

– Ничего, Иришка, я думаю, он убежит. Ты же его хорошо накормила, и он будет быстро бегать. А кота ещё найти где-то надо.

С котом решилось через два дня. Вышел из строя выключатель в их комнате. Да и треснувшая кухонная розетка давно не нравилась профессиональному электрику Алику.

На Дерибасовской зашли в магазин электротоваров. Пока родители стояли у прилавка, продавщица кивнула в сторону витринного окна:

– Смотрите, как ваша девочка хорошо играетя!

Алик перебирал в контейнере детали. Рита оглянулась: Иринка сидела на белом кафельном подоконнике витрины и игралась с котёнком месяцев четырёх-пяти.

– Да она играет с любым живым существом!

– Может, заберёте котёнка? – предложила девушка.

– Мы не местные, мы отдыхающие, – рассеянно произнёс Алик, ему не нравился тип выключателя. – А клавишные у вас есть?

– На следующей неделе завезут, это у нас новинка, разбирают сразу... Да вы этот берите, он качественный, хоть и старой конструкции. А если вы отдыхающие, зачем он вам?

– У нас рассыпался, совсем древний был, а на хозяйку надежды нет. Ладно, беру. И вот эту розетку дайте.

– Так как с котёнком?

– А ведь Полина просила кота, – вспомнила Рита. – Только вот будет он ловить мышей или нет?

– Будет, – уверенно ответила девушка. – Мы его кормим сырой рыбой и сметаной. Знаете, рыбная мелочь по 30 копеек за килограмм. Дёшево и сердито. Понимаете, он родился тут, в магазине, кроме кафеля ничего не видел. Мы вам отдадим с ним и баночку сметаны, и пару рыбок, что остались на сегодня. Жалко же зверя!

– Ладно, берём. И электротовары, и кота. Кстати, как его зовут?

– Мурзик.

– Гм-м... Такого чистенького?

Мурзик поместился в хозяйственной сумке. Молнию пришлось застегнуть, он всё пытался выскокить. В троллейбусе котёнок так возился и царапался,

что Рита боялась – задохнётся. Чуть приоткрыла молнию, и тотчас из сумки высунулась любопытная усатая мордочка, и – раз – шустрый котик, расширив собой отверстие, выметнулся наружу. Острые коготки вцепились в блузку, и через секунду он уютно устроился на плече. «Зацепы останутся» – с ужасом подумала Рита.

Сидящий рядом с ней молодой негр тихонько спросил:

– Помочь снять или пусть сидит?

– Помогите, пожалуйста, – попросила Рита, – он мне уже новую блузку испортил.

Парень осторожно снял упирающегося котёнка и помог устроить его обратно в сумку. Алик и Иринка сидели на местах напротив, помочь не могли.

– Папа, – громким шёпотом спросила Иринка, – это дядя не умылся или он так загорел?

Алик смутился, а парень спокойно ответил:

– Просто у меня такой цвет кожи. У нас в Африке очень жарко, и такая белая кожа, как у тебя, может просто сгореть. А тёмная кожа – хорошая защита. Можешь мне поверить, я же врач. – Он говорил по-русски правильно и красиво, с небольшим акцентом.

Иринка смотрела во все глаза, а потом предложила папе:

– Давай поедem в Африку, я тоже хочу так красиво загореть.

Мужчины засмеялись.

Дойдя до дачи, Рита забеспокоилась: как новый жилец воспримет обстановку?

– Прежде всего, нужно, чтобы он не сбежал, – резонно заметил Алик. – Плотно закроем калитку, и можешь выпускать. Сам разберётся.

Выпущенный из сумки котёнок притих, долго

принюхивался к непривычным запахам и ощущениям, потом несмело сделал шаг, другой... Прижался к земле, насторожил ушки... Потом поднялся и медленно пошёл по дорожке. Маленькие мягкие лапки настороженно вздрагивали. Дойдя до длинной травинки, перекинувшейся через дорожку, обнюхал её и по-пластунски прополз под ней. Следующую такую же травинку перепрыгнул длинным прыжком. Потом уже увереннее пробежал ещё пару метров и, неожиданно вскинувшись на задние ноги, распахнул передние радостным обнимающим жестом, и оглушительное торжествующее МЯУ!!! показало, что ему новое место очень понравилось. Какой-то очень человеческий жест, обнимающий землю и небо, и зелень вокруг, и пахнувший морем воздух, и горячее солнце, и лёгкие облачка в синеве. Куда там белому кафелю магазина! Все облегчённо засмеялись, а Мурзик большими прыжками помчался за дом, к огороду.

Из дома вышел Гена, как всегда с неизменной общей тетрадью и потусторонними глазами. Опять сочинил какую-то невероятную схему!

– Сынок! – окликнул его Алик, – что у тебя сегодня получилось?

– Представляешь, пап, можно телевизор сделать со вдвое меньшей схемой, и он будет работать не хуже. Посмотришь? Там, кажется, получилось одно неплохое решение, и половину лампочек можно выкинуть. Только я плату сделаю дома, у меня же тут ничего нет!

– Хорошо, мы с тобой ещё посмотрим. А ты посмотри-ка на нового жильца нашей дачи.

– Где? – завертел головой мальчик.

– На дереве, – спокойно ответила Иринка, уже

сбегавшая за дом. – Забрался и мяукает. Пошли снимать!

Уже потом, когда наевшийся и развалившийся на кровати у окна Мурзик, нежившийся в солнечных лучах, подставил белоснежный животик солнцу и раскинул в стороны лапки, Рита задохнулась от смеха:

– Глядите, Мурзик-то наш – девочка!

– Ой, мам, а как же мы его теперь будем звать?

– Не Мурзилкой же? Муркой, что ли?

– Фу, мне не нравится... Давайте – Пушинкой. Вон она какая пушистая и вся беленькая, когда на спинке лежит. – И Иринка принялась тискать и тормошить разнежившуюся кошечку, будущую грозу дачных мышей.

МАЛЕНЬКИЙ МУЖЧИНА

Генка открыл глаза и сразу зажмурился: в лицо ярко ударил солнечный луч. Вот что так щекотало его во сне! Он засмеялся, перевернулся на живот и сполз с кроватки. Направился через всю пронизанную солнцем комнату к кровати родителей, но по дороге наткнулся на стол. А на столе – вот радость! – лежат листы бумаги и ножницы. Пока все спят, можно поиграться немножко. Высунув от усердия кончик языка, он нарезал аккуратные полоски, как мама учила, склеил их в кольца так, что получилась цепочка. Очень получилось красиво. Плохо только, что бумага была не чистая, а исписанная. Ну, ничего, будем считать, что это узор такой.

Генка залез в родительскую кровать, дополз до папиного лица и стал пальцами открывать ему глаза:

– Папа, открой глазки, уже СВЕКЛЮ!

– Сынок, дай поспать, сегодня же воскресенье, – отмахивался Алик.

– А ты обещал, что мы пойдём в парк!

– Парк ещё закрыт. Он тоже спит.

Генка вздохнул и ушёл в угол, где жили игрушки. Он уже был большой. Давным-давно, целую неделю назад, ему исполнилось два года, и его уже обещали перевести в среднюю ясельную группу. И ещё его друзей – Борю и Никиту. Вот здорово!

Но тут проснулась мама, вышла из-за ширмы и сразу увидела красивую бумажную цепь на столе.

– Генка! – ахнула она. – Ты что же наделал? Это же мой курсовой проект! Тебе кто разрешил его брать?

Тут же из-за второй ширмы вышла бабушка. Дедушка и папа ещё спали, но на голос мамы дружно выскочили все, даже мамина младшая сестра тётя Аня, спавшая на раскладушке с другой стороны стола. Скандала было не избежать. Генка уже приготовился зареветь, но тут вмешалась бабушка:

– Рита, – строго сказала она. – Ты могла бы убрать пояснительную записку в шкаф, когда закончила. Зачем на столе оставила? Ты же знаешь этого ребёнка...

В парк после завтрака пошли, конечно, не все: Рите пришлось восстанавливать чистовик. Вчера ей так хотелось спать, она полночи писала его. Конечно, и подумать не могла, что этот сорванец использует записку как игрушку!.. Дома было пусто и тихо, отец ушёл в свой клуб филателистов, мама с Аней, Аликом и Генкой в парке. Можно не только успеть всё переписать, но и отмыть балкон от цветных карандашей, которые сын сейчас осваивает. Вон сколько начёркал!

И ещё не забыть бы: вчера Генка сам пришёл оторвавшуюся пуговицу к своим штанишкам, пыхтел над ней целый час. Упрямый, это хорошо. Теперь надо найти подходящие пуговицы и плотную ткань, чтобы занять его к вечеру. Пусть тренируется.

В понедельник Генка уже пошёл в среднюю группу, ужасно гордый. Вечером забирала его, конечно, бабушка. Мама и папа, как всегда, прямо с работы ехали в свои институты.

— Опять платок потерялся, — расстроилась бабушка. — Куда он их деваает? В младшей группе каждый день пропадали, теперь в этой...

— Когда я их выводила гулять, платок был, — ответила Галина Семёновна. — Геночка, ты можешь вспомнить, куда ты его дел?

— Могу, — солидно кивнул Генка и провёл взрослых к кустам, окаймляющим площадку. Все ветки были тщательно укрыты десятками детских платочков.

Воспитательница охнула и всплеснула руками.

— Днём ветер сильно дул, цветочкам и листикам было холодно, — пояснил мальчик. — Мы их и укрыли. Но мы ведь всё правильно сделали? Нас тоже укрывают, когда холодно.

Ну не наказывать же его за такую заботливость!

Через несколько дней Галина Семёновна сообщила бабушке:

– Ну что же, я к Гене присмотрелась. Он разговаривает лучше и чище всех в группе, не коверкает слова, знает много стихов и песен. Вы что, специально его учите?

– Нет, но читаем ему много. И родители его оба в этом возрасте хорошо говорили и стихи знали.

– Замечательно, только смотрите, при нём не сюсюкайте и не коверкайте слова, он очень хорошо перенимает. Вы знаете, что он мне сказал? Я ему говорю: ты маленький мальчик. А он мне отвечает: нет, я маленький мужчина. Это кто его учит?

– Да никто. Он смотрит на отца и на деда...

В конце августа бабушка приболела. На работу не пошла, взяла больничный. Рита сама пораньше, перед работой, отвела Генку в ясли и забирала его из группы уже последнего. Пока от завода доедешь! Мальчик очень удивился, увидев бабушку лежащей:

– Ба, вставай! Ещё рано ложиться спать!

Рита вмешалась:

– У бабушки ножки болят, ей нужно лежать.

– Ножки болят, – повторил малыш и добавил: – и ручки болят, и горлышко болит. Лежи, бабушка, я тебе сейчас игрушки принесу!

И принёс, и развлекал её весь вечер: песни пел, стихи читал, обнимал, утешал... Вообще, он был очень рассудительным. Никогда не отвечал на вопрос сразу – сначала обдумает ответ, потом озвучит. Ещё трёх лет ему не было, вернулись с дедушкой Исааком из зоопарка (как раз Московский зверинец на месяц приехал), захлёб рассказывал о животных,

изображал их «в лицах», даже рычал по-разному. Бабушка спросила:

– А как выглядит тигр?

Он чуть помолчал и пожал плечами:

– Через клетку, конечно!

Осенью завод организовал выезд в лес, на Самару. Заводские катера брали по 150 человек, на праздник «Золотая осень» ехали целыми семьями. Яркие, солнечные дни, золотистая и пунцово-красная листва слепила глаза. С каким удовольствием уезжали из города на вольный воздух!

Накануне отъезда Рита с Аликом собрали рюкзаки. Генка волновался, путался под ногами, плохо ел и не хотел ложиться спать. Пришлось пригрозить:

– Не будешь ужинать, в лес не поедешь. В катер голодных детей не пускают.

– Ладно, я поем немножко. А лопатку в лес можно брать?

– Да, обязательно. Вскопаешь землю вокруг деревьев, им будет приятно.

Он мигом соскочил с кровати:

– Сейчас надену ботинки и пальто, возьму лопатку и пойдём в лес!

– Чудак, до леса далеко, два часа ехать катером. А лопатку давай, я её в рюкзак положу.

Катера отходили от пристани заводской водной станции. Они были большими, с тентами над палубой и длинными скамьями по бортам. На палубы вынесли большие корзины с яблоками и помидорами для желающих. Желавших оказалось много. Грызли угощение с удовольствием. Некоторые спустились вниз в салон, там были столики и диванчики, но любители свежего воздуха остались на ветерке и

солнышке, любовались широченным могучим Днепром и убегающими назад берегами. Прошло больше часа, пока катера свернули с полуторакилометровой глади Днепра в узкую, не больше 100-150 метров Самару, очень глубокую, с солоноватой водой, почти полностью затенённую густым лесом.

По широким сходням высадились на обрывистый берег. Противоположный берег, низкий и топкий, заросший камышом и жёлтыми кувшинками, никого не привлекал. Да и вода уже холодная – середина сентября. А на этом берегу раздолье! Большой луг, почему-то волнистый, будто земля была вначале жидкая, а потом застыла длинными пологими волнами, сейчас заросшими густой низкой травой с редкими кустиками молочая и пижмы, и только подальше, метрах в ста, поднимался молодой, ещё невысокий ельник, и уже за ним начинался настоящий густой лес.

Мужчины уже раскатывали на сравнительно ровном месте рулон синьки, белой стороной кверху – скатерть получалась метровой ширины и 30 метров длины. Сразу же все начали разгружать привезённые продукты: баночки, кастрюльки, судочки. Вскоре «стол» стал напоминать сказочную скатерть-самобранку. Рядами выстроились кружки и чашки. Но когда стали выставлять бутылки, послышались возмущённые возгласы:

- Тара падает! Чего стол-то кривой?
- Вы что, не могли найти ровного места?
- Тут же сплошные бугры!

Пришлось срочно всё убирать. Скатерть снова свернули, раздвинули низкую густую траву – и ахнули: строгими рядами в ней проглянули шляпки

грибов – как будто специально посаженные! Целыми семьями по десять-двадцать штук росли они на расстоянии полуметра друг от друга! На всю длину луга – около полукилометра!

– Мапочка родная, сколько же их!

– Никогда столько не видывал!

– А они съедобные?

– Виктор Зиновьевич, идите сюда! Вы лучше всех в грибах разбираетесь! Это что такое? Есть можно?

Подошёл Баскелович. Под усами весело сверкнула улыбка.

– Ого! Кто это нашёл?

– Это у нас под столом было. Что это?

– Называется – тополёвка рядовая. Съедобно и довольно вкусно. Только отварить надо минут десять, а потом можно жарить с луком или доваривать в супе, только со специями. Можно и засолить на зиму. Так, быстро и аккуратно соберите всё, да не рвите, ножичком пройдитеесь, чтобы грибницы не испортить – и скатерть на место. Люди завтрака ждут.

В те годы ещё не придумали пластиковые пакеты, но авоськи и матерчатые сумки, а то и рубашки с завязанными рукавами – у кого что было – заполнились быстро.

Конечно, завтрак тянулся часа полтора, под тосты, шутки и смех, и уже потом все разбрелись. Некоторые на лугу ещё охотились за рядовкой, на берегу молодёжь играла в волейбол, гулко ухал мяч. Несколько рыбаков с удочками пристроились на мелководе, на полузатопленных корягах. Из молодого ельника доносились азартные вопли: там оказалось много маслят. Опушку, где кучей были свалены сумки и рюкзаки, тоже перебрали: рядовка была и там.

Стайка детишек с родителями пробирались через старый лес. Кусты шиповника и боярышника вспыхивали огоньками созревших ягод, чёрные кисти спелой бузины важно кивали с высоких кустов. Генка был счастлив: то он шёл, держась за папу и маму, то взбирался к папе на плечи и, держась за папины уши, галопом скакал по тропинке. Целый день вместе! Ведь в будни они виделись всего несколько минут: папа торопливо чмокал их с мамой и убегал на автобус. Потом мама чмокала его и убегала на свой автобус, а бабушка вела в садик. А вечером мамы с папой опять не было – они прямо с работы ехали в свои непонятные институты и приезжали домой, когда он уже спал.

Часа в два дня, вернувшись из леса, набегавшийся и нахохотавшийся мальчишка вдруг почувствовал, что его ноги заплетаются, а глаза сами собой закрываются. Тогда из рюкзака вынули спальный мешок, половину подогнули (получился матрац), а во вторую половину уложили уже сонного Генку. Когда мама застёгивала молнию спальника, он уже этого не слышал.

– Всё, можем гулять дальше, – сказал Алик. – Свои два часа под ёлкой он и не шелохнётся. Как всегда. Пошли в волейбол играть!

– Ты иди, – ответила Рита. – Я же видела, ты чуть не облизываешься на них. А я с девочками тут поброжу. Надоест, ещё погуляем вдвоём. Домой ехать только в шесть.

Дома уставший, но счастливый Генка растянулся в своей кроватке и сильно-сильно потянулся. Позади затихший вечерний лес и засыпающая река, двухчасовое возвращение на катере и примолкшая, утомившаяся детвора, частично заснувшая на руках

родителей. Не все спали два часа под ёлкой... И пока он захлёб рассказывал бабушке и Ане, как здорово было в лесу на празднике, папа с мамой успели почистить и вымыть грибы, и даже проварить их немного перед завтрашней засолкой. Вот будет зимой вкуснятина!

Содержание

ПОВЕСТИ

Зигзаги одной судьбы	3
Эта земля меня ждала, или Истории трёх женщин	53
Свет сквозь тьму	75

РАССКАЗЫ

Несолёные камушки	148
Эхо	152
Вы слышали, как поют дрозды?	156
Соседи за окном	163
Летняя история	165
Маленький мужчина	173

